Л. В. ЗОТОВА

ДНЕВНИК ТЕАТРАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА

ДНЕВНИК ТЕАТРАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА Л. В. ЗОТОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От автора Окончив в 1959 году ГИТИС как ученица доктора искусствоведческих наук, профессора Бориса Владимировича Алперса, я поступила редактором в Репертуарный отдел «Союзгосцирка», где работала до 1964 года. В том же году была переведена на должность инспектора в Управление театров Министерства культуры СССР, где и вела свой дневник, а с 1973 по 1988 год в «Союзконцерте» занималась планированием гастролей театров по стране и их творческих отчетов в Москве. И мне бы не хотелось, чтобы читатель моего «Дневника» подумал, что я противопоставляю себя основным его персонажам. Я тоже была «винтиком» бюрократической машины и до сих пор не решила для себя — полезным или вредным. Может быть, полезным результатом моего пребывания в этом качестве и является этот «Дневник», отразивший в какой-то степени не только театральную атмосферу, но и приметы конца «оттепели» и перехода к закручиванию идеологических гаек.

- Л. В. Зотова
  - 1966 год
  - 1967 год
  - 1968 год
  - 1969 год
  - 1970 год
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Л.В. ЗОТОВА

ДНЕВНИК ТЕАТРАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА

1966–1970

Москва 2003

Л. В. Зотова
Дневник театрального чиновника 1966–1970

Посвящается
светлой памяти
Бориса Александровича
Львова — Анохина

Но как грустно и светло,
= = = = больно и дорого это нелегкое время,
день за днем проживать,
вспоминать вслед за Вами.
Хроника, летопись светлых и горьких дней…

П. Фоменко (из письма автору)

1966 год

Сегодня, 6 октября, была в Театральной библиотеке на встрече редакции журнала «Театр» с читателями и работниками библиотеки. Среди выступавших оказался Б. Львов — Анохин, который сказал, что ведет дневник, куда записывает все, и в частности впечатления от встреч и обсуждений у руководства[1].

Вот тут-то мне и пришла мысль, что я тоже должна вести дневник (так сказать, с другой стороны «баррикады»), без всяких рассуждений, просто день за днем записывать одни факты и разговоры в «родном» Управлении театров.

Ну, как говорит Тарелкин в пьесе Сухово — Кобылина, от теории перехожу к практике.

6 октября

Итак, 6 октября. Пришла в 9 утра. В нашей комнате Н. Шумов (начальник Отдела по контролю за текущим репертуаром), В. Кудрявцев (его заместитель) и В. Будорагин (инспектор по театрам Украины и Молдавии) изучают газеты. Я тоже проглядела «Советскую культуру». Будорагин стал рассказывать о вчерашней лекции по международному положению. О том, что Мао — дзе — Дун совсем болен, что в Китае борются две группировки. Кудрявцев вспомнил про Вьетнам, что лектор мельком дал понять, будто американцы давно бы заключили мир, во всяком случае они готовы к переговорам, а Вьетнам, подстрекаемый Китаем, этого не хочет. Будорагин с ним не согласился, поскольку в наших газетах этого не читал. Я сказала, что газетам не верю, и, так как тема приобретала острый оборот, Шумов счел нужным прервать нашу беседу и, извинившись, перевел разговор на другую тему.

Я стала писать справку о репертуарных планах московских театров, пытаясь изложить дело как можно мягче, не ругать театры, но и отметить какие-то недостатки, чтобы и начальство удовлетворилось. Потом позвонила в Театр Маяковского, якобы лишь с целью попросить принять в субботу на «Грозу» главного режиссера японского театра «Кабуки» Уно Дзюкити, а сама только и думала о том, как, не привлекая внимания, узнать, как дела со «Смертью Тарелкина». Узнала, что премьера вроде будет в субботу на Малой сцене[2]. Потом позвонила в Кремлевский театр[3], договорилась о японце и о болгарках, потом — в Театр Вахтангова о японце и отправилась в Министерство культуры

РСФСР на совещание по репертуару.

Заседание началось в 13 часов. Ненавистный мне Шкодин (и. о. начальника Управления театров) плел всякую чепуху, а Афанасьев (главный редактор Репертуарной коллегии) зачитал рекомендательный список пьес.

Вернулась в Управление. За время моего отсутствия Шумов ходил на улицу Куйбышева[4] к помощнику Министра и помогал доделывать материал для Монголии и Японии, куда завтра уезжает Фурцева, Кудрявцев ходил на заседание Выставкома по театральной выставке, которая будет в Манеже. В 18 часов я пошла в Театральную библиотеку.

В 1966 году меня хватило всего на одну предыдущую запись.

1967 год

26 июня

Утром позвонил П. Фоменко, вернувшийся из Польши. Сказал, что видел моего друга — польского поэта и драматурга Тымотеуша Карповича, с которым я познакомилась на Первом фестивале польской драматургии в Москве в мае 1965 года. Вечером зашел, рассказал как, что. Из дальнейшей беседы больше всего запомнились слова, что Товстоногов — мещанский режиссер, так как ставит спектакли в 4-х стенах. Публика радуется или негодует, но происходящее на сцене к ней отношения не имеет, ее это не затрагивает.

17 сентября

Утром была в «Современнике» на «Декабристах». Впечатление странное — чего-то несерьезного, дилетантского, непрофессионального. Да, понятен благородный замысел — против насилия, против власти диктатора, против глупости, предательства, подлости, приспособленчества, лизоблюдства и прочих пороков времени. Но это настолько антиисторично, что получается и несерьезно. Ну какой Табаков Рылеев? Так, хмурящийся мальчик. Да и сам Ефремов — царь приблизительный. Говорить об историчности, портретном сходстве, не внешнем, а по характеру — не приходится. Ну это, в сущности, идет от пьесы, а театр лишь усугубляет.

Вечером позвонил Борис Владимирович Алперс. Он только что вернулся с «Доходного места» в постановке Захарова из Театра Сатиры. Сказал, что если подходить с позиций большого искусства, то ему не понравилось. Не принцип, а его воплощение, воплощено недостаточно культурно, слишком агитационно. В принципе близко к Любимову. Конечно, он не против того, чтобы хоть так что-то говорилось. Но с позиций искусства это осовременивание слишком лобово. У Мейерхольда все было тоньше (конечно, о степени дарования говорить не приходится, но все равно). Его устраивает такое современное прочтение классики — как у Остужева в «Отелло», у Лоренса Оливье в «Отелло» — абсолютно исторично и в то же время остросовременно. Если же сравнивать «Доходное место» с «Ревизором» Кедрова, то к этим постановкам у него отношение,

пожалуй, одинаковое, а может, трюкачество (балаган) в «Ревизоре» даже более благонамеренно, а потому хуже. Если же сравнивать с «Вишневым садом» Кнебель, то «Доходное место» интереснее, хотя бы потому, что здесь больше темперамента. Из актерских работ, в сущности, ему по-настоящему не понравился никто. Ну, хорошая внешность у Миронова в роли Жадова, но образа нет. Задавлен замыслом режиссера Папанов — Юсов, и сцена в трактире, где он ползает по полу, а Белогубов на него кричит, — ужасна. Режиссер, переосмысливая одни образы (Белогубов очень усилен), не замечает, как ломает другие (Юсов). Девочки приятные, больше Полина (Защипина), традиционна Кукушкина (Пельтцер), по существу, кукла — Вышневский (Менглет), но он таков и у Островского. А в общем, все очень рвано — кусочки, кусочки. Есть, конечно, и интересные места, но уж очень много мельтешенья. Интересно придумано с вращающимися комнатами, но этого так много, что голова кружится. Понравился финал с обращением в зрительный зал. Конечно, пусть хоть так что-то говорится, ведь в советской пьесе этого не дадут сказать. Разумеется, все это претензии по большому счету, а так, в отношении принципа решения спектакля, он ничего против не имеет. Тодрии (театровед) понравилось еще меньше. Головашенко (театровед), наоборот, очень понравилось. На спектакле еще были Ю. Завадский, М. Кнебель, Е. Симонов.

Надо сказать, это очень хорошо, что я смотрю все спектакли до Бориса Владимировича, я хоть сама знаю свое личное впечатление, а то бы он здорово на него влиял. После разговора с ним все восторги как-то тускнеют, и тебе кажется, что он в чем-то больше прав.

По «Доходному месту» у нас в Министерстве паника. На заседании коллегии Большов (главный редактор «Советской культуры») просил занести в протокол его возмущение тем, что в Москве, в Театре Сатиры идет антисоветский спектакль, что прием обращения в зрительный зал означает критику советской действительности. Все перепугались, и началась паника. В воскресенье 10 сентября утром на спектакль ходили замминистра Владыкин (он взял с собой Ревякина — специалиста по А. Островскому), наш Тарасов (начальник Управления), Черноуцан (из ЦК КПСС) и др.

После просмотра Ревякин сказал, что хотя отступления от канонического текста есть, но дух Островского сохранен. И тут Владыкин, кричавший после первого акта об искажении автора, сразу переменился, а после слов Черноуцана, что назвать этот спектакль антисоветским может только сумасшедший, «приобрел»

почти положительное мнение. Тарасов пока — «за». И даже на мои слова, что за такие обвинения Большову надо «давать по зубам», благосклонно заметил, что вот надо собрать на обсуждение спектакля таких товарищей, которые бы «дали ему по зубам».

Итак, у нас создана «комиссия» — я прошу ее членов посмотреть спектакль, потом спрашиваю, кто какого мнения, после чего мы будем отбирать, кого приглашать на обсуждение. Вот мнения: Марков (доктор искусствоведения) в принципе — за; Пименов (критик) — спектакль здоровый, но много мусора (одеты чиновники в коричневые костюмы — напоминают фашистов); Раевский (режиссер МХАТа) — против, искажение Островского, если бы на афише стоял автор — «Захаров по мотивам Островского», то тогда он готов признать и то талантливое, что есть в спектакле.

18 сентября

Сегодня Тарасов готовился к завтрашней встрече с Фурцевой, которая вернулась из отпуска. Нервничал, предугадывал ее вопросы, прежде всего о подготовке к 50-летнему юбилею Октября. Я ходила в московское Управление культуры, выверяла юбилейную афишу (эта железобетонная жуть разгонит всех зрителей). В кабинете Тарасова обсуждался вопрос о «Братской ГЭС» в Театре на Малой Бронной — все ли замечания выполнены: убрать слова «Маяковский застрелился и был посажен Мейерхольд», переставить «Ваньку-Встаньку», сократить «Прохиндея»[5]. Потом перешли к «Доходному месту» — что сказать, на кого сослаться при положительной оценке. Голдобин довольно цинично формулировал, а Тарасов записывал, что спектакль нетрадиционный, но, в общем-то, здоровый, как выразился Пименов, которого спрашивал Голдобин. Позвонили Завадскому, он — «за», свежо, талантливо. Стали писать список, на кого сослаться, — П. Марков (Тарасов сказал, что Марков не очень-то авторитетен теперь для Фурцевой, раньше она к нему хорошо относилась, но он как-то где-то высказался в противовес ее мнению, теперь она его разлюбила); Анастасьева (доктор искусствоведения) нельзя — он «подписался»[6]. Походя Тарасов заметил, что Большов ненавидит Плучека и делает ему пакости за то, что тот однажды сказал, что, «чтобы руководить „Советской культурой“ большого ума не надо». Решили сослаться на Завадского, Маркова, Пименова, Салынского, Арбузова, Рыбакова (главный редактор журнала «Театр»), Ефремова, а для

объективности сказать, что вот Яншин не принимает спектакль, так как считает, что это отступление от Островского, т. е. все время придавать спору эстетическую, а не политическую окраску. Ну что из этого будет — поручиться нельзя. Тарасов всегда готовится, а потом выглядит как беспомощная мокрая курица. Потом опять вернулись к «Братской ГЭС». Тарасов решил еще раз посмотреть, и я с ним пошла. Пришли, опять разговор — надо подождать с премьерой, решить должно ЦК. А Зайцев (директор театра) все ссылается на Демичева (секретаря ЦК, кандидата в члены Политбюро), что вот ему Евтушенко с дарственной надписью экземпляр «Братской ГЭС» подарил как покровителю, который первый разрешил ее опубликовать, что он первый поставил свою визу, а потом Брежнев. И все такая таинственность. Третий раз спектакль понравился еще меньше. Первый раз было интересно, казалось талантливо, хотелось даже извиниться перед Поламишевым за то, что не считала его хорошим режиссером. Второй раз — местами было скучно, местами еще брало. Третий — видишь, что крик, а толку чуть. Была рядовая публика, и первую часть со всеми критическими намеками совсем не принимала, во второй части хлопали в «патетических» местах. То ли публика — все еще рабы, сами не смеют думать, то ли все это действительно пустой крик, черт его знает.

Придя с «Братской ГЭС» позвонила Эфросу, его нет, он в ГИТИСе, разговаривала с Крымовой (театральный критик, жена Эфроса). Рассказала ей, что Тарасов ходил на просмотр «Синей вороны» в Ленком. Спектакль очень плохой, никакой режиссуры. Родионов (начальник московского Управления культуры) заявил на обсуждении: «Можете выпускать, но ведь это вроде визитной карточки, так что смотрите сами»[7]. Тарасов выступил вторым и разругал спектакль.

Наташа сказала, что Анатолий Васильевич очень увлечен «Тремя сестрами», что по замыслу это великолепно, но актеры берут пять процентов от замысла, и это больно и обидно, поэтому, что из этого выйдет, сказать трудно.

19 сентября

Утром были на спектакле «Мера истины» в Театре Ермоловой — постановка Комиссаржевского и Косюкова. Бездарно, ремесленно, в сюжете и характерах персонажей вытащены этакие «штучки-дрючки». Как выразился Голдобин, «острота, утвержденная руководством». Никакого интеллекта у «молодых ученых», только черточки своеобразия характеров (милота и что-

то в этом роде). Ярче других Галлис — смешно, порой интересные находки, но вообще все комикование, облегчение образа и проблем пьесы. Оформление — смесь из «104 страниц» и «Снимается кино» — этакие дежурные приметы времени. В чтении пьеса производила довольно интересное впечатление, но спектакль выявил ее недостатки и скрыл достоинства. В общем, дурновкусие, еще один вариант «Теории невероятности», по-моему, самого пошлого спектакля прошлого сезона. Вот такая серость процветает, а истинный талант гнетется. Тошно, тоскливо.

Тарасов после совещания у Фурцевой мрачен, приехал вместе с Владыкиным, и никто не знает, что там было. Выясняют, кто первый сказал «да» и разрешил печатать афишу «Братской ГЭС». Они вдруг все «удивились», что картина даже в столь двурушническом отражении, как у Евтушенко, получается «мрачноватая». О культе хотелось бы забыть, о подлостях и глупостях не говорить. А двурушничество Евтушенко в том, что он еще все отстаивает лозунги, которые давно стали мыльными пузырями, сути за ними нет.

Вечером позвонил Львов — Анохин, голос какой-то усталый, грустный. Спрашивал, пришло ли что из Болгарии, его должны пригласить на премьеру поставленного им в Варне «Шестого июля». Говорили о том о сем, вернее, я ему рассказывала о наших делах, в допустимой для телефонного разговора форме — о впечатлении от «Братской ГЭС», «Доходного места». Он несколько раз смеялся, и то хорошо. Говорил, что работа над Коржавиным («Однажды в двадцатом») идет вроде нормально. Они с автором многое уточняют драматургически, сокращают текст, выстраивают по логике, хотя, конечно, о результатах этой работы пока говорить трудно. Я ему сказала, что веду дневник, он очень одобрил.

20 сентября

В 9 утра стала звонить в Управление внешних сношений по поводу выезда Львова — Анохина в Болгарию. Мне сказали, что оформить никак не успеют, надо снова получать визу через МИД, так как срок прошлой визы уже кончился, а это за три дня не сделаешь. О Господи, это в Болгарию-то, для человека, который вернулся оттуда всего две недели назад! Я позвонила Борису Александровичу и все ему рассказала, и то, что болгары не лучше нас, так как прислали телефонограмму лишь в минувшую субботу, а должны были это сделать гораздо раньше.

Потом совсем стыдно: занималась профсоюзными «делами» — как помогает профсоюзная организация в выполнении производственных планов. «Планы» все с потолка, как только их утвердят, о них тут же забывают — все и везде.

Просто не находя себе места, пошла к Синянской (редактор по зарубежной драматургии), которая опять затеяла разговор об абсолютной бесполезности нашего пребывания в этом заведении. Я спорила с внешним темпераментом, а внутри тоска, тоска…

После обеда разговаривала с Шатровым, которого, как и Львова — Анохина, Болгария пригласила на премьеру его пьесы. Когда я ему все объяснила, он сказал: «Конечно, я мог бы обратиться к Фурцевой, и тут же было бы все сделано, но просто без Бориса (Львова — Анохина) ехать не хочется, а потом, не обязательно ехать на первый спектакль, все равно премьера».

А начальство все утро до 13 часов заседало — все готовило Тарасова к тому счастливому мигу, когда он предстанет пред грозные очи «Хозяйки», наставляло, как и что ему говорить.

21 сентября

Видела сегодня «Мещан» Товстоногова, о которых сказано и написано столько восторгов. Не знаю, может, настроение было сегодня не очень хорошее, может, у меня предубеждение к Товстоногову как человеку мешает, но спектакль не дал того наслаждения, как когда-то «Варвары». Порой, местами было просто скучно. Хотя в целом это так достоверно, так точно по образам. Сцены многочисленных ссор сделаны потрясающе, звучат как симфонический оркестр, например, в конце 4-го акта, после ухода Нила и Поли, кричит Бессеменов, смеется Тетерев, причитает Акулина Ивановна и т. д. — по звучанию полифонический концерт. Очень хороши Лебедев — Бессеменов и Попова — Татьяна. Типажи, не более, Тетерев и Перчихин. Линия Нила (Лавров) малоубедительна, не в нем дело. Своеобразен Петр — Рецептор, такой нервный, сорвавшийся на первой же попытке стать личностью, и смешно, для других, все еще, как молодой петух, пытающийся кукарекать. Но петух научится в конце концов, это пока он срывается, а этот вряд ли. Но в Петре все же есть что-то притягательное, за что его полюбила-пожалела Цветаева. Этот разлад, борьба отцов и детей звучит очень современно. Очень сильна боль — засасывание тины — обывательщины, и главное ощущение: распалась связь времен. Эти ссоры, неразбериха, непонимание друг друга, себя, безысходность. А Нил и Поля вдруг выглядят какими-то

жестокими по отношению к Татьяне, не замечая, что в ослеплении счастья топчут человека.

А сегодня утром была на таком дерьме, что и вспоминать не хочется, — «Невесте» Чаковского в театре Гоголя в инсценировке Павловского. Бездарная фальшивка, бездарно поставленная и бездарно сыгранная.

22 сентября

Сегодня с утра обменивались впечатлениями от вчерашнего спектакля «Мещане». Я все думала, почему это Тодрия в восторге, а я нет. Но вот и Емельянову (критик, член Репертуарной коллегии) не очень понравилось. По его мнению, социального начала здесь маловато, просто семейная драма. Ему показались роли Перчихина, Тетерева, а также Цветаевой стандартными. Петр — Рецептор его раздражал своей однотонностью, проведением роли на одной ноте.

Вдруг в 16 часов меня попросили пойти на премьеру «Братской ГЭС». Господи, четвертый раз. Нет, видимо, это не искусство, настоящее искусство можно смотреть по многу-многу раз, а это уже просто осточертело. И ничего не находишь, и ничто на тебя не действует — вот только музыка Колмановского хорошая, ее слушаешь с удовольствием, а все остальное кажется просто самодеятельностью. Публика все воспринимает, в общем, спокойно. Что «ура», что «долой» — для нее одно и то же. На спектакле слышала, как народная артистка СССР Мансурова хвалила «Мещан» и Товстоногова. Что это МХАТ, но сочнее, что он удивительно самостоятельно держится в искусстве и в жизни, что ей очень, очень понравилось.

Перед моим уходом в театр, в 17 часов позвонил Эрман (директор «Современника») и сказал, что «лит» на «Народовольцев» обещали дать в 10 утра 23 сентября, и театр очень просит, чтобы в 11 часов утра пришли принять спектакль.

23 сентября

В 11 утра были в «Современнике» на «Народовольцах». Довольно огорчительное явление. Прежде всего, расхождение с жанром пьесы. Пьеса — довольно сухой документ, а театр пытается ее играть как психологическую драму, и из этого ничего не получается — крик, надрыв, а все пустое. Вместо того чтобы просто обращаться к разуму зрителя и доложить ему то, что ты

хочешь сказать, актеры пытаются создать образы, а играть-то нечего. Ну, у кого больше материала и таланта, у того что-то получается, например, Царь — Евстигнеев. Потом, сделано это многослойно: на фоне народа — народовольцы, на фоне того и другого — сцены во дворце. Окончание фразы в одной среде становится началом разговора в другой. Замысел понятен, но все слишком усложнено. Сам Ефремов — Желябов — какой-то герой Достоевского, а не крестьянин — революционер. И все кричат, кричат — Муравьев — Фролов и Гольдберг — Никулин особенно.

А вечером в 21 час была в ВТО на открытии 31-го сезона Дома актера. Полно каких-то нетеатральных людей. Абсолютно отсутствует молодая режиссура, и почти нет молодых актеров, есть старики. Какое-то грустное зрелище, нет праздника, скучно.

24 сентября

В 12 часов дня была на спектакле БДТ «Сколько лет, сколько зим». Что-то не очень, особенно первый акт. Во втором появилось какое-то напряжение, один раз даже до слез. Актеры играют интересно, достоверно, им веришь, но как-то все прохладно, мне не хватает темперамента, страсти режиссерской. Юрский делает что-то не то, сочно, смешно, но не то. Нет трагедии человека, а просто какой-то комик.

После театра поехала к Борису Владимировичу отвезти билеты. В беседе возник вопрос о том, как судить художника — лишь по его созданиям или и по его жизни — по совокупности. Борис Владимирович считает, что если на поверхности явное расхождение между творениями и жизнью самого автора, то для выводов этого все же мало, нужно учитывать и причины, и мотивы поведения. Вот Некрасов — гражданин в поэзии, объективно от его деятельности огромная польза, и журнал-то он издает один-единственный прогрессивный, и близок к Чернышевскому, а, страшась закрытия журнала, оду самому Муравьеву-«вешателю» прочитал, и до самого смертного одра и на нем мучил его этот поступок слабости. Давал балы, имел один из лучших выездов, но нужно было давать балы, чтобы принимать редакторов, налаживать связи и т. д. — вот, надо учитывать все. Толстой проповедовал опрощение, а жил в графском доме, да, но что ему было делать?

Рассуждая о том, почему две самые гениальные пьесы — «Ревизор» и «Горе от ума» никогда не пользовались большим успехом, Борис Владимирович сказал: «Потому, что в них нет ничего лишнего, они слишком совершенны для театра. В театре

нельзя все время быть в напряжении — пьеса должна строиться так, чтобы как волны набегали, а в „Ревизоре“ сплошь одно золото и бриллианты. Интересно, когда читаешь варианты, то видишь, как Гоголь освобождает пьесу, по его мнению, от всего лишнего. И получается, что в чтении это гениально, а на сцене многое пропадает. Шекспир умел сочетать — у него не просто сказано „подлец“, а он пишет многими определениями, и зритель, если что-то и пропустит, то что-то и ухватит. Вот у Островского гениальная „Гроза“ не пользуется успехом, а мелодраматичная „Без вины виноватые“ — пробивная, как пуля. Сцена не может жить без доли пошлости», — заключил Борис Владимирович.

Опять вспоминали о «Доходном месте» в постановке Захарова. Борис Владимирович сказал, что у режиссера нет единого замысла. Что вот у Фоменко в «Дознании», поставленном им в Театре на Таганке, был неверный замысел, но был, во многом был замысел в его постановке «Смерти Тарелкина» — в ролях Тарелкина и Варравина чувствовался режиссерский замысел, а здесь этого нет.

Я сказала, что Варпаховский считает, что «Доходное место» Захарова — это отголоски Таирова, что это формализм, который он ненавидит. На что Борис Владимирович как-то спокойно заметил, что это Варпаховский проснулся и заговорил о формализме, что это чепуха, никакой это не формализм, и Таиров здесь ни при чем, он бы в ужас пришел, если бы его к этому спектаклю приплели, так как это просто агитка.

Говорили о книге Светланы Аллилуевой, которую я ему давала читать. Что это приятно, потому что скромно. И если она хотела себя реабилитировать, что она сама никакого зла не сделала, то цель ее достигнута, а папочку своего она довольно-таки «раздела», и жизни ее не позавидуешь.

Говорили об Эфросе. Я обрисовала сложное положение его самого и актеров, пришедших вместе с ним в Театр на Малой Бронной[8]. Борис Владимирович сказал, что не надо ничего преувеличивать и что все чуть ли ни к лучшему. «Тот» театр уже кончался, был почти исчерпан, так что надо было менять, а в сложившемся коллективе это очень трудно. Что очень хорошо, что он не главный режиссер и отвечает только за свои спектакли. Что ему не нужен сейчас громкий успех и что пусть будет хоть средний спектакль «Три сестры», а потом он может сделать что-то лучше. Когда Алперс говорит, ничего не можешь с собой поделать, почти всегда он кажется тебе убедительным.

Борис Владимирович сказал, что не любит Некрасова, а вот Блок, Брюсов любили, и у Блока очень чувствуется его влияние. Сказал, что любит у Горького «Мои университеты», «Клима

Самгина», «Варвары», «Дети солнца», «Последние», «Егор Булычев» и гениальную пьесу «На дне». На мой вопрос «А что еще?» ответил: «А больше у него ничего нет».

25 сентября

На овощной базе чистила капусту[9].

26 сентября

В 16 часов был идиотский отчет профбюро Управления на месткоме Министерства — как мы помогаем руководству в выполнении производственных задач. Какой абсурд вся эта «общественная» работа и «необщественная» тоже. Вечером на парткоме утверждали мою характеристику для выезда в Польшу. Меня пригласило Министерство культуры Польши персонально за активное участие в проведении Первого фестиваля польской драматургии 1965 года. Ильина (начальник Управления кадров) прямо вся кипела, смотрела зверем, но ничего сделать не могла.

Вечером позвонил Борис Владимирович и рассказал о своих впечатлениях от спектакля «Сколько лет, сколько зим». В общем, ему понравилась режиссерская работа Товстоногова, умение использовать сценическое пространство, создавать атмосферу, а на мое замечание, что все это холодно, возразил, что зато отсутствует дилетантизм (который ему так ненавистен), все сделано по законам искусства. Но актерские работы по существу никакие не понравились. Сказал, что Юрский делает не то, что в пьесе, но, может, так и надо, а то было бы скучно, юмора мало. В общем, спектакль средний, но смотреть не скучно.

27 сентября

Ну вот — Борис Владимирович от «Мещан» в восторге, ему очень, очень понравилось. Разницу в восприятии им и мной он деликатно объясняет разницей темпераментов. Главное он видит в освобождении Горького от вульгарного социологизма. Что здесь не семейная драма, а всеобщее непонимание друг друга, одиночество — это и сам Горький, и современность. Текст Товстоноговым перемонтирован, а не убран, и монологи превращены в отдельные реплики (вот почему мне показалось, что отсутствует монолог Нила о любви к жизни и активному

вмешательству в нее). Лебедев — Бессеменов просто превосходен, трагический образ большой силы. Понравилась очень Макарова — Цветаева, Петр — Рецептор, Татьяна — Попова (особенно в первом акте, во втором не совсем понятно, зачем это она моль ловит). В начале века все критики рассматривали Нила как самодовольного, самовлюбленного мещанина, так его трактовал Дикий, такой он и здесь. Всех поучает, а сам просто влюблен в молодую здоровую женщину и самодовольно любуется собой. У Перчихина в конце действительно лишнее комикование, а в целом очень хорошо. Они все мещане, все. Так и у Горького, это потом навесили фальшивые ярлыки, и Товстоногов их срывает. Очень хорошая Поля — Сапожникова. «Не люблю этого слова, — сказал Борис Владимирович, — но здесь действительно что-то от философской глубины, хотя представляю себе, что в возрасте гораздо более молодом люди просто не очень хотят думать о тех проблемах, которые здесь поставлены. Товстоногов не только умом, но интуицией постигает Горького». Очень интересно Борис Владимирович говорил о том, что у Товстоногова, как и у Горького, симпатии на стороне Татьяны и Петра, потому что они ищущие, колеблющиеся, а не самодовольные, не самовлюбленные. А то, что Татьяна напоминает Калерию из «Дачников», — это закономерно, это вариант одного образа, Горький любил многократно обращаться к одному характеру и рассматривать его в разных ситуациях, в разной обстановке. И Калерия, и Татьяна, и Лиза («Дети солнца»), и девушка из «Достигаевых» очень разные, но в них это одиночество, эта обреченность, боязнь жизни. Татьяна любит читать книги и очень верно судит о литературе, как Калерия со своей поэзией, хотя там, конечно, многое другое. Борис Владимирович советует перечитать Горького свежими глазами, в тексте есть все, что сделал Товстоногов. Итак, самовлюбленность — основной признак мещанства. И то, что на сцене, и то, что в жизни, — все это безумный, безумный, безумный мир, как говорит Борис Владимирович.

30 сентября

После разговора с Борисом Владимировичем я со многими (Шумов, Будорагин, Синянская, Емельянов) поделилась тем, что он сказал о «Мещанах» Товстоногова. На что Емельянов ответил, что, может, все и так, но с другой стороны не так, потому что наши-то современные мещане от спектакля в восторге. Ведь Тарасов, Голдобин, если не умом и сердцем, то «спиной», как

самым тонким и основным их инструментом восприятия, должны были бы это почувствовать, и тогда вряд ли это могло бы их устроить. А они вживаются в эту жизнь на сцене как в свою и сидят, наслаждаясь, в своих креслах в первых рядах. Откуда он сделал вывод, что все-таки это спектакль о мещанах — для мещан.

Сегодня занималась дурацким делом — обсуждали на профбюро кандидатуры работников Управления на значки Отличника и Почетные грамоты Министерства культуры. Как-то все стыдно, как будто я участвую в какой-то неприличной игре. Противно, хочется вымыться, вымыть душу, просто проснуться, как от дурного сна. Кругом сплетни, зависть, злость, ненависть. И видишь, что и в тебе тоже, как повальная заразная болезнь, нет, зависти нет, а вот злость, ненависть — да.

А вот анекдотичная, но характерная для нашего заведения история. Сегодня, 30 сентября, Ю. Любимову — 50 лет. Еще несколько дней назад в Управлении написали поздравительный адрес и отослали Владыкину. Так он так его «доработал», что даже «Сама» была недовольна его скудностью. Оказывается, от особенной подлой трусости Владыкин (как говорит Шумов, мы все-таки его недооцениваем — это явление) выбросил все, что касалось Театра на Таганке, даже название «Десять дней» и другие названия. И когда Фурцева поинтересовалась, кто так написал, то Владыкин пытался свалить вину на Управление театров. Тогда Тарасов сказал, что нет, у нас не так было, что можно сверить с подлинником. Фурцева велела принести подлинник, который благополучно перепечатали, и она подписала. Из Министерства культуры РСФСР лишь послали телеграмму, и на юбилей от них никто не пошел, а от нас пошел Шумов.

1 октября

Сегодня воскресенье. Позвонил Фоменко (он сейчас ставит в Ленинграде, в Ленсовете, «Новую Мистерию — буфф» и числится режиссером в Театре на Малой Бронной), спросил, можно ли заехать, и в 14 часов приехал. Рассказал о работе над «Мистерией», о том, что Родионов на активе в горкоме ругал его, говорил, что он порочно поставил «Смерть Тарелкина» и загубил «Дознание», не найдя решения, в то время как во всем мире пьеса идет с успехом.

Петр Наумович сказал, что разнос Родионова ему безразличен, но работе это мешает, из-за этого разговор в театре.

Зайцев (директор театра) сообщил ему, что Сапетов (первый зам. начальника московского Управления культуры) советовал даже уволить Фоменко и вообще предостерегал. Все это, видимо, Петра Наумовича мучает, хотя он и уверяет, что нет. Пытаюсь как можно равнодушнее говорить на эту тему, как не стоящую внимания. Говорили о Товстоногове, о «Современнике», (я рассказывала), опять о том, что мера и степень во всем важны, для него это пустяк, для меня — все. Сказал, что хорошо бы мне посмотреть один из прогонов «Мистерии», я ответила, что приеду, пусть только напишет или позвонит. Обещал так и сделать.

2 октября

День прошел абсолютно бездарно. Разбирала накопившиеся газетные вырезки. Все начальство ушло на ул. Куйбышева на совещание министров союзных республик, которое собирались проводить два дня, а свернули за один, тоже для «галочки» — все-таки «советовались».

Вдруг вечером позвонил Фоменко, он не уехал, так как очень плохо себя чувствует. Рассказал, что на Бронной, кажется, остановились пока на том, что они будут делать спектакль вдвоем с Эфросом: Эфрос — инсценировать и ставить рассказ «Роди мне три сына» с Дмитриевой, а он — инсценировку рассказа «Счастливая деревня».

Каждый по акту. И потом он все-таки хочет репетировать «Закат» Бабеля (нашел время!), но я сказала, что правильно. Там видно будет. Сказал, что хочет посоветоваться насчет пьесы о третьем съезде ВЛКСМ «Нам говорил Ленин», что ЦДТ отказался, а на Бронной сейчас, после «Братской ГЭС», не нужно. Я тоже не советовала, после «Мистерии» и ему не стоит. Сказал, что мечтает о «Дон Кихоте» с Балмусовым, актером Центрального детского театра, где он ставил «Короля Матиуша» к Первому фестивалю польской драматургии в 1965 году.

5 октября

4 октября была в компании из 5 человек на овощной базе — выгружали капусту из вагона. Господи, до чего же мы богаты! Половину всего гноим, а все живы. Капусту выгружают кандидаты наук с дневной оплатой в 13 рублей, а всей работы за день производят на 80 копеек.

Шумов сказал, что вчера 4 октября было заседание бюро

горкома, на котором решено, что в дни юбилея Октябрьской революции не должны идти следующие пьесы: «Братская ГЭС», «Декабристы», «Традиционный сбор», «Аплодисменты», а также должно быть сокращено количество спектаклей «Тяжкого обвинения». Понять логику этого решения невозможно. Готовимся не как к празднику, а как к новой революции. И опять Тарасов пьет горстями таблетки, т. к. раздаются голоса, осуждающие Министерство культуры СССР за то, что им созданы и «навязаны» театрам «не те» пьесы, поскольку снимаемые пьесы выпустила Репертуарная коллегия Управления театров.

Вечером была в театре Пушкина на спектакле «Доктор Вера» — беспардонной фальшивке. Ну, надо сказать, что зритель все понимает, все абсолютно равнодушны.

А до ухода в театр, в конце рабочего дня звонил Львов — Анохин, вообще-то без особой причины, разве что посоветоваться, что делать с благодарственными телеграммами из Болгарии за постановку им «Шестого июля» в Варненском театре.

7 октября

Любая глупость выдается за серьезное дело. Сегодня все утро Шумов искал старые варианты афиши, которую театры сформировали на праздничные дни, т. к. в связи с решением бюро горкома зам. министра Владыкин должен ехать к Шапошниковой — второму секретарю горкома (этакая Дунька — «Пустите Дуньку в Европу» — я как-то ее слышала на пленуме Моссовета) по поводу этой афиши. Владыкин утверждает, что на одном из вариантов он уже тогда «давно» отметил спектакли, к которым относился отрицательно и которые нынче критикуются. Как всегда, из большого шума рождается смехотворное дело — теперь уже спектакли не снимают, а уменьшают количество их показа, и то лишь в первой декаде ноября. И опять все до смешного, так, в «Современнике» «Традиционный сбор» Розова (секретаря Правления Союза писателей РСФСР, председателя секции по драматургии, внештатного члена Репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры СССР) заменяют 2 и 7 ноября на «Старшую сестру» Володина, который все время был бит и ходил в очернителях советской действительности и «мелкотемных» авторах. И вот — Володин, 7 ноября, в год 50-летия Октября. Действительно, неисповедимы пути твои, Господи! Итак, Шумов нашел экземпляр с отметками — нужных отметок нет. Велели искать другой материал, тот, что готовился к заседанию коллегии Министерства культуры в июне, когда афиша

еще не была составлена по дням, а перечислялись лишь предполагаемые названия, что якобы там Григорий Иванович поставил против нежелательных названий свои минусы. Нашли и этот, но и здесь против «Братской ГЭС», «Традиционного сбора» и других «сомнительных» ничего не стоит, а стоит против «Назначения», «Голого короля», «Бала воров» и других. Если бы не чувство юмора, нас всех в нашей комнате поддерживающее, то можно было бы подохнуть от тоски. И вот Шумов, прочитав по телефону Тарасову отмеченные минусами спектакли, серьезно спрашивает: «Так что, этот документ не надо посылать Вам на Куйбышева, он общественной ценности не представляет?» И там, не поняв издевки (а может, и поняв), молча кладут трубку. А здесь, положив трубку, Шумов шутит: «Угодить, что ли, начальству, поставить такие же минусы против „сомнительных“ спектаклей и послать им?» Мы с Будорагиным смеемся, а ведь до омерзения противно.

Пока Шумов искал «материал», я читала пьесу (если это можно назвать пьесой) «Лейтенант Шмидт» для театра Ермоловой. Должно быть, будет очередная ерунда.

9 октября

С утра мне дается таинственное и «деликатное» поручение. Надо пойти в Театр Моссовета и Театр на Таганке на спектакли «Аплодисменты» и «Послушайте!», которые якобы играются в «запрещенном» варианте, т. е., видимо, произносятся какие-то ранее снятые фразы. Вероятно, кто-то из «своих» донес, ведь зрителю это неизвестно. И вот начались поиски того окончательного варианта пьес, который должен служить «эталоном» для сравнения. Но, увы, как всегда, в нашем бардаке найти ничего нельзя или просто этого нет. Вообще платятся огромные деньги за макулатуру (более приличное с трудом пробивает себе дорогу и очень редко), но даже элементарного канцелярского порядка нет. Ведь литованные экземпляры должны храниться в железном шкафу, а у нас их вообще не найдешь. Да и все эти «уточнения» — чистая профанация, так как по стране пьеса все равно играется в вааповском варианте. Вечером из дома позвонила Дупаку, директору Театра на Таганке, и сообщила о полученном задании. Оказалось (сказал Дупак), это Шкодин написал докладную в горком о том, что играют «запрещенное».

Сегодня была очень смешная история. У Владыкина разыгралась «драма». Кто-то ему позвонил и доложил, что на 50-летнем юбилее Любимова про Владыкина пели частушку, смысл

которой был примерно такой, что он «то ли душит, то ли давит, то ли помощь подает». Тему подсказало выступление Владыкина в горкоме на том совещании, где он говорил, что он и вообще Министерство культуры очень активно помогает театрам своими поправками, и приводил пример с «Послушайте!», «Павшими и живыми» и какие-то еще. А Ефремов в своем выступлении на том же совещании сказал, что Владыкин все маринует из-за боязни ответственности. И вот паника — ведь это не просто обида Владыкину, а посягательство на партийное руководство искусством. После долгих и смешных выяснений оказалось, что частушку пели любимовцы на 40-летнем юбилее Ефремова, которое было в воскресенье. Стали разыскивать Эрмана, который сказал: да, частушка была, но совсем невинная — в ней желали Ефремову дружбы с Владыкиным.

12 октября

В понедельник 16 октября должно состояться обсуждение «Доходного места» у Владыкина, и Голдобин предложил мне составить с ним список приглашаемых на обсуждение. Вот он: Завадский, Солодовников, Кнебель, Варпаховский, Калашников, Марков, Холодов, Ревякин, Пименов, Анастасьев, Рыбаков, Арбузов. Этот список пошли показать Тарасову — он не возражал. Голдобин высказал сомнение, не поморщится ли Владыкин, увидев фамилию Анастасьева. Тарасов сказал — нет, но что Анастасьеву надо уже отходить от «несерьезности молодости, придерживаться более устойчивых взглядов». И рассказал, как Анастасьев отказался от предложенной ему после окончания АОН (Академия общественных наук) работы в ЦК, заявив, что он предпочел бы более творческую деятельность. Тогда там впали в амбицию — как так, разве в ЦК не творческая работа? И выручил Анастасьева Тарасов (он работал тогда в ЦК), объяснив, что тому хочется писать. «А то бы он погорел», — выразился «благодетель». А Голдобин сказал, что он разочаровался в Анастасьеве, когда тот «подписал». Потом они стали вспоминать «пути» своих знакомых, и Тарасов с серьезным видом рассказывал о всех «повышениях» и «понижениях» бывших собратьев по службе, а Голдобин так же серьезно комментировал служебные колебания всех этих «замов» и «завов». Потом Тарасов сказал, что недавно встретил преподавателей АОН: «Такие толстомордые». В голосе вроде осуждение, но, в сущности, оттого, что сам не среди них. А Голдобин заметил, что для того «чтобы двигать вперед общественные науки — нужны мускулы».

Сегодня дочитала пьесу Рамзина «Обратный счет». О том, как в мире рождалось атомное безумие при попустительстве человеческого середняка-приспособленца и гениев со взглядами классических мещан. Конечно, ее никто не пропустит. Очень талантливый человек.

13 октября

Только что пришла со «Смерти Тарелкина» (на Большой сцене). Ходила с мамой, которой очень понравилось. Вместо Косолапова Варравина играет А. Лазарев. Конечно, отсутствие режиссерской руки очень сказывается. Все эти актерские «плюсики», которые, как им, наверное, кажется, расцвечивают роль и порой действительно вызывают смех зрителей, очень засорили спектакль. Много «хлопочут мордой», кричат, почти все стараются перещеголять друг друга. А. Лазарев не повторяет Косолапова, да и не может — по своей совсем другой актерской природе, — и порой в нем есть что-то более страшное, значительное, я бы сказала «мефистофельское», но нет какого-то барства, лоска, как у первого. Он особенно злоупотребляет мимикой, нет точности интонаций, вообще очень бы ему хорошо поработать с Фоменко. Приятно одно — что все играют с увлечением и удовольствием.

Сегодня перед концом рабочего дня зашел к нам в комнату Кудрявцев (теперь он зам. начальника Управления), и разговор зашел опять о кадрах. Он стал жаловаться, что неизвестно, чем это кончится, но ему постоянно, почти каждый день, приходится ссориться с Сопталевым (зам. начальника Управления кадров), который, будучи сам абсолютной серостью, естественно, поддерживает лишь серость и старается вычеркнуть отовсюду все более яркое и самостоятельное. Так, из списка преподавателей на курсах повышения квалификации директоров театров он вычеркнул Анастасьева и Львова — Анохина. Чтобы сохранить Анастасьева, Кудрявцев пожертвовал Львовым — Анохиным, а отстаивать Анастасьева уговорил Тарасова, и теперь документы пойдут за его подписью, но уже без Львова — Анохина. И так во всем, каждый день, в каждом пустяке все надо отстаивать — и чаще всего терпеть поражение.

Еще Кудрявцев рассказал, как два скорпиона пожирают друг друга. Шкодин в своих докладных «наверх» пишет, что самый «левый», распустивший театры и поддерживающий Таганку — Сапетов, видимо, из тех соображений, что понимает, что начальником Управления театров ему в РСФСР не быть (сейчас он

исполняющий обязанности), и хочет вернуться в московское Управление, если не на место начальника, то хотя бы первого зама, т. е. Сапетова.

14 октября

Когда я сегодня рассказывала Голдобину о «Тарелкине», об ужасном положении Театра Маяковского после смерти Охлопкова, то он сказал, что назначил бы главным режиссером Фоменко, предоставив ему полную свободу и полагаясь лишь на его совесть. «Но это нереально», — добавил он и назвал каким-то (каким, не помню) бранным словом тех, кто Фоменко «приложил» в горкоме партии.

Потом я целый день возилась с чехами, заказывала для них билеты и пропуска и читала пьесу Волиной «С утра до вечера» — о том, как порядочная женщина не смогла жить с мужем, которого она любит, но который совершил подлый поступок. Правдивая и грустная пьеса. Пьесу «зарубили»: Осипов (главный редактор Репертуарной коллегии) и Цирнюк (член Репертуарной коллегии) с помощью других «товарищей», назвав ее «грязной», безнравственной, мелкой.

15 октября

Утром поехала к Борису Владимировичу на дачу, там была еще Нина Викторовна Чефранова (преподаватель актерского мастерства в ГИТИСе). Пошли в лес. Борис Владимирович сказал, что этот пейзаж такой чистый, светлый, прозрачный (действительно необыкновенный, одни березы), как у Сергея Герасимова, а не как у Левитана, который хотя и отразил русскую природу, но привнес в нее еврейскую грусть. Нина Викторовна спросила: «Хорошо это или плохо?» «Хорошо», — ответил Борис Владимирович. Я рассказала о шовинизме нашего сотрудника Жукова. Борис Владимирович сказал: «Да, это от поисков, а так как ничего другого нет, то вот опять и возвращаются к славянофильству, и это действительно реакция на 20–30-е годы, когда идея интернационализма была доведена до абсурда, когда и сказать, что ты русский, было почти неприлично. И лишь в 39–40-м году опять появилось русское самосознание». Что Жукова можно понять, но для великих держав, таких как Россия, это ни к чему, и чтобы не ссылались на Достоевского, он был почвенник, но не славянофил и в его знаменитой речи на открытии

памятника Пушкину говорил, что Россия должна впитать в себя все и оплодотворить всех. Потом опять говорили о «Мещанах». Меня все мучил вопрос, почему спектакль нравится нашим «классическим мещанам» — Тарасовым и Покаржевским. Борис Владимирович ответил: «Потому что, во-первых, они принимают на свой счет лишь то, что открыто высказывается, как в „Тарелкине“: „Всю Россию потребуем и всех освидетельствуем“; во-вторых, они себя мещанами не считают, и в-третьих, что этот спектакль выходит далеко за рамки разоблачения мещанства, что это, по существу, спектакль абсурда — все связи порваны, недоразумения и скандалы какие-то глупые, ни из-за чего». А мне Борис Владимирович сказал, что он заметил, что я везде ищу лишь тенденциозности и не умею ценить истинного глубокого искусства, хотя, впрочем, добавил он, бывает, что в оценках люди и самые тонкие расходятся. Вот Тарабукин (преподаватель изобразительного искусства в ГИТИСе) не признавал Рафаэля и его «Сикстинскую мадонну». «Современность в прочтении классики, — продолжил Борис Владимирович, — была у Остужева (в „Отелло“) — тема интеллигенции. Конечно, это не было явно, и не все это так понимали, а все чувствовали, что это и их касается, так как много было людей с ощущением ущербности — это и те, у кого были репрессированы родные и близкие, и те, кого не принимали учиться из-за происхождения, и кулаки, и лишенные и пораженные в правах выборов, и многие, многие — вот эту тему ущербности, ущемленности личности нес Остужев. И это было по психологии очень современно, а не по словам, произносимым со сцены, не так в лоб, как в „Доходном месте“, — „Без взяток не проживешь“ и т. д.». Потом Борис Владимирович рассказал содержание «Ракового корпуса» Солженицына, очень сильное и очень талантливое произведение, такое же как «Доктор Живаго» Пастернака. За всеми этими больными людьми встает страна с ее раковыми опухолями. Опять говорили о теории панславизма, вряд ли она плодотворна. Из-за этой теории Мицкевич поссорился с Пушкиным, который ее исповедовал. «Пушкин был ярый шовинист», — сказал Борис Владимирович. Галина Георгиевна Алперс засмеялась, так необычно было это высказывание.

А вечером была на «Послушайте!». В антракте зашла к Дупаку, там сидел Любимов. Оба хмурые, встретили просто враждебно. «Зачем пришли?» — спросил Дупак. «Проведать. А что вы такие хмурые?» Любимов сразу стал кричать: «Так больше работать и жить нельзя. Чего ждать, того, чтобы опять каждого второго сажали и убивали? Кругом шпионы, везде в театре поставили аппараты подслушивания, я отвечаю за свои слова. А

этот приказ, что нельзя репетировать без „лита“, это совсем все душит. Есенин разрешен, какой еще „лит“. Этот Шкодин, Закшевер, который, работая в Министерстве культуры РСФСР, пытался закрыть театр, теперь в московском Управлении этим же занимается». Я: «Но у вас такой друг, как Сапетов». Любимов: «Друг такой, что, задушив Эфроса, хочет и других поодиночке передушить. Он умный, вот мне, оказывая поддержку, предлагает против других копать и „показывать“». Я: «Ну, за такое предложение надо бить по физиономии (Дупак: „За это 15 суток дают“) или выбирать друзей с умом». Любимов: «Без разрешения Лита не хотят смотреть спектакль». Я: «Но у Вас же там много внесено текста помимо Есенина». Любимов: «Они и тактики не меняют». Дупак: «Ну и Вы ведь не меняете, и они не меняют». Любимов: «Они получили отрицательный отзыв от человека, который еще Маяковского травил (кажется, Зелинский). Мы добываем другой отзыв, положительный. Они нажимают кнопки и ждут, а я сумею нажать на более высокую кнопку, чем они. И так постоянная нервотрепка. А то начинают пугать, что снимут с работы». Я: «А Вы поменьше с ними тягайтесь в шуме, а больше делом занимайтесь». Но тут третий звонок, иду в зал. В «Испанской сцене про любовь» вдруг Смехов произносит слова: «Министерство культуры-танга-поганга». После спектакля я сказала Любимову и Дупаку, что вот вы сами дразните из подворотни, а потом они отвечают, и растет как снежный ком. Дупак: «Но это же игра, просто шутка». Я: «Я лично ничего против не имею, но вот те, „они“, о которых вы говорите, зачем этот пустяковый, но повод. (Молчание.) Так вот, вы бы хоть не нервничали, а то сами задираете, а потом нервничаете». Попрощалась, ушла. Во всяком случае, это лишь доказывает желание скандального успеха, и все довольно мелко становится, когда встречаются такие булавочные уколы.

Брату, с которым я была, спектакль в общем понравился, что люди слышат хоть какие-то слова, ну хотя бы что «партийность — это прежде всего порядочность» — Ленин и т. д. Между прочим, Дупак сказал, что вызывали директора Театра на Бронной и не велели выпускать «Три сестры». Что бы это значило? Видимо, в связи с праздниками, скорее бы уж они кончились. А дальше что, а если еще хуже будет?

16 октября

Смешная история поисков сочинителей частушки на Владыкина окончилась почти неправдоподобно. Кажется, Дупак

(так мне кто-то сказал) успокоил Григория Ивановича, сказав, что частушка вообще не о нем была написана, а каком-то футболисте.

17 октября

Утром смотрела в Театре Советской Армии постановку Л. Хейфеца «Часовщик и курица». Не понравилось. Пьесу я не знала и ждала чего-то большего. Первый акт — еще более или менее интересно, а во втором — речь, ситуации, проблемы (пересесть с коня революции на птицеферму) так далеко в прошлом, что непонятно, зачем и поставлено. А какой-то элемент ироничности по отношению к этому революционному прошлому меня не порадовал, а покоробил. Вечером в 22 часа была в ВТО на вручении премий и дипломов «Театральной московской весны». Первая премия: «Иван Грозный» в ЦТСА, «Обыкновенная история» в «Современнике» и «Асель» в ГАБТе. Вторых и третьих много. Как сказал Янсонс из московского Управления, на 70 % здесь заслужено, на 30 % нет. В наше время это почти полная справедливость.

Абсурд, что «Теория невероятности» — вторая премия, а «Антигона» Львова — Анохина (о которой Борис Владимирович сказал, что спектакль сделан безупречно) — лишь грамота, а «Маленький принц» — диплом 3-й степени и т. д. В общем-то, все всё понимают, и, когда объявляли премию Монахову (режиссеру спектакля) за «Дядю Мишу», никто не хлопал, один-два хлопка. Жаров (председатель жюри), заключая, сказал: «Мы рады, что раздававшиеся здесь аплодисменты подтвердили наше решение и что мы не очень во многом ошиблись». А после вручения был фильм о начале войны и разгроме немцев под Москвой «Если ты любишь свой дом». Фильм документальный, один из авторов сценария — К. Симонов. Очень много интересного, особенно в первой половине. Документы о Гитлере, о Сталине, о том, почему так получилось, что мы не были готовы к войне, что столь многие говорили об опасности, а Сталин никому не верил. Многое сказано лишь намеками, вскользь — но все же какой невообразимый прогресс. Говорят, в фильме был прием: когда на экране появлялся Сталин — то из кадра исчезали присутствовавшие в нем люди, этот прием проходил через весь фильм, но его убрали. Поэтому теперь не очень понятны по замыслу появления Сталина на экране, не считая просто элементарной достоверности.

18 октября

С утра разбирала газетные вырезки — в общем, все ерунда, запомнилась только фраза А. Миллера из его интервью, что анекдотичность в драматургии — это отражение анекдотичности нашей жизни, которая должна скоро кончиться. В «Вопросах философии» № 7 прочитала статью драматурга Штейна опять о классике, всерьез и говорить не хочется — ругает Емельянова, Крымову, Товстоногова, Фоменко, который, по его словам, сделал из Расплюева и Оха советских милиционеров.

Потом пошла на выставку «Советская Россия» в Манеже. Какое однообразие по тематике (все революционное и военное в основном) и по выполнению. А глаза твоего современника, глядящие с портретов (много семейных портретов), настолько невыразительны, что родится страшная мысль, что интеллигенцию мы извели под корень, и когда она у нас возродится — неизвестно. Полное отсутствие интеллекта, примитивность мыслей и чувств свидетельствуется авторами картин, а они ведь их создавали, надеясь выразить мир современника. Да, наивен Ю. Жуков, который считает, что можно стать интеллигентом, прочитав русскую литературу в лучших образцах. Нет, правы англичане: нужны три колледжа, т. е. три поколения, а во всех картинах не ночевал и один. Говорят, примерно эту мысль о серости современника высказал на коллегии Министерства В. Розов, и Фурцева, как выразился Шумов, «его отлупила по щекам, сняв башмачок», что он порочит целую Российскую республику.

Как хорошо, что я не послала сегодня своего игривого письма Фоменко, когда узнала, что в Ленинграде наводнение. Я ему хотела написать, что такого эффекта не достигал ни один режиссер в мире, и чтобы он ограничился потопом и не выводил за пределы сцены другие события «Мистерии». А у него не ладится, он нервничает, как мне сказал Эйдлин (режиссер, друг Фоменко).

19 октября

В 10 утра началось совещание у Голдобина — отчет о командировках Злобиной (инспектор по театрам Средней Азии) и Белкина. Ну, Надя, как всегда, плела что-то невразумительное, не могла даже изложить содержание наивных туркменских пьес, вроде такой, как «Революция в гареме». Я хохотала, а потом от тоски ушла с совещания и зашла к Симукову. Он поделился своим тяжелым впечатлением от разговора с Е. Сурковым (внештатный член Репертуарной коллегии), который раскритиковал пьесу

Волиной. При мне пришла жена В. Максимова, принесла пьесу (у него заказ), но сказала, что пьеса написана не на тему договора. Как тут быть? Я сразу попросила один экземпляр.

Вернулась в кабинет Голдобина. Отчет Белкина. Впечатления от спектаклей и состояния театров излагал гладко, грамотно, культурно, особенно на фоне Нади. Потом Голдобин заострил вопрос о русской речи в русских театрах союзных республик, призванных пропагандировать русскую культуру. Поговорили и о том, что и в Москве-то русская речь звучит уж не та, далека она от идеала. Разошлись.

Вернулась к себе, стала читать пьесу Максимова. Преступно прожитая жизнь, возвращение в дом к жене, суд детей, которые не знают, что отец в доме, в финале — самоубийство героя. Самобытно, правдиво, немного патологично. Конечно, Максимов очень талантлив[10].

Шумов написал про нас частушку, видимо, навеянную частушкой на Владыкина.

Весь день мы горим на работе,
Презрели домашний уют,
Но песен про нас не напишут,
А только частушки споют.

20 октября

С утра прочитала статью Солоухина в «Молодой гвардии» «Как делать стихи». Умница, талант. А потом решила все же пойти в Малый театр на «Джона Рида». Автор пьесы и режиссер постановки — Е. Симонов. В чтении — графомания чистой воды, ставить которую абсолютно нельзя. Но Шумов заявил (он видел раньше), что вот сила театра — можно смотреть и даже местами интересно, этак, мол, можно и наши докладные ставить, и привел слова одного работника театра: «Мы спасены, и искусство не много пострадало». Потом он интересно рассказывал о сцене «братания» старшего и младшего Симоновых, когда Рубен Николаевич сказал, что вот, мол, дурак послушался всяких-таких и не взял себе эту пьесу в театр, вот настоящий спектакль, а не то что в другом районе города (читай — на Таганке), и прочее и прочее. Ну что ж, и это надо посмотреть, благо в рабочее время. Как я и думала, это не подлежит никакой оценке, это дело уголовное, нужно судить за использование служебного положения. Фальшь такая, что живот мой заболел, а скука такая,

что рот чуть не разорвало от зевоты. Слушать же это просто стыдно. Да, поистине «защитники» советской власти наносят ей больше вреда, чем «враги».

Сейчас иду в ВТО на конференцию зрителей, которые выскажутся о том, что бы они хотели видеть в театре. Выступали: член — корреспондент Академии наук Газенко, который говорил о том, как влиять на чувства человека, что человеку необходимо зрелище и удовольствие; старая коммунистка Соловей сетовала на бесцеремонное обращение с образом Ленина, искажение его; лауреат Ленинской премии химик Кремель радовался возвращению своеобразия в театры: театры со своим лицом, что Таганка — это не шаг вперед, а возрождение того, что он видел в прошлом и в лучшем виде, призывал по-современному читать классику; в выступлении рабочего Арефьева с завода Лихачева не было ни одной мысли, которую можно было бы записать, он говорил бойко и через каждое слово упоминал партию и коммунизм; Лабловская, в прошлом прославленный снайпер, а ныне пропагандист истории КПСС, одинаково восторгалась «Твоим дядей Мишей» и «Традиционным сбором» (вот и пойми ее после этого — и фальшивка, и правда воспринимаются одинаково) и очень ратовала за то, чтобы люди себя готовили к посещению театра как внутренне, так и внешне, чтобы в театр все ходили как в святое место.

25 октября

Сегодня было отчетно-перевыборное профсоюзное собрание. Меня опять (вопреки желанию партбюро) выбрали председателем профбюро. В прошлом году это был вообще переворот.

Вечером после собрания была на спектакле Театра Руставели «Мы — его величество» с Закариадзе в роли старого рабочего. Надо сказать, что Закариадзе великолепен, все остальное — ноль.

26 октября

Говорят, что Фурцева, будучи на спектакле «Чрезвычайный посол» во МХАТе, увидела в антракте проходившего мимо Розова и сказала: «Вот, Виктор Сергеевич, учитесь!» Комментарии, как говорится, излишни. Наше начальство стоит на том, что этого не было. Может, и сплетня, но кому и зачем нужно ее распускать? Хотя дыма без огня не бывает.

А вот подлинный скандал. Любимов, ставя есенинского

«Пугачева», как всегда, разбавил его интермедиями, написанными Н. Эрдманом о том же екатерининском времени, в которых, в частности, говорится о потемкинских деревнях — в одной носят одни портки и рубаху из деревни в деревню; в другой говорится: чем, мол, прикроем босые ноги мужиков — бабами, а баб — детьми, а детей — букетами. В этих интермедиях начальство и Главлит видит, как выразился Тарасов, «еле прикрытый намек на советскую действительность». (Нечего сказать, дожили — сами признают положение дел, идиоты.) Так вот, московское Управление развило бурную деятельность «по пресечению». Закшевер поехал к сестрам Есенина и, применив угрозы, что у них и пенсию отнимут, если они не согласятся, заставил их подписать протест против соседства эрдмановских интермедий с произведением брата. Это стало известно братьям-писателям, которые, говорят, написали возмущенный протест в ЦК. Что, видимо, и дало основание сказать Владыкину сегодня в разговоре с Шумовым, что такие, как Закшевер, работают на руку «Тем». Да, все наши руководящие товарищи хотят того же, но «интеллигентно», а Шкодины и Закшеверы выдают их с головой. Недаром Фурцева постоянно говорит: «Не ссорьте меня с творческой интеллигенцией». То есть делайте все тихо, душите, так сказать, в зародыше, до того как выйдет на поверхность. Ведь требовал от меня Тарасов сведений о тайных репетициях «Случая в Виши» в «Современнике», на что я посоветовала ему взять в Управление людей, окончивших не ГИТИС, а другое учебное заведение. А пока приказом московского Управления культуры за подписью Сапетова (друга!) «Пугачева» репетировать запретили, а Главлит отклонил инсценировку.

И еще забавная история. Два дня назад заходит в нашу комнату Тарасов и говорит мне, что ему звонил Шкодин и жаловался, что Зотова встречает его работников и говорит им, что он, Шкодин, написал «телегу» в ЦК, в которой дискредитирует Тарасова, т. е. что он написал на Тарасова донос. Я сказала, что такого не было и что на эту тему я считаю и говорить-то унизительным, а Шкодину лучше бы делом заняться, а не сплетнями и клеветой, в которых он усиленно практикуется. Тарасов ушел. На самом деле, встретив на спектакле «Часовщик и курица» Т. Живцову из Управления театров Министерства культуры РСФСР, я рассказала ей, что Шкодин написал «телегу» в ЦК, где на двадцати страницах обливает грязью всех и вся, и в частности те пьесы, которые выпустило наше Управление, такие как «Традиционный сбор», «Аплодисменты» и другие. Ну вывод, что тем самым Шкодин дискредитирует Тарасова, она сделала сама, вывод правильный.

27 октября

В 10 утра пошли в Театр Ленинского комсомола на просмотр «Дыма отечества». Подходим с Шумовым к театру — ни одного человека вокруг, а раньше (при Эфросе) еле проходили через служебный вход. Идем, говорим об этом, подходит Ануров из горкома, присоединяется к разговору: «Да, если бы нам еще с „Современником“ и Таганкой так поступить, вот жизнь-то была бы», — говорит он вполне серьезно. В театре — никого, так, человек 40, уж совсем «своих». Поднимаемся по лестнице. Вижу, стоят Сапетов, Миринго ф (директор театра), Голдобин. Шумов направляется к ним, а я, чтобы не здороваться, иду мимо и сажусь в фойе в кресло ближе к буфету. Через некоторое время вижу, что в мою сторону движутся Сапетов и Закшевер, я скорее открываю сумку и начинаю в ней рыться, чтобы опять-таки не здороваться, но они направляются прямо на меня и подходят вплотную. Сапетов протягивает мне программку и говорит: «Доброе утро», а Закшевер протягивает руку, ничего не поделаешь, подаю и я, и он целует мне руку. Вот это да, два Иуды сразу! То ли перед очередной гадостью, то ли по тем же мотивам, как и с Тарасовым. Шумов говорил, что Сапетов брал под руку Тарасова и просил устроить куда-нибудь на работу, а то под него «копают». Потом смотрели плохой спектакль. Ни пьесы, ни режиссуры, ни актерских работ. В антракте ходила по фойе, как по крышке гроба. Театр очищен от «скверны» — нет фотографий, макетов эфросовских спектаклей. Новое — большой портрет того больного Ленина, на который когда-то обратил мое внимание Борис Владимирович. После спектакля сразу ушла, а начальство — Шумов, Голдобин — заходили в кабинет директора, где им по случаю присвоения Миринго фу звания «Заслуженный работник культуры» (сегодня) поднесли коньяку. И ничего, пили, хотя Шумов дорогой говорил, что он Миринго фа не может видеть. А вернувшись, Шумов докладывал по телефону Владыкину, что спектакль есть, что надо только его доработать, и это при том, что на самом деле он все понимает и очень точно оценивает, когда рассказывает свои впечатления жене, с которой часами беседует по телефону. Так что Шумов тоже «явление», как он выразился о Владыкине. Интересный штрих — в понедельник, 23 октября, мы с Синянской читали Ницше «Так говорил Заратустра» (кто-то просил кому-то передать эту книгу) и устроили такую игру: не глядя, ткнешь пальцем в афоризм, а предварительно скажешь кому, и были потрясающие совпадения. Так вот Шумову досталось: «Презираемого не вали в одну кучу со страшным» — мы обе обмерли. Мне выпало про аффект, который не надо

сдерживать, — тоже совпадает.

По возращении из театра беседовала с Эрманом, он зашел к нам в комнату, ждал Ефремова, которого вызвали, чтобы сообщить, что Главлит не разрешает пьесу Шатрова «Большевики», требует, чтобы и Бухарина не было, и Коллонтай не было, т. к. когда-то она возглавляла рабочую оппозицию против Ленина, и тему террора убрать. Неожиданно Эрман спросил, когда я еду в Польшу. «В декабре», — отвечаю, а он: «Может, все-таки раньше?» Он мне рассказал, что так как театр едет в Польшу на гастроли, а с театром всегда посылают сопровождающих из Министерства (помимо «тех»), то он пришел к Кузину (начальник Управления внешних сношений), и тот предложил ему самому выбрать из списка оформляющихся в Польшу, и Эрман выбрал меня. Я поблагодарила, но отказалась, сославшись, что мне надо заниматься сейчас новой квартирой. Ведь мне непременно надо ехать одной.

А с Эрманом мы еще долго говорили обо всем — о начальстве, о сволочах, вообще он очень подавлен, говорит, что дальше будет еще хуже. Действительно, атмосфера гнетущая. Выступая на профсоюзном собрании, Тарасов говорил, что в праздники будут дежурства, что надо «раскрепиться» по театрам и проверить их подготовленность, проверить оформление и противопожарную охрану, что все важные учреждения будут охраняться — мы готовимся к 50-летию Октября, как к осаде Трои.

Потом пришел Шумов. Он был на встрече Управления кадров Министерства с молодежью Малого театра. Говорит, что «они выдавали крепенько», умно, смело, справедливо. Все удивлялись, какая смелая и умная нынче молодежь, лучше всех выступал Бабятинский. В основном доставалось Северину — директору театра.

28 октября

Смотрели в Театре Сатиры «Баню». Первая половина — довольно любопытно, расцвечено всякой буффонадой, хотя и грубоватой, но с выдумкой, а потом пошло на спад, довольно скучно. Но сам текст очень острый и звучит настолько современно, что наши победоносиковы, в частности Артемов (член Репертуарной коллегии), потребовали его усечения. По своей безграмотности Артемов решил, что интермедия перед вторым актом написана под Маяковского, а не им самим, что таких слов тогда и не могли произносить, что теперь бы это не

пропустили и, следовательно, их надо изъять. Все это говорилось на обсуждении у нас. Голдобин тоже поддержал мысль Артемова: театр, мол, прикрывается Маяковским как щитом, накось, мол, выкуси, залитовано, разрешено, классик советский. Что надо смягчить, что в тот период это звучало в духе времени, а теперь нет, и т. д. — весь набор нашей ахинеи. А вот спектакль «Дым отечества», обсуждавшийся накануне в московском Управлении культуры, признан чуть ли не победой. Что наконец-то в Ленкоме «да» говорится через «да», а не через «нет» и соответствует его вывеске.

Поругалась с Кудрявцевым: став замом начальника Управления, он очень изменился. Понятно, он теперь в другом «стане» и ему надо оправдывать свое место. Теперь с ним всякое откровение исключено.

29 октября

Только что вернулась от Алперсов. Господи, как побывала совсем в другом мире — возвышенном и прекрасном, умном и талантливом, добром и справедливом, требовательном и гордом. Я рассказывала Борису Владимировичу (он всегда интересуется) о всех министерских делах. Потом вели разговоры политического свойства, которые мы с ним оба любим. Борис Владимирович говорил о ценности нашей революции для всего мира, а для нас лишь в первые 10 лет, о второй, подпольной экономической системе внутри нашего государства. А потом — о новейших открытиях в физике, возвращающих науку к взглядам Декарта, и что многое, высказанное еще Кантом, теперь доказано: время, пространство — лишь форма человеческого сознания, они не существуют сами по себе. Что как существуют частицы и античастицы и при своем очень резком столкновении они превращаются в свет, фотон, так существует и антимир; о душе как цельной и самостоятельной, переходящей от нас в этот непознаваемый мир, что она есть; всего, что происходит с нами, грубым материализмом не объяснишь. А потом читали Библию и Евангелие и полностью Апокалипсис — «Откровение от Иоанна», или, как его еще называют, «Откровение бури и гнева».

31 октября

Вчера выяснилось, что наш дорогой Тарасов награжден орденом «Знак почета», а представлялся на «Трудового Красного

Знамени». Все замы Министра, начальник Управления музыкальных учреждений Вартанян, управляющий «Союзгосцирка» Бардиан получили «Трудового». Два дня только об этом и разговор. Кто под Тарасова «копает?» Что там, «наверху», нами — Управлением — недовольны и т. д. Сам он переживает как последний дурак, хотя его, впрочем, можно понять: или он на этом месте должен получать все что положено, или здесь что-то не так.

Вчера и сегодня занималась мартышкиным трудом — писала аннотации на спектакли московских театров для родного ЦК КПСС, их должны раздать переводчикам, обслуживающим иностранных гостей, приезжающих по линии ЦК.

Сейчас услышала от Синянской страшное сообщение, что в витрине АПН на Пушкинской площади выставили портрет Сталина и что «Большевиков» разрешат «Современнику» сыграть лишь премьеру, а потом сразу снимут. Что же будет? Хоть и не повернешь историю вспять, но чем завершатся эти попытки, пока сказать трудно. Как образно высказался Борис Владимирович, наша жизнь напоминает сердце, больное стенокардией, — то жмет, то отпускает. Но ведь в конце концов это может привести к инфаркту и смерти. И хотя сама жизнь развивается где-то в стороне и по каким-то другим законам, эти попытки могут натворить еще много бед.

5 ноября

Вот и канун «великого праздника», а на душе пусто. Мне кажется, что и большинству народа тоже довольно наплевать, хотя шума много. Да кто его слушает? Вообще ходят всякие зловещие слухи. Шумов рассказывал, будто тот цикл передач о пути советской власти, который уже давно идет на телевидении, к 7 Ноября должны были завершить 1967 годом, но нарочно остановили на 1950 годе, чтобы после праздника показать 1953 год и смерть Сталина и реабилитировать его, показать скорбь народа и т. д. Что об этом вроде говорил Назаров из Главлита — вот, мол, на что надо ориентироваться, и поэтому все эти разговоры в пьесе «Большевики» о красном терроре и вообще о терроре ни к чему. Ведут себя в Главлите действительно как садисты — совсем не запрещают, а дают все поправки, просто берут измором. Из-за этого у Ефремова вчера 4 ноября был сердечный приступ, а Цирнюк рыдала, что 20 лет работает, а такого безобразия не видывала. На что Шумов сегодня отреагировал: «Мало ли, что ли, за эти 20 лет она пьес зарубила,

все это крокодиловы слезы, никого и ничего ей не жалко, ни Шатрова, ни театр, а только себя, и плачет она оттого, что потом все равно будут ругать пьесу, а она ее редактор».

Вчера в связи с праздником у нас в Управлении был, так сказать, вечер. Любопытно, что Владыкину позвонили уже в 4 часа, в общем-то символически, почти уверенные, что он не приедет. Но он явился, и очень скоро, и был, кажется, доволен, что его пригласили, а то его соратников — замов Министра Кухарского и Попова — пригласило музыкальное Управление, а его бы нет. Был весь такой интеллигентный, благостный. Тарасов, открывая «празднование», произнес «речь», где утверждал, что мы можем и должны гордиться каждым днем, прожитым страной за эти 50 лет. При этом он недвусмысленно нажимал на слово «каждый» и выразительно смотрел на «левые силы»[11], сидящие напротив в лице Емельянова, Синянской и Зотовой. В остальном все было «мило», как говорится. Маша (Медведева, зам. главного редактора Репертуарной коллегии) произнесла трогательный тост. Вот вчера она вышла из театра, где видела старую Москву («Дни нашей жизни»), и увидела новую Москву, и как все прекрасно изменилось, и вот, мол, за будущее, за Леночку (наша машинистка) и Юру (курьер) она и предлагает выпить. Браво! Браво! А я, слушая ее, думала, что в далеком 1949 году на собрании в ГИТИСе Маша вот так же «проникновенно» говорила о том, как она, «простая русская девушка из Чухлинки» (так она себя именовала) ненавидит «безродных космополитов», а среди космополитов числились Н. М. Тарабукин, С. С. Мокульский, А. К. Дживелегов, Г. Н. Бояджиев, Б. В. Алперс… Эту речь Маши в ГИТИСе передавали от поколения к поколению студентов.

Ну что за эти дни видела? Первого ноября — «Шторм» в театре Моссовета, так сказать, в современном прочтении. Это не достоверное воспроизведение эпохи, а как бы эскизы, которые разыгрывают актеры, возбуждая память и фантазию зрителя. Вся труппа на сцене, Ю. Завадский обращается в зал со словом, а потом из массы выходят актеры и играют сцены из пьесы, масса же почти постоянно присутствует на сцене. Много выходов в зал, вовлечение публики. Текст пьесы сильно сокращен, и эти 2,5 часа (без антракта) сидеть довольно легко и даже интересно, а моментами и волнительно. Ну что ж, пожалуй, вот так надо играть такие пьесы, как «Шторм», «Любовь Яровая» и им подобные. Это все же не советская классика. А по-настоящему от этой эпохи, может, и останется одна «Оптимистическая трагедия». Так что Завадский не стар еще душой. «Нашествие» в ЦТСА — все очень средне, но финал неожиданно хорош и освещает все смыслом, которого как бы недоставало, — трагический плач

матери, сестры, смятение всех и никакого ликования. Да, победа, но какой ценой? И в этом — современное прочтение. Ставил Сапгир, это его первая самостоятельная работа, а то он все был режиссером при другом постановщике.

7 ноября

Ну вот и праздник — 8 часов утра 7 ноября. Я сегодня дежурю в Министерстве вместе с Кудрявцевым. Есть время записать, что было вчера. Утром в 9 часов 30 минут была в театре Станиславского на спектакле «Однажды в двадцатом». Ну что? Смешно. Есть удачные актерские работы — Леонов, Бочкарев, Быкова. Как я выразилась в разговоре с Эрманом, это словесная кулебяка, вкусная и жирная. Так еще революцию не показывали. Что ж, к юбилею и эта краска, камерная, не претендующая на глубокую философию. Львов — Анохин сам выбросил интермедии, которые происходили на небе между Богом и Чертом и придавали всему расширительный характер, философскую глубину. Очень много местечкового юмора, играется жанр Мальковским в роли еврея при атамане. Собрались на 5 минут, разрешили играть вечером 6 и 10 вместо «Материнского поля», которое они не успели возобновить.

Из Театра Станиславского поехали в «Современник» на «Большевиков». Лит официально так и не разрешил, но произошло то, что «потрясло» театральную общественность. 5 ноября Ефремов «бросился к ногам Фурцевой», которая позвонила Романову — начальнику Главлита, тот ей сказал (это мне рассказал в антракте Кошелев — помощник Владыкина), что как Главлит, следящий за сохранением государственной тайны, он претензий не имеет, но вот политически у них сомнение. И тут Фурцева сказала, что берет эту ответственность на себя. Говорят, Ефремов просто разрыдался. И вот мы смотрим спектакль. Очень страстный. Вот какие были те, кто делал революцию, — умные, талантливые, знающие, преданные, самоотверженные, бескорыстные, единые, чистые. Что же мы сделали с детищем их рук и умов, с делом, за которое они отдали свои прекрасные жизни? Кто же мы такие сами? Да, этот спектакль на 10 голов выше и «Декабристов» и «Народовольцев», понятно, что ради этого спектакля и затевалась вся трилогия. После просмотра — обсуждение.

Первым высказался Голдобин: чистый, волнующий спектакль.

Потом Симуков присоединился к предыдущему оратору.

Ануров от имени горкома партии тоже высказал

положительную оценку.

В. Радомысленский (ректор Школы — студии МХАТа) прежде всего просил передать Фурцевой его восхищение (реплика **Ефремова**: *«У нас есть свои Луначарские»*, кто-то продолжил: *«Неизвестно еще, как бы тут поступил Луначарский»*). Потом В. Радомысленский хвалил актерские работы: по его мнению, Станиславский мечтал вот о таком искусстве актера.

Закшевер: «Есть ли ассоциативность в сцене о терроре? Да, есть, но этого не надо бояться, это сделано на таком уровне, художественном и гражданском, что этого бояться нечего».

Тарасов: «С самого начала мы были за эту пьесу и вот рады, что таков результат».

Цирнюк: «Мне бы хотелось только сказать, что сам факт, что мы видим сегодня этот спектакль, говорит о мужестве театра, который создал и выпустил его в таких сложных, искусственно созданных условиях».

Л. Зорин: «До каких пор мы будем подсудными, мы ведь тоже коммунисты и в партии не один десяток лет. Почему за то, что запрещают вот такое, нужное, не несут ответственности? За разрушение у нас не отвечают, а вот те, кто помогают строить, рискуют. Вот что мы с вами сейчас делаем? Мы делаем „антигосударственное“ дело — „лита“-то нет. Так как же? Почему безнаказанно это все проходит? Почему можно губить людей? Для меня загадка, как здесь среди нас находится Ефремов, ведь вчера он лежал с сердечным приступом. А ведь Ефремовых у нас не так много».

Владыкин: «Вот говорят, что мы мешаем своими замечаниями, — нет, мы помогаем, вот я читал пьесу раз 5, давал письменное заключение, замечания, многие поправки улучшили пьесу». И еще долго говорил все на эту тему.

Родионов на ту же тему, что и Владыкин: «Вот видят, что портят, а что помогают — не видят. Выступление Зорина однобокое. (*Реплика Зорина*, что он ставил вопрос локально, что о других организациях он не говорил.) А я вот так ставлю вопрос». Потом Родионов стал делать отдельные замечания, что вот, мол, читают много телеграмм частного порядка, а разве это главное? Да, они имеют частное значение для отдельных людей, а для страны это имело ли такое значение? Наверное, из 1000 телеграмм все же 900 были о революции, о хлебе и т. д. и лишь 100 частных, а здесь наоборот, что рассуждение о терроре затянуто, что круг упоминаемых людей в телеграммах и телефонных разговорах хотелось бы расширить. (**Реплика Шатрова:** «К сожалению, три четверти близких Ленину людей до сих пор не реабилитированы».) Родионов заявил, что название

спектакля должно быть только «30 августа». Ефремов сразу возразил, а потом разгорелась страстная полемика, вернее, защита названия «Большевики». Родионов говорил, что, вот, мол, там упоминаются и Бухарин, и Троцкий, так кого считать большевиками — тех, кто действует на сцене, или всех, и заявил: «Как начальник Управления культуры, я разрешаю только название „30 августа“». (*Реплика Владыкина:* «И я настаиваю»). **Ефремов:** «Ну, тогда я выйду на сцену перед спектаклем и скажу, что нас заставили назвать спектакль „30 августа“, а на самом деле это называется „Большевики“».

Шатров: «Я не хочу говорить здесь о той атмосфере, в которой шла работа, я скажу это в более полной аудитории. А здесь я хочу сказать вот о чем. Когда работа идет нормально, то в работе могут быть и замечания, и мы к ним прислушиваемся, а здесь было ненормально. Назаров (Главлит) сказал, что этот спектакль — „удар в спину советской власти“. Да, идет борьба, начавшаяся на 22-м съезде КПСС. Назаров думает по-другому и те, кто его поддерживает, и не знаю, кто еще победит, может, и Назаров. Мы против атмосферы подозрительности. Назаров говорит об окружении Ленина — убрать Коллонтай, чуть ли не врагом народа ее называет. И только мужество Фурцевой спасло спектакль на сегодня, а с Назаровым мы еще поговорим. Назаров выражает вчерашний день. (Реплика Ефремова: „А может, завтрашний?“) Нет, вчерашний, и это хотя бы потому, что спектакль завтра пойдет».

Ефремов: «Название „Большевики“ — это слишком принципиально, это ведь трилогия со своей сквозной идеей. Что значит не те большевики, те, те большевики. Здесь главное — идея большевизма, то, что это круг, то, как они спаяны, как подкованы марксистски. Нельзя отказаться от этого названия, нельзя идти здесь на компромисс — это было бы непринципиально. Со многими замечаниями согласен, но с изменением названия — нет».

Кваша: «Да и просто политически неверно изменять здесь название, что же будут говорить: значит, это не большевики, раз не разрешили это название. Пойдут по Москве разговоры».

В выступлении Шатрова в адрес Назарова были еще слова о его безграмотности, серости и т. д. А потом началось такое, что требовало кинокамеры, — братание. Шатров целовал Тарасова, Ануров — Эрмана. Об объятиях «дружественных» сторон я уж не говорю. А Тарасов дошел до того, что, прощаясь, поцеловал руку не только Цирнюк, но заодно и мне.

Сейчас, сидя в приемной у кабинета Фурцевой, я думаю о ее поступке[12]. Скорее всего — это отражение каких-то игр

«наверху». Ведь она взяла на себя ответственность, не только не видя спектакля, но даже не прочитав пьесу, зная содержание с чужих слов, а она иногда читает. Как сказал Кошелев, вот, мол, как она доверяет своему аппарату. А может, она нарочно не читала, чтобы потом, если что, сказать: вот, мол, поверила, а они подвели.

Вечером после дежурства я была на «Метели» в постановке Равенских в Театре Пушкина. Странно, но это все мне было довольно безразлично. Ведь это о страшном 37-м годе, написано Леоновым в 38-м году, с тех пор пьеса не шла, но нет какого-то ощущения подлинности и страшного времени, и как-то все слишком в прошлом. Правда, многое переделалось. Больше держат в напряжении сцены любви в исполнении Носика, особенно здорово сделан его танец-признание. Очень жаль Порфирия, его трагедию чувствуешь, а всех, кто из-за него страдали, — нет. Везде до невозможности виден режиссер, как говорится, режиссуры слишком много. Актерски уж очень все «сделано», опять везде режиссер.

Поздно вечером позвонил Фоменко, сказал, что «Мистерию» смотрели ленинградские критики и люди около театра. Что-то получается, в последний момент как-то вдруг многое нашлось. Я говорю: «Ну, если заквашено, то должно подойти». Он: «Да какое там заквашено, ничего ведь нет — текста, характеров, вот есть такое слово „спонтанно“ — так вот, и здесь спонтанно». Сказал, что завтра позвонит, т. к. нужно посоветоваться.

8 ноября

Вечером позвонил Фоменко. Вчера он был на «Бане», с которой ушел после первого акта. Сказал, что спектакль ленивый, несделанный, но все-таки в нем нет той непорядочности, которую он видит в последнем спектакле Товстоногова «Правду! Ничего, кроме правды». Петр Наумович считает, что Товстоногов теперь так же подает Америку, как когда-то Америка, устраивая суд над Россией, американцы у него глупые, и, в общем, в том, в чем он их обвиняет, они не виноваты. Хотя он не отрицает, что сам материал интересный и режиссерский прием интересный. «И вот потому, что Товстоногов талантлив, о нем и надо говорить. Это депутатский спектакль человека, который стал депутатом через компромиссы», — добавляет он.

Не знаю, все мы, наверное, слишком заражены политикой, публицистикой. Когда-то при встрече с Фоменко после просмотра «Смерти Тарелкина» (мы с Петром Наумовичем были у Бориса

Владимировича дома) Борис Владимирович сказал ему: «Не надо быть слишком публицистичным». Хотя Петр Наумович любит повторять, что его интересует не политика, но он часто судит через нее. Я, наверное, тоже, хотя каждый уверен, что это не так. Фоменко говорил, что видевшие «Мистерию» ленинградские критики сказали, что это не пройдет, что они все перепуганы, всего боятся. Но что ему самому с одной стороны тревожно, а с другой — чувство озорное и бодрое заставляет его воплотить все до конца. Я собираюсь поехать на сдачу спектакля.

10 ноября

Сегодня в Кремлевском театре был министерский вечер. Мне почему-то дали билет в президиум (возможно, как председателю профбюро). Перед началом президиум собрался за сценой. Вошла Фурцева, все встали, я тоже. Она со всеми поздоровалась за руку, и я села. Все стоят, смотрят на меня с ужасом. Она сначала облокотилась на рояль, а потом села рядом со мной. Мы вдвоем сидим — все остальные стоят. Быковская (директор Театральной библиотеки) подошла поздравить Фурцеву с орденом Ленина, Екатерина Алексеевна что-то изволила пошутить, все в восторге, атмосфера подхалимажа.

Открывая вечер, в своем выступлении (как всегда, на дурном придыхании) Фурцева говорила банальные вещи.

Среди прочего — о том, что сегодня нельзя просто запретить, что художнику надо доказать, подсказать, как исправить ошибку, что бестактность, незнание дела приносят много вреда. Говорила, какие мы все хорошие, как помогаем искусству, как это прекрасно — работать с творческой интеллигенцией, как ответственно, что партия нам это доверила. Как всегда, она никак не могла закончить и все говорила, говорила, что нам будут завидовать, в какое время мы живем, как мы творим, руководим… Я сидела рядом с Тарасовым (во втором ряду), мы разговаривали. На мой вопрос: «Что с „Большевиками“, история кончилась?» он ответил: «Для нас да, мы твердо стоим на своих позициях, а „они“ хотят доказать обратное». Днем Шумов говорил, что Голдобин должен писать докладную в ЦК с объяснением, почему мы были вынуждены поступить так, как поступили. Я сказала Тарасову, что 17 ноября Эфрос будет сдавать «Три сестры», и что говорят, это интересно. Тарасов ответил: «Дай ему Бог, я предупреждал его за месяц до трагедии». Я: «А что он мог сделать?» Тарасов: «Изменить репертуар». Я: «Репертуар был отличный. (Тарасов морщится.) Раз публика платит деньги, значит, до ее души что-то

доходит, просто за фронду платить не будут». Тарасов молчит. После торжественной части президиум стали кормить. Я ушла домой, все противно до отвращения. Сидя среди этой чиновничьей элиты, я очень ясно почувствовала, что человеку не очень стойкому ох как это может понравиться и он постарается здесь «закрепиться».

11 ноября

Вечером смотрели с мамой «Лейтенанта Шмидта» в театре Ермоловой. Сам материал таков, что многие зрители, захваченные им в плен, не замечают режиссерского примитива и актерских недоработок. Андреев — лейтенант Шмидт приличен, но не более.

14 ноября

Утром в Управление приехал Владыкин, опять совещались по вопросу подготовки к коллегии Министерства по итогам юбилейных торжеств во всех союзных республиках, что надо созваниваться, надо списываться (ушло полтора часа). Вернулась в комнату, продолжила писать свою муру по московским театрам с использованием тех аннотаций, что готовила для ЦК. В 13 часов позвонила из Ленинграда директор театра Ленсовета Григорьева, сообщила, что завтра будут сдавать «Мистерию». Я сказала, что приеду, но как частное лицо. Я уезжаю сегодня тайно от начальства, но с благословения Шумова. Он поощряет нашу с Фоменко дружбу. Я спрашиваю Шумова, как быть, если будет обсуждение. Он говорит: что ж, надо принять участие в обсуждении, чего же прятаться. Опять пишу свою чепуху, заходит Голдобин, смотрит, что делаю без интереса, и говорит: «Лучше одна страничка с двумя мыслями, чем шесть с одной». Я понимаю, что мои бумажки его не волнуют, мне легче: значит, завтра меня искать не будут. Складываю свои бумажки в стол Шумову и ухожу. Петр Наумович говорил, что приедет смотреть и Зайцев, но я ему не звонила. Располагаюсь в купе, вдруг вижу: заглядывает Зайцев, а за ним Поламишев — так бывает только в кино. Не просто поезд, но вагон, купе — вот это совпадение.

15 ноября

В театре первым встречаю Головашенко, который говорит, что сдача отменена, так как «лита» нет, будет просто предварительный просмотр, после чего, может, будет обсуждение, может, нет. Сели с ним во втором ряду.

Сцена открыта настежь, свисают увеличенные гонги, по сцене разбросаны бочки и другие предметы, которые будут обыгрываться по ходу действия, пианино с русалкой-девой, какие-то цветовые пятна. На портале надпись — «Новая», по бокам портала с одной стороны — «Мистерия», с другой — «Буфф». «Буфф» — на ромбах клоунского костюма. Два ведущих клоуна. После пролога, где семь Нечистых, стоя на бочках и ударяя в гонги молотками, объявили о «Новой Мистерии — буфф», о том, что написал ее Розовский, чья фамилия рифмуется с фамилией Маяковский, пошел допотопный период, где было изображено, как сидящие на толчках Царь, Царица, чиновники, поп и т. д. «мучают» Россию. Потом случился потоп, здесь предстали обновленные персонажи — Раск в краснозвездной юбке с манерой говорить под Райкина, Мао — дзе — Дун, Аллилуева, Хамы–3, Соглашатель, полосатый, который хочет «согласить» Маяковского и Ермилова, Твардовского и Кочетова, — в общем, все типажи, но не типы. Здесь хороша миниатюра трех Хамов, и поставлена, и сыграна, и по тексту — «В хамстве погряз XX век».

Правде мы предпочитаем ложь,
И живем мы по закону —
Ты меня, пожалуйста, не трожь,
Я тебя, пожалуйста, не трону.

Потом у штурвала Мао: «Народ выбирал меня, все там были — теперь в могиле, а я на коне». Ясно, что это и о Сталине, и о диктатуре вообще, но все как-то по тексту мелковато и очень уж дробно. А в это время Нечистые и пьяные валяются по сцене и часто стоят на коленях под гнетом этих грязных сил. Построили ковчег — во главе Мао, отобрали продукты, а на вопрос о хлебе — ответ: вспомните наши достижения в спорте. Потом требование: хлеба, хлеба. И слова Маяковского: «Помнить будете Октябрь 25-е».

Потом Нечистые поют: «Дорога в жизни одна, и людям жить с людьми», а Чистые: «Мы рождены в двадцатом бурном веке преодолеть пространство и простор», и в сатирическом ключе: «Все выше и выше…»

Потом попадают в «ад», 9 кругов «ада» по тексту Розовского — капустник: так, в 8-м круге — 15 шуток из репертуара пошлого конферансье, а в 9-м — неделю заседать в президиуме собрания.

В «аду» Нечистые рассказывают про земные страхи, от которых черти взвыли, — печи для сожжения людей, рост числа сумасшедших, атомные бомбы, потерянные американцами в Испании.

Противопожарный занавес отделяет Нечистых от Рая, в который они стучатся.

И вот Рай, буржуазный, пошлый, похабный, — на полу под простынями парочки, а кому не досталось пары, сам себя удовлетворяет. Поют, что свобода, равенство, братство вас встретят в Раю. Тут и райский театр — тети Маши, дяди Вани: «А должно быть, и жарища в этой Африке». Взгромоздясь на стул, кто-то провозглашает, что Маяковский был и остается лучшим поэтом эпохи — и здесь стул из-под говорящего выбивают. В гардеробе Рая работают только работники бригад коммунистического труда. Нечистых, входящих в Рай, приветствует Златоуст, им дают есть мыльные пузыри (хорошая находка). Нечистые декламируют: «Нам правду дай, нам надоела ложь… Все на свете можно доказать с помощью демагогии». Потом Нечистые прорываются сквозь Рай — и вот лучшая сцена — чтение (по радио) самим Фоменко Нагорной проповеди — блаженны будете страждущие, блаженны будете гонимые и т. д. на музыку хорала, очень сильно.

Обсуждение завтра в 14 часов в Управлении культуры.

Вечером у Товстоногова смотрела «Правду! Ничего, кроме правды». Да, нельзя не согласиться с Петром Наумовичем, по позиции спектакль не очень-то порядочный. Суд дураков, свидетели дураки, в расчет принимается мнение только тех, кто «против», а кто «за» — в общем, игнорируется. Но сделано все талантливо. Прием достоверности — ведущий от театра Лавров в зале с микрофоном (в кармане), наплывы борцов: Дефо, Робеспьер, Линкольн, Кеннеди, Димитров, Ал. Ульянов, Шмидт… Эти наплывы — самое лучшее в спектакле, просто маленькие законченные миниатюры в прекрасном исполнении. Если же говорить о документальности, то документальность относительная, а возможно, что нарушен и смысл, ведь материал вырван из контекста и смонтирован заново, из 6 томов следствия сделана трехчасовая инсценировка, так что хоть и изобретательно, талантливо, но упрощено.

Я сидела рядом с Кенигсоном, который находился в Ленинграде на съемках. Ему очень понравилась сцена с Брешко — Брешковской, и он все время повторял, что это изобретательно, а требовать большего по позиции нельзя: «Ведь юбилей, колыбель революции». После театра мы шли по Невскому, и он рассказывал о родном Малом театре, что это 10 театров в одном, что это

кошмар и репертуар кошмарный. Рассказывал о Таирове, у которого проработал много лет и который научил его настоящему чувству формы, о Равенских, что это настоящий талант и когда он говорит о том, что его увлекает, то этот грубиян становится аристократом мысли, о Варпаховском, что он делает свои спектакли на доске под одеялом, что у него есть сцена в миниатюре и фигурки, которые он передвигает, придумывая мизансцены, что он культурный режиссер и делает все чистенько, но вот с божьим даром, истинный и настоящий талант, человек со своей темой — это Фоменко, хотя и «хулиган», о котором он несколько лет говорит, чтобы его пригласили на постановку в Малый театр, и еще о многом другом.

16 ноября

В 14 часов состоялось обсуждение «Мистерии — буфф». Предваряя обсуждение, Витоль (начальник ленинградского Управления культуры) сказал: «Работа проделана большая, мы собрались ее обсудить, и на сегодня нас не должно смущать, что нет „лита“, текст рождался на ходу, в работе, и его не успели представить вовремя».

Потом стали выступать ленинградские критики.

Н. Зайцев — говорит, что только так можно было подойти к этой пьесе. Да, перемена адреса, акцентов. Для себя он так формулирует идею спектакля: в мире не все благополучно, в нем тревоги, бомбы, нужно быть человеком, нельзя обмануться красивыми иллюзиями. Поставлено дерзко, гневно — это Маяковский, вот на Таганке Маяковский такой же (Петр Наумович мрачнеет). Здесь дан собирательный образ диктатора — это в разрезе решений нашей партии. Но есть, конечно, и замечания: не обязательны вопли о голоде в этом контексте, это нехарактерно, ведь это не об Октябрьской революции, поэтому обращение в зрительный зал неправомерно; непонятно, чьими глазами увиден Рай; в оформлении нужен отбор, слишком всего много, есть растопыренность пальцев и нет удара кулака; много унитазного мотива, буфф больше чем достаточно, а вот мистерия — в основном к концу, может, это и правомерно; порванные красные знамена, осиновый крест по-разному можно трактовать, поэтому, по его мнению, надо исключить. Спектакль ярок, талантлив. Многое идет от темперамента, но, может, будет еще больше этот темперамент действовать, если его где-то сдерживать. За основу спектакль надо поддержать.

Рабинянц: «Что меня привлекло и что еще требует

доработки? Пафос утверждения в образах Нечистых: все ради человека, все против античеловечности — это от Маяковского. И эмоциональный накал, и начало спектакля — это образец, на котором можно учить студентов. Что нуждается в усовершенствовании — не все актеры владеют режиссерским рисунком, еще нет свободной пластики». (Разбирает отдельные актерские работы.)

Колмановский: «Есть внутренние связи спектакля, нельзя растаскивать — одному не нравится одно, другому другое, нельзя так вторгаться. Рай — место скотское». Не согласен с Зайцевым, что непонятно, чьими глазами увиден Рай.

Беньяш: «На авансцену этого спектакля вышел положительный идеал его автора — это заслуга. Нечистые стучат в железный занавес, как семь Гамлетов в стену Датской тюрьмы. Героическое содержание проникло в сатирические куски — это опять положительное».

Цимбал: «Это новый для Театра Ленсовета опыт и трудный. Гражданственность и патетика распространены и на сатирические моменты. Но вот марш „Все выше и выше.“ — не надо. Спектакль бесконечно работает на нас, на нравственное воспитание. Поразили возможности коллектива — какая согласованность!»

Головашенко: «Ведь это исторический момент — создание „Новой Мистерии — буфф“. Еще неизвестно, что такое современное переделывание „Мистерии — буфф“, только ли просто текст. Над текстом проделана серьезная работа, но вот надо ли здесь: „Жарища в Африке“, ведь вряд ли режиссер здесь против Чехова, нет, значит, против современных мелодрам, ну так возьмите хотя бы „Чти отца своего“». *(Оживление.)*

Потом Витоль дал слово мне. Говорю: «Я не официальный представитель Министерства культуры, но рада, что смогла посмотреть спектакль. Все хвалили постановочную группу, и прежде всего режиссера, и им адресовали свою благодарность, я же хочу адресовать благодарность прежде всего театру и его руководству, так как у нас режиссеры имеют много замыслов, но вот воплотить их им удается не всегда. Театр поверил, загорелся. Игорь Петрович (Владимиров, главный режиссер) проявил активность. Начиная обсуждение, Арнольд Янович Витоль говорил, что его интересует принципиальная позиция режиссера. Так вот, если судить по данному спектаклю и по тем спектаклям, которые он ставил ранее — „Смерть Тарелкина“, „Дознание“ позиция режиссера — это ответственность человека за свою судьбу, боль и гнев режиссера за пассивность и растоптанность человека. Здесь кто-то сказал, что между текстом Розовского и Маяковского нет швов, что Розовский равен Маяковскому. Я

думаю, что автор на меня не обидится, если, не зачеркивая серьезности его работы, скажем, что это далеко не так. Мне как раз хочется обратить внимание на несовершенство текста — это и в образах, которые у Маяковского, кроме своей „сиюминутности“, еще и типы-маски, а здесь этого многим не хватает, и в самом стихе нет звонкости языка. Зная, как работает этот режиссер, верю, что многие замечания будут учтены. Жаль, что в Москве никто не рискнул предоставить ему сцену для этой работы, а ведь она могла бы украсить столичную юбилейную афишу. Еще раз благодарю театр, что он это сделал».

С заключительным словом выступил Витоль: «Понятна доброжелательность, но не должно быть юбилейного хорала. Талантливым людям просто стыдно слушать такой панегирик. Не надо зачеркивать предшествующие работы театра. В спектакле нет той четкости, целенаправленности, как у Маяковского, которая позволила ему создать либретто. Да, многосложность, многоконфликтность — это тоже знамение времени, но должна быть главная проблема и второстепенные. У Маяковского железная логика, а здесь типы слабые, ну хоть дядюшка в звездной юбке. Вот то, о чем Вы мне рассказывали в замысле, не все удалось, статуя Свободы затерялась среди прочих атрибутов. У Нечистых слишком сильна нота истеричности, слишком часто их ставят на колени, ползают они и валяются. Нечистые с бессилием, а не с силой стучатся в Рай. Вторая линия: в нашей жизни гнев находит мишени — хамы, бюрократы, но есть вещи несовместимые, хлеба, хлеба нет — так вот вам спорт или давайте споем, фраза о начальстве обращена к Раску, Мао и Аллилуевой, а какие они для меня начальство? О песне „Все выше…“ — да, были и плохие пятилетки, но эта песня символизирует лучшее, что было в этих пятилетках. Соглашатель у Маяковского и здесь, здесь он мелок и сведен к литературной борьбе. Тема революции духа, которая как бы грядет на смену революции 50-летней давности, — это неверно. Вот подумайте и скажите, что Вы еще собираетесь делать».

Фоменко: «Потом расскажу подробно, но сейчас несколько слов. (Прежде всего всех благодарит.) Проблемы нашей жизни, мы от этого не уйдем, как бы проблемы мира нас ни волновали. О голоде — речь не просто в конкретном смысле, а в глобальном, хлеб — это основа. Нечистые должны через все пройти, а не быть этакими бодрячками. Рай должен быть похабен, а не аппетитен. Здесь проводили параллель со спектаклем Товстоногова, не нужно вообще параллелей. Что касается сравнений с Любимовым, то здесь мы разные, а что используем одни приемы — это может быть». Вообще Петр Наумович говорил очень умно, с

темпераментом и гражданским мужеством, слушать было интересно, и я, заслушавшись, не все записала. Когда же мы с ним обменивались впечатлениями после обсуждения и я высказалась более откровенно, он сказал, что, конечно, я смотрю в корень, что надо делать что-то другое, что вот был бы лишь маленький театр хоть в Ленинграде, хоть еще где, взял бы к себе 20 актеров, а такие есть, и делал бы что хочется. Я говорю: «У Вас будет театр». А он отвечает: «Нет». Я: «За это говорит вся логика развития». Он молчит.

17 ноября

Приезжаю в Москву, еду сразу на работу, узнаю, что Тарасов искал какие-то материалы, требовал. Будорагин, так как Шумова отправили в командировку, нашел и отдал ту дурацкую бумажку, какую я кропала без охоты и смысла. А в общем-то, моего отсутствия, по существу, никто и не заметил. Увидела Голдобина, рассказала ему о товстоноговском спектакле и «Мистерии — буфф».

А Шумова вместе с Калашниковым (зам. директора Института истории искусств) отправили накануне в Ригу смотреть в ТЮЗе пьесу Паперного «О Светлове», так как Владыкин психует, боится, что там что-то не то, что там отражена литературная «борьба».

Все сегодня были на коллегии, где «Сама», как почти всегда, унижала своих подчиненных мужиков, не давая им сказать ни слова, тут же перебивая. Отвратительная картина распоясавшейся бабы, дорвавшейся до неограниченной власти.

В 10 утра позвонил Николаев (композитор, автор музыки к «Мистерии — буфф»), я ему вкратце рассказала о своих впечатлениях, из замечаний сказала только о песне «Все выше и выше…». Потом к вечеру позвонил Эйдлин, тоже поделилась тем, что думала. В общем, у него примерно те же ощущения, он видел спектакль 5 ноября. Он считает, что Фоменко равен по таланту Маяковскому, а вот материал сопротивляется.

Вечером была вместе с Борисом Владимировичем на «Пугачеве» на Таганке. Спектакль очень хорош найденной образностью, строгостью решения, созданной атмосферой, многочисленными находками: Три мальчика-певца, Три мужика под колоколами, эти женские фигуры скорби и т. д. Борис Владимирович сказал, что, в общем, спектакль ему понравился, что Любимов — все же талантливый и изобретательный человек, что вот он выходит из трудного положения — поисков новых находок в старых приемах. Но что надо бы сделать — унять крик

и два-три места сделать статичными, чтобы динамика воспринималась больше. Что хорош свет — работа с красными подсветами, зеленый, когда на черном фоне воздеты руки, женщины — это все хорошо. А в общем, это литературный монтаж, которых в первые годы революции было много и они были не хуже сделаны. Приятно, что этот памятник Есенину есть, что его драма впервые в Советском Союзе ставится. Но интермедии (они здесь остались без текста), в сущности, являются инородным телом и вносят в эту строгую и единую постановку лишь «любимовский» элемент, который на фоне прекрасного и не нуждающегося в уточнениях Есенина особенно виден.

18 ноября

Вернулся из командировки Шумов. Пришел Кудрявцев, рассказал о вчерашней коллегии подробно и о замминистре Министерства культуры РСФСР Е. В. Зайцеве, о котором мне уже говорили, что это Шкодин в кубе. Кудрявцев всех представил в лицах и создал гнусный образ.

Потом звонила в Малый театр его нынешнему директору Солодовникову, он не пускает Варпаховского в Болгарию, при этом Солодовников на полном серьезе заявил, что если его прислали «возрождать!» Малый театр — то надо не мешать, а помогать, а то вот с ним не согласовали и отнимают лучшего режиссера. Договорились, что Варпаховский поедет не с первого, а с пятнадцатого апреля.

19 ноября

Сегодня воскресенье. Звоню из дома в Ленинград Головашенко, чтобы узнать, что нового с «Мистерией». Он говорит, что был в субботу в театре, но Фоменко не было, что слухи ходят неприятные, что к спектаклю очень настороженное отношение, что в следующую субботу будут смотреть партийные органы, что приказано никого на спектакль не пускать.

20 ноября

В Управлении все последние дни таинственно и напряженно, совершается что-то «значительное» и непонятное. Все говорят о

столкновении двух сил. Что на «Большевиках» мы или выиграем, или проиграем, и тогда, возможно, кто-то «полетит» — может, Тарасов, а то и Фурцева. Начальство ничем не занимается, да его, по существу, здесь и не бывает, все на Куйбышева, а здесь одна многозначительность. Но сегодня на этом нервном фоне совершается еще одна подлость — Владыкин решает рижский ТЮЗ в Москву все же не привозить, уговаривает Тарасова. Голдобин мчится на Куйбышева, чтобы предотвратить это глупое решение, но, видимо, остается в одиночестве или его тоже уговаривают. И все начинает крутиться в обратную сторону — отмена афиши, объявлений по радио и в «Вечерней Москве» и т. д. А Кудрявцев должен звонить в Ригу, сообщить об этом решении Министру культуры Каупужу — все, в общем, от страха одурели. А «борьбу» за «Большевиков» продолжают вести не от принципиальности, а потому, что отступать поздно. За эти дни ими создана бумага для ЦК против Лита. И вот чья перетянет, чья… Отсюда эта несвоевременность привоза спектакля с «литературной борьбой», хотя Шумов и Калашников утверждают, что там ничего этого нет, а то, что и было, по их просьбе, театр уточнит.

Вечером у нас было отчетно-перевыборное партийное собрание. Более гнусного я уж не помню. Все только хотят устроить свои делишки. Выбирают такой состав партбюро: Малашенко (член Репертуарной коллегии) — секретарь (он надеется, что это поможет ему стать главным редактором Репертуарной коллегии), Трубин (инспектор) — зам. секретаря (этот мечтает стать заместителем начальника нашего отдела), Шумов — тоже зам, Тарасов и Цирнюк — члены партбюро (Тарасову положено по должности). Мои теории, будто что-то грядет на смену воспитанникам сталинской эпохи, разбиваются в прах.

21 ноября

Сегодня весь день занимаюсь с театральными делегациями, польской, словацкой, составляем программу, устраиваю в театры.

Все у нас делается безмерно глупо — то замминистра Попов сказал, что нашей делегации в Польше делать нечего, а сегодня на зарубежной комиссии Фурцева сказала, что ехать надо. Поэтому из-за того, что вовремя не выехали, А. Попов полетит всего на три дня (27 ноября у него «Иван Грозный»), а Владимиров, как оказалось, и выехать не может, т. к. у него лишь туристический паспорт, — и так все, и так во всем. Это и плохо, и

хорошо, что-то вдруг может как-то неожиданно обернуться, ну а ты тут уж используй момент.

Итак, говорят, что мы «победили» Лит. Но Фурцева, которая наконец, видела «Большевиков» в субботу, т. е. 18 ноября, решила, будто бы по собственной инициативе, настаивать, чтобы Шатров переработал сцену «о терроре», сократил ее, об этом вроде сегодня два часа шел у нее разговор с Шатровым. И она, используя прославленную методу кнута и пряника, за «переделку» велела послать его в Польшу, как награду за послушание. Но тогда спектакль не только потеряет смысл, но и превратится в свою противоположность. Ефремов боится, как бы Шатров не согласился, а театр на переделку все равно не пойдет. Сегодня театр поехал в Польшу на этот злосчастный фестиваль.

23 ноября

Утром приехал Головашенко и рассказал, что 21 ноября «Мистерию» смотрели представители Лита, дали свои замечания, поэтому 22 ноября Григорьева, Владимиров и Фоменко были у Витоля, который изложил всю сумму претензий. Но Фоменко сказал, что он создал партийный спектакль и ничего переделывать не будет. А когда вечером я позвонила Григорьевой, то она сказала, что с ней разговаривал «Первый» из обкома и грозил снять ее с работы, а Витолю дать выговор за то, что театр вопреки приказу Министерства культуры СССР работал над нелитованным произведением, и что Фоменко сегодня выезжает в Москву.

А у нас «отбой» по рижскому ТЮЗу, так как театр и Паперный прислали Фурцевой телеграмму и началась обратная свистопляска. Голдобина решили срочно направить в Ригу, он завтра выезжает, а Тарасов придирается уже к каждому слову «творения Паперного», оставляя лишь стихи Светлова.

24 ноября

Сегодня прихожу на работу — в нашей комнате Тарасов и Голдобин говорят Шумову, что надо сделать так, чтобы в Центральном доме литератора (ЦДЛ) спектакль рижского ТЮЗа «О Светлове» не был показан. Вот уж что-что, а рекламу мы создавать умеем, привлечем внимание даже тех, кому и в голову не пришло бы интересоваться.

Потом я пошла на Бронную на «Три сестры» Эфроса. Хорошие

люди, задавленные личности, ненужные таланты. Все такие молодые. Метущийся по сцене Тузенбах — Круглый, он шутит, почти кривляется, а в глазах тоска, боль, любовь к Ирине. Очень интересно играет Чебутыкина Дуров, в сцене его запоя я ревела белугой.

26 ноября

«Три сестры» не выходят у меня из головы, они о том же, что чувствую и я, — о пустоте жизни, об абсурдности и бессмысленности ее.

Вчера, 25 ноября, «Три сестры» видел Борис Владимирович, говорит, что интересно, талантливо, но того восторга, что был у него от «Мещан», нет: и то ему не так, и это не эдак. Может, и прав, но для меня это не имеет значения, а некоторые вещи, какие ему кажутся ненужными, меня как раз и приводят в восторг и повергают в рыдания, как танец Дурова — Чебутыкина, и, может, я впервые по-настоящему поняла его слова: «…может быть, я и не существую вовсе, а только кажется мне… О, если бы не существовать!» Хотя такие замечания Бориса Владимировича, как слишком длинная интродукция — вальс в первом акте, или слишком долго пляшет тот же Дуров; или что зря из глубины сцены (первый акт) подается чеховский текст, поэтому многое пропадает; или что Яковлева никуда не годится, — совпадают с моими ощущениями. Но для меня все это частности несущественные, для него несколько больше, а для других вообще главное. У нас в Управлении только я и Синянская за спектакль, все остальные, даже Емельянов и Григорьев, — против. Артемов говорит, что ушел после первого акта, что это так плохо, что и времени терять не захотел. Комиссарова орет, что это еврейское издевательство над русской классикой. Шумов — что это не Чехов, а Антон Павлович Ионеско, и хотел было сразу на меня наорать, когда я сказала, что после «Варваров» Товстоногова на меня ничто так сильно не действовало. Шкодин, по словам Шумова, вне себя: «Опять устроили похороны русской классики». Емельянов считает, что здесь все сделано «лишь бы наоборот», и даже Эфрос, мол, не знает, зачем это, и в пример ставит «Доходное место» и целенаправленность Захарова — ну, это понятно: его любовь к Брехту, к форме как таковой и театральной находке здесь сказывается. Львов — Анохин звонил мне вчера — ему очень нравится, талантливо, современно, хотя некоторые ребусы и им не разгаданы: дерево с медными листьями — подставка для шляп, железные ветки в саду или зачем торчат

нижние юбки у Ирины, когда она говорит, что она белая птица. И Борис Владимирович, и Львов — Анохин, и я сходимся на том, что замысел у Круглого очень интересный, но он переигрывает. «У Чехова в ремарках Тузенбах все время смеется, — напомнил Борис Владимирович, — это хорошо, что он такой легкий, обаятельный, но слишком мельтешит». Понятно, что правая пресса поднимет вой — Зубков (главный редактор журнала «Театральная жизнь») ушел, не дождавшись конца четвертого акта. Но и защитников много. В. Сечин (критик) плакал как баба, он в восторге, сегодня позвонил и хоть как-то вывел меня из ужаса одиночества.

А вчера я рассказала Тарасову обо всем, что происходит с «Мистерией — буфф». Он слушал, интересовался, а потом лишь сказал, что ему жалко Григорьеву: «Ну зачем же они карать хотят за то, что над нелитованным работали, а почему им не сформулировать, что спектакль не получился». **Я:** «А потому, что спектакль очень даже получился, а вот о Мао — дзе — Дуне и Аллилуевой органы власти говорить не разрешают». **Он:** «Да, вмешиваться мы не будем, в Ленинграде свои законы». Тарасов сетовал, что вот Фоменко все берется за очень трудные вещи, а брался бы за такие, как «Король Матиуш I» — прекрасный спектакль идет. На что я ответила, что у Фоменко есть, слава Богу, свое художническое «Я», соответственно которому он и берет материал. Называется, поговорили…

Вечером из дома позвонила Зайцеву, рассказала все, как у нас относятся к «Трем сестрам», чтобы завтра на обсуждении не ждали восторгов, но и не взвивались от наших глупостей. Зайцев сказал, что вчера на «Трех сестрах» был Фоменко, ему понравилось, что это европейский спектакль в манере Эфроса, сам он очень расстроен, но еще надеется, что «пробьет» «Мистерию», хочет идти к начальству.

Сегодня весь день читала книгу Михаила Чехова «О технике актера». Его вдова недавно передала нам безвозмездно архив великого артиста, а за книгу хочет получить 1000 долларов (500 экземпляров по 2 доллара). Наверное, дадим положительное заключение с предложением распространения через Институт истории искусств и ВТО.

27 ноября

В первом часу ночи вдруг звонок: «Я Вас не разбудил?» — «Нет». (Фоменко.) «Вот не мог позвонить раньше, закрутился». Я уже знаю, что он был в ЦК у Михайловой и должен пойти к Шах

— Назарову, тоже в ЦК, чтобы выяснить, можно или нельзя Мао — дзе — Дуна и Аллилуеву выводить на сцену. О походе к Михайловой мне рассказал Зайцев. Петр Наумович говорит, что видел «Три сестры»: «Это интересно, только…» — «Что только?» — «Только я люблю, чтобы мысль облекалась в более точную форму». Спрашивает, что еще посмотреть. **Я:** «Ну, „Большевиков“ в „Современнике“». «Да, пойду 7 декабря». Заговорили о «Метели», так как накануне Борис Владимирович смотрел этот спектакль и ему очень понравилось, прежде всего пьеса, и поставлено ничего. Петр Наумович резко возразил, что все это фальшивка, что эта пьеса его только раздражает, что линия Порфирия написана позорно, и дальше критиковал все в резких выражениях. Я не возражала особенно, но к слову заметила, что не хотела говорить, но скажу, что меня не очень-то радует выведение на сцену в его спектакле Аллилуевой. Он опять вспыхнул: «Это ничтожество, она не имеет права делать свою судьбу предметом обсуждения всего мира, ведь за ней стоит ее папаша — злой гений нашей страны».

29 ноября

Рано утром позвонила Фоменко, чтобы узнать о его встрече с Шах — Назаровым. Петр Наумович сказал, что Шах — Назаров полтора часа давал советы, так как сам пишет пьесы, а по существу вопроса ничего не знает.

Потом пошла на межведомственную комиссию по приему зданий Малого театра и МХАТа после ремонта. В Малом прием перенесли на 6 декабря, не все документы готовы. Во МХАТе все такое старое, но теплое, домашнее, уютное. Была в гримуборной Станиславского, сидела в тех креслах, где когда-то сидели великие — ну как со всем с этим расставаться, как уходить в здание чужое и холодное! Ведь здесь не только портреты основателей театра — здесь они сами в каждой половице, в каждой стене и диване углом[13]. В филиале МХАТа помещение ужасное, все потрескалось и перекосилось. И здесь в основном играют приезжающие иностранные труппы — вот, должно быть, впечатленьице!

30 ноября

После работы поехала к Синянской за чемоданом для поездки в Польшу. Вдруг телефонный звонок, и Люда говорит, что меня к

телефону просит Тарасов. Беру трубку — он просит, чтобы я поехала в Кремлевский театр, где проходит вечер, организованный ЦК ВЛКСМ (как оказалось, читательская конференция под девизом «Дорогой отцов»), и где рижский ТЮЗ должен играть второй акт своего злосчастного спектакля «О Светлове». Их волнует, нет ли отголосков литературной борьбы, не мрачно ли. Вообще, сами не знают, чего боятся, боятся всего: слухов, разговоров, молчания. Я поехала, но ТЮЗа не было (не успели), а был большой и нескладный концерт.

1 декабря

Тарасов, Голдобин, Кудрявцев, Шумов и весь наш отдел наконец смотрели спектакль рижского ТЮЗа, из-за чего столько времени была суета — непонятно.

Во второй половине дня позвонил директор Театра на Бронной и закатил настоящую истерику что, хотя ни Владыкин, ни Тарасов не видели «Трех сестер», в Министерстве Фурцевой кто-то докладывает, что это издевательство над классикой, а мхатовцы ей звонят с возмущением: «Что же это такое?..» Вон небось к Равенских все на спектакль ходили… и т. д. Я ему отвечаю, зачем он придает значение тому, чему не надо, спектакль идет, и это главное. Ну, он опять что-то кричал о несправедливости, а потом спрашивает: «Ну, а Вы-то к нам хорошо относитесь? Так вот тогда докажите и приходите завтра еще раз посмотреть, тогда и поговорим».

2 декабря

Так я второй раз оказалась на «Трех сестрах». Сидела рядом с Борисом Владимировичем, который тоже пришел посмотреть второй раз. Рыбаков сказал, что Борис Владимирович будет писать о спектакле для журнала «Театр», но Борис Владимирович еще не решил, это еще не точно. Спектакль меня опять захватил, опять ревела, а четвертый акт, наверное, действительно лучший. А Любимов сказал Львову — Анохину, что Чехов — плохой драматург и что он никому не нужен, и что это ни к чему, и ему не нравится. Но почему-то спектакль большему числу даже друзей больше не нравится, чем нравится — ни Рудницкому (критик), ни Строевой (критик[14]), ни Тодрии — в предубеждении их вроде не обвинишь.

В антракте Борис Владимирович говорил Велиховой (критик),

которая спектакль не принимает, что Станиславский так ставил Чехова накануне революции, когда в воздухе носилось предвестье объединения людей. А у Чехова они все одинокие, пьеса состоит из одних монологов, здесь, в сущности, и нет диалогов, вот это и ставит Эфрос по Чехову. По окончании спектакля Игнатова из «Советской культуры» спросила Бориса Владимировича, не решил ли он написать для них статью о спектакле. Он отказался и спросил ее, как ей спектакль. Она ответила после заминки: «Сложно». По дороге домой (я его провожала) Борис Владимирович объяснил, что отказал Игнатовой, так как не хочет связываться с «желтой» прессой, что он, естественно, разбирая спектакль, напишет не только о его достоинствах, а они вычеркнут положительное, оставят отрицательное, и будут потом ссылаться, что вот, мол, и Алперс критикует, и с ними ничего не поделаешь. Еще Борис Владимирович очень хвалил Антоненко, что это лучшая Маша, какую он видел в своей жизни, что она лучше даже Книппер — Чеховой.

Потом он рассказал, что месяца полтора назад Солженицына вызвали в Союз писателей и предъявили ему всякие обвинения, не разбирая творчества по существу, а больше ссылаясь на западную печать и радио, почему о нем так говорят. Хотели исключить из Союза, но не посмели. «Обвинителем» выступил какой-то писатель — нацмен, непорядочно вел себя Федин, и только два человека за него вступились — К. Симонов, который не отделял себя от Солженицына, и Салынский, который тоже очень хорошо говорил. Прекрасно выступил Солженицын, перейдя в наступление. Голосовать предложение об исключении не посмели. Все шло под стенограмму, которую, видимо, отправили «наверх».

А у нас в Министерстве ходят всякие слухи о реорганизации, что опять нас сливают с кино, с печатью, с радио, с телевидением. Уже упразднили Комитет по культурным связям, и многое отойдет нашему Министерству. Что будут перемены и «наверху». И весь улей высшего чиновничества дрожит за свои кресла, все не спят, все злые, как осенние мухи.

3 декабря

Сегодня с мамой была второй раз на «Доходном месте». Не знаю, то ли влияние Алперса, то ли настроение неподходящее, а может, все-таки такой спектакль, что смотреть можно лишь один раз (как «Братская ГЭС»), но почти не понравилось, много суеты, беготни, вращений, от которых у мамы кружилась голова. Вроде

много выдумки, хорош Миронов, но какое-то тусклое, а не радостное впечатление.

А днем шла дурацкая игра, затеянная еще вечером 2 декабря, когда позвонил Кошелев и сказал, что Владыкин хочет посетить рижский ТЮЗ, но «инкогнито». Договорились, что на Куйбышева пришлют места для Владыкина, но на имя Кошелева. И вот весь день «великие мужи» решали, как лучше поступить — приходить Владыкину открыто, предупредив, или «тайно». А что в этом спектакле? Ну в чем дело? Сам по себе спектакль малоинтересный, есть какие-то режиссерские находки, но вообще-то сумбурно сделанная композиция, смелость копеечная, актеры очень слабые, всего двое-трое прилично читают стихи.

1968 год

1 января

Итак, последняя запись была сделана мной 3 декабря 1967 года. 7 декабря я уехала в Польшу. Упомяну, что же я видела в польских театрах за 12 дней пребывания в Варшаве и Кракове. Самое большое впечатление, которое не смогли затмить все последующие спектакли, оставил поистине прекрасный спектакль «Марат и Маркиз де Сад» Вайса в постановке и оформлении Конрада Свинарского, недаром он считается у них лучшим спектаклем года. Режиссер, он же художник, актеры — вот где высочайший профессионализм и подлинная страсть. Потом «Закат» Бабеля в постановке Богдана Коженевского в «Атенеуме», самыми лучшими сценами в котором была сцена «В синагоге» и финал. В театре «Вспулчесне» я видела два спектакля с Ломницким «Не до обороны» (не помню, как точно переводится) Осборна и «На всякого мудреца довольно простоты». Актер прекрасный, но где-то техника у него становится самоцелью. В «Национальном театре» «Воскресение Христово» в постановке Казимежа Деймека несколько удивило меня тем, что в такой верующей стране (а в этом я убедилась сама) идет такой саркастический спектакль о вере. Еще в «Атенеуме» я с большим удовольствием смотрела очень интересное зрелище по пьесе Агнешки Осецкой «Когда цветут яблони» — какая пластика и ритмика у актеров, как они все двигаются, поют и играют, как отделана каждая миниатюра. С большим любопытством я пошла на Пинтера «День рождения Стенлея» в «Театр Польский», смотрела с интересом, но, честно признаться, ничего не поняла. В «Сирене» же отдельные тексты были такие, что все наше руководство и репертуарную коллегию хватил бы инфаркт. Это все в Варшаве. В Кракове я видела «Баню» Маяковского — это первая режиссерская работа очень известного в Польше театрального художника Шайны — конструктивное оформление, прозодежда и какая-то удивительная атмосфера того времени, пьеса сокращена, выброшен образ жены, спектакль идет в напряженном темпе; в филиале «Театра Словацкого» — новую комедию Сковронского «Рожденная в рубашке», которая вполне может пойти и у нас, а в театре «Розмаитости» — инсценировку романа Гроховяка «Тризмус» о том, как бывший немецкий комендант концлагеря пишет свои мемуары — и никакого раскаяния, все происходившее он логически объясняет, и сам по

своим качествам он нормальный человек, любивший жену, но ради идеи, в сущности, ее предавший, — и это звучит как предупреждение каждому: а вот ты сам сейчас не поступаешь так, что потом кому-то будет страшно? А еще в Кракове я была в любопытнейшем месте, в знаменитом краковском студенческом кабаре «Под баранами» — это подвал с лестницей, уходящей вверх, освещаемый свечами, где гости размещаются на помосте, а ведущий — в цилиндре с колокольчиком в руке. Удивительная атмосфера, кругом в основном молодежь, но понять всю прелесть происходящего без знания языка трудно, здесь переводчицы мало.

Вообще атмосфера, отношение к людям в Польше абсолютно иное, чем у нас. Какое-то удивительное чувство собственного достоинства, уважение каждого, отсутствие табеля о рангах, что подтвердил и третий секретарь нашего посольства. Ю. Соколов, с которым мы об этом говорили. И когда за шикарным обедом с ананасами, устроенном для меня одной, я шутя спросила Соколовского (наш Тарасов плюс Вартанян — начальник Управления музыкальных учреждений) и Лисецкого (наш Кузин) не перепутали ли они меня с Фурцевой, то получила ответ, что для них между ею и мною нет никакой разницы, и в этом галантном ответе была большая доля правды. Точно таким же было их отношение и к переводчице, ее мнение о просмотренных нами спектаклях их интересовало ничуть не меньше, чем мое. Но когда я сказала Тымотеушу Карповичу, что у них гораздо больше свободы, то он ответил, что у них хуже, потому что Польша знала, что такое истинная свобода, а теперь это для нее ход назад, а мы свободы не знали, и для нас малейший шаг вперед приближает к тому, что они потеряли.

В последний день, 19 декабря, я попрощалась с Соколовским и Лисецким, забрала 9 приготовленных пьес, получила в подарок книги и пластинки, а также маленькую серебряную сирену.

Вернувшись, я несколько дней ходила как оглушенная, мне были странны резкость, грубость, громкость, как хорошо бы это сохранить, но это невозможно. И вот прошел небольшой срок, и я та же, что была до отъезда.

А пишу я все это в приемной Фурцевой. Сегодня я опять, как и в прошлые годы, Новый год начинаю с дежурства в Министерстве, для меня это уже традиция. Я вышла на работу 20 декабря и окунулась в плохие спектакли: «Мир без меня» в Театре Маяковского в постановке Танюка, «Высшая мера» в Малом театре, «Суджанские мадонны» в Ленкоме. Сдал свой спектакль Эфрос — «Обольститель Колобашкин», бывшая «Современная комедия» Радзинского. Много смешного, но порой провалы, и далеко не все понятно. Хотя, наверное, главное в том, что

осуждаются рыцари на час, да и то не рыцари вовсе, а так, игра их собственного воображения.

А обстановка вокруг опять нервная и неприятная. Фурцева посмотрела «Доходное место» и обозвала его антисоветским спектаклем, сказала: «Те, кто не могут с нами расправиться при помощи советской драматургии, делают это руками классиков», и что она, мол, слышала, что «Три сестры» еще хуже, так бойтесь, я вот, мол, приду. И весь улей зашевелился — решили «Три сестры» обсуждать или в московском Управлении, или у нас. А «Большевики» все идут без «лита», и тот все пытается доказать их зловредность — привлекли каких-то старых большевиков, и они высказались против спектакля.

За время моего двухнедельного отсутствия убрали из «Советской культуры» Большова (посмотрим, к лучшему ли). Назначили наконец начальника Управления театров Министерства культуры РСФСР — Сорокина Бориса Николаевича, читавшего эстетику в ГИТИСе. Говорят, приличный человек, Борис Владимирович тоже сказал, что держался Сорокин в ГИТИСе порядочно, будучи секретарем партбюро.

3 января

Вечером домой позвонил Фоменко, попросил, чтобы я устроила болгарского режиссера Даниэля на «Короля Матиуша», я сказала, что уже сделала. Сообщила ему, что сегодня маяковцы «Тарелкина» не играли, Малый театр, где теперь Эйбоженко, не отпустил его, ссылаясь на болезнь Павлова, хотя тот играл 1 января. А о том, что Эйбоженко будет играть вместо Павлова 3 января, мне сказал Ефимов (зам. директора Малого театра) еще до Нового года. Значит, руководство Малого театра нарочно решило сорвать спектакль, ведь это Е. Симонов сказал, что «Тарелкин» сделан нечистыми руками.

Да, забыла записать, что, когда я 25 декабря была на спектакле «Мир без меня» в Театре Маяковского, рядом со мной сидела Михайлова. Она спрашивает: «Ну, что хорошего ожидается?» Я: «Ничего, так как мы с Вами на страже». Она: «Ну, кое-что иногда все же прорывается». Я: «Да, но сейчас мы, кажется, очень плотно сомкнули ряды». Заговорили о Мрожеке и постановке «Танго» в «Современнике» польским режиссером Ежи Яроцким. Она сказала, что ничего, кроме сообщения Ефремова в «Правде», не знает, а я — что в нашем посольстве в Варшаве Соколов сказал мне, что, вернувшись, я, видимо, застану дискуссию по этому вопросу, которая должна, по его мнению,

кончиться благополучно. Она: «Ничего не слыхала». Я: «У нас тоже тихо, так где же дискуссия?»

4 января

Была у Бориса Владимировича. Почему-то разговор пошел так, что он стал мне читать лекцию о моем житье-бытье. Что перескакивать, как блоха, с места на место бессмысленно (я хотела уходить из Управления театров), что я своего дела по существу не знаю, да и по-настоящему им не занимаюсь, что я лишь поверхностно освоила свои театры и труппы, что мне надо глубоко и серьезно этим заниматься. Вот на выпуске спектакль — подготовиться к этому, не только перечитать пьесу, но все, что с ней связано, как и кто ее ставил. Что ему понравилось, когда я пришла к нему перед обсуждением «Тарелкина». И как раз тогда мои «глубокие» знания никому не понравились, ни у нас, ни в московском Управлении — «образованность, мол, свою показывала». Борис Владимирович говорил, что надо освобождаться от примитивного и утилитарного подхода к искусству, что у меня взгляд — просто оборотная сторона медали взгляда Тарасова, он — только как бы чего не было «против», а у меня — чтобы было. Говорил, что у искусства есть более широкое и глубокое назначение — его художественное воздействие, которое, может быть, не так открыто, более незаметно, но задевает такие стороны человеческой души, что перестраивает человека, незаметно влияет на него. Вот эту сторону в искусстве надо видеть и ценить, а я, мол, этого не умею. Потом сказал, что он не сторонник непременного окончания аспирантуры, что знания и широту кругозора можно набирать самостоятельно, постепенно, что эта возможность есть у меня, ведь я вижу все премьеры. И еще надо обязательно читать переводную иностранную литературу.

Говорил о Луначарском — не надо на него молиться, подставлять из него цитаты под сегодняшний день, но разобраться в нем очень даже интересно, рассматривать его академически и через него — эпоху, время — как это отразилось в оценках и высказываниях, порой противоречивых и исключающих друг друга. Найти, что же главное, что живое, а что мертвое, что принадлежит одному лишь прошлому. Интересно взять тему «Луначарский о драматургии» — у него неверные взгляды были на Чехова и Горького, или тему «Луначарский и Малый театр».

Разговаривали о Польше, из которой я недавно вернулась. В ответ на мой рассказ о ритуале кратковременного посещения

костела поляками, какой я по утрам наблюдала в Варшаве, Борис Владимирович сказал, что это не ритуал, а такая же духовная тренировка, как бывает физическая, и что в этот короткий срок верующий настолько собран, что этого краткого обращения к Богу ему хватает как опоры на весь день.

5 января

Вечером после спектакля позвонил Борис Владимирович и сказал, что «Народовольцы» ему понравились. Что пьеса плохая, но Ефремов молодец, что как режиссер он крепче Эфроса, что тот более темпераментный и страстный, но этот умеет свой замысел довести до художественного и логического завершения. Во многом понравились ему и актерские работы, но жаль, что роль царя Александра II дали Евстигнееву, и он сделал ее комической. А Блок писал об Александре, что это тонкий человек, которого травят. Но понятно, почему Евстигнеев и комический элемент, — чтобы не было симпатии на его стороне. Хороша Волчек — торговка. Юшко — Желябов был бы хорош, у него есть фактура, но глаза невыразительные. А вообще, может, и лучше, что играл Юшко, а то Ефремов всегда играет рыхлых людей, а здесь нужна твердость. Хороша Покровская в роли Софьи Перовской.

6 января

Сегодня Борис Владимирович смотрел «Большевиков». Позвонил. Ему понравилось, Галине Георгиевне очень понравилось. «Еще раз молодец Ефремов, молодец Шатров», — сказал Борис Владимирович. Очень понравился ему Чичерин — Филлер, не похожи, но по своему оправданы Луначарский — Евстигнеев и Коллонтай — Толмачева, которая была в жизни этакой светской дамой, обаятелен Табаков — Загорский. Совсем не понравился Кваша — Свердлов, который хотел, наверное, сделать его более человечным, а получился он неумным, и глаза неумные. Не понравился финал, слишком официозный, может, надо было тихо пропеть один куплет (теперь два) и на последних строках обернуться в зал громко, и все. Потом провальный, бездейственный момент, когда все спят. Понятно, что здесь автору нужна пауза, но что-то не найдено. Конечно, лучшая сцена — спор о терроре, зрители аплодируют в самых рискованных местах. «Вообще, когда есть такие спектакли, как „Народовольцы“, „Большевики“, „Три сестры“ и „Мещане“, есть о

чем говорить, искусство живет», — заключил Борис Владимирович.

7 января

Сегодня разговаривала с Фоменко, который сказал, что на Бронной обстановка не очень хорошая и он не хочет встревать, «Счастливую деревню» Вахтина сейчас ставить нельзя. Что тема — палачи и жертвы — это тот угол зрения, с которого он рассматривает жизнь: «Наши палачи будут нам потом пятки лизать, так вот, сейчас надо самому не лизать, а то мы все сами не замечаем, как лижем, надо не суетиться». **Я:** «Кажется, к Вам это не относится». **Он:** «В творчестве — нет, а вот в жизни.» Сказал, что сволочей надо бить между глаз, вот одного они избили когда-то. **Я:** «Не по-человечески бить человека». **Он:** «Когда бьешь, получаешь удовлетворение, как вообще удовлетворяя любую потребность, ну, потом…» Что-то такое холодное и жестокое было сегодня в этом голосе, что-то такое далекое, удивительно чужое. Потом мы сменили тему, и голос стал веселым.

10 января

Сегодня начну с конца. Вечером зашла завлит театра Ленсовета и рассказала, как садистски ведет себя обком. После обсуждения «Мистерии» в ленинградском Управлении культуры, на котором была и я, всех выступавших критиков-коммунистов вызвали в обком и сказали: «Как же так мы — состоим в одной партии, а у нас разное отношение к спектаклю?» На что кто-то ответил: «Да, так бывает». Там безобразно жонглировали текстом, отрывая его от контекста и заявляя: «Вот видите, разве это допустимо?» Им отвечали, что это надо слышать и видеть в контексте, а отрывать — это абсурд. Все было бесполезно. Главный обвинитель — Александров, и всем этим он занимался, не видя спектакля. И постоянно двойная игра: обвиняя Фоменко в «идейной диверсии» за глаза — в глаза он встретил его с распростертыми объятиями, чуть ли не со словами: «Не хотите ли Вы у нас в Ленинграде вообще остаться работать?» Причем основной садизм в том, что хотят просто взять измором и добиться того, чтобы театр сам, как когда-то Товстоногов, отказался от постановки. Поэтому на публику продолжают разыгрывать доброжелателей, ничего определенного не говорят, и

Владимирову все время вроде бы обещают, что разрешат. Причем Лит якобы ничего против нового варианта пьесы не имеет, но обком ему не разрешает давать разрешение. А потом будет сказано, что театр сам отказался, и все будут улыбаться. В театре атмосфера нервозная, актеры влюблены в спектакль, им обидно, что их обвиняют в том, чего нет, они отдали спектаклю сердце и душу[15].

А у нас в последние дни продолжают бурно спорить о спектаклях, вызывающих огромный интерес. После заявления Фурцевой о «Доходном месте» опять паника, шум, объяснения Владыкина, что он все сделал, что можно. Но его ссылка на Ревякина повлекла за собой лишь новый вздорный выпад. Вызвали из отпуска Плучека, чтобы менял мизансцены и вообще «исправлял» спектакль, как главный режиссер.

Скверное настроение в театре на Бронной. «Три сестры» приказано обсудить. Наши договорились, что это будет делать московское Управление. В списке людей, видевших спектакль, был и Борис Владимирович, который готов был прийти и выступить. Он сказал, что за Эфроса бороться он стал бы — это дело принципиальное. Хотя Голдобин, беседуя с кем-то из московского Управления, называл и его фамилию, но приглашения Борис Владимирович так и не получил.

Любопытны впечатления от спектаклей польского критика Врублевского, болгарского режиссера Даниэля, бразильского Кузнецова (родился в России в 1898 году), которых я опекаю. Врублевскому больше всего понравилось «Доходное место», потом «Три сестры», по его мнению, Эфрос ставит Чехова через Беккета, понравился ему и «Пугачев», потом все остальное, хотя и интересное, — «Народовольцы», «Большевики», «Братская ГЭС», «Традиционный сбор». Его очень взволновал фильм Райзмана «Наш современник». По его мнению, наша театральная жизнь очень интересна, гораздо интереснее, чем в Польше, особенно в том, что у нас все самое интересное — это советское и русское, и мы в основном решаем свои вопросы, переходящие в общечеловеческие, а в Польше преобладает зарубежная драматургия, и по проблемам польского — мало. А Даниэлю больше всего понравились «Три сестры» и меньше всего — «Иван Грозный», так как здесь из-за величины сцены актер удален, а он за то, чтобы актер был «великаном» на сцене и чтобы все решалось через актера, хотя Даниэль деликатно подчеркивал, что это его субъективное отношение. А бразилец от всего в восторге, во МХАТ ходит и тоже в восторге.

Тарасов и Владыкин посмотрели «Три сестры» — и в напряжении. Тарасов определенно высказался только по поводу

того, как Тузенбах — Круглый произносит слова о том, что он будет работать, что он произносит их так, что становится ясно: ничего не будет, так произносить недопустимо.

А у Кудрявцева своя теория, он не принимает «Трех сестер», так как считает, что в спектакле неверно подано, как их всех душит окружающая жизнь, и выдвигает теорию естественного неудовлетворения собой, если ты тонко организованная натура, что разрыв между идеалом и действительностью естествен, и чем ты тоньше, тем неудовлетворенность больше, и нечего винить обстоятельства, обстановку и т. д.

22–24 января в Рузе пройдет семинар режиссеров и директоров московских театров, на котором наряду с другими докладами будет и доклад Владыкина. Вот уж неделю все только этим и занимаются — «как бы капитал приобрести и невинность соблюсти». По этому поводу нас собирал Голдобин, зачитал план Института истории искусств и велел всем составить свой план.

11 января

Сегодня утром смотрела во МХАТе «Дни Турбиных» в постановке Варпаховского. Очень нудно, скучно, тягостно. Ритм затянут, актеров почти нет. Пожалуй, лишь Лариосик — Борзунов и Тальберг — Давыдов неплохи. У первого обаяние, естественность, у второго рисунок, характер крысы точен, но уж очень откровенен с самого начала. Алексея (Топчиев) — нет, в главной сцене обращения к батарее только боишься, что вот-вот сорвется голос, вообще пуст и ничтожен. Елена — Калинина — не светлая, а скрипучая и манерная. Шервинский — Вербицкий — не адъютант и певец, а парикмахер. Мышлаевский — Зимин в конце — просто шофер из «Вдовца». Вообще, как военные они никуда не годятся, — и как штатские тоже. А это новое прочтение режиссера — вульгарный социологизм. Мышлаевского хоть сейчас делай комиссаром. А что у всех конец — это лишь начало новой драмы, на это нет и намека, все слишком ясно. Боровский — художник интересный, особенно хорошо решена сцена гимназии. Но это обрамление из плотных портьер слишком отгораживает героев от мира.

В конце рабочего дня пришел Кудрявцев в подавленном состоянии, а так как поделиться ему не с кем, поделился с нами, Будорагиным и мной, о том, какая истерия творится вокруг, в Министерстве, горкоме и т. д. Ушел замминистра Цветков, в горкоме заменили Соловьеву как малоинициативную. Что стоит вопрос о снятии начальника московского Управления культуры

Родионова. Что у нас «наверху» есть черный список, в котором члены Репертуарной коллегии: Емельянов, Розов, Симуков, Никитин. Что у Владыкина Тарасов и Голдобин только и делают, что обсуждают — что, где, кто.

Потом я пошла отнести Борису Владимировичу пьесу Эрдмана «Самоубийца». Побыла минут 20, рассказала ему про все это. Он говорит, что это буря в стакане, но может длиться довольно долго, что это не просто временно и, видимо, это указание сверху.

После работы пошла в театр МГУ (на Герцена) смотреть «Карьеру Артура Уи». Этот театр хочет стать профессиональным по статусу, сохранив часть непрофессионального студенчества. У них все на энтузиазме, нет ни денег, ни зарплаты. Режиссерски решено интересно (спектакль поставлен в 1963 году и с тех пор прошел более 100 раз), но актерски (среди актеров есть профессора и доктора наук, а начинали они студентами) ни о каком профессионализме говорить нечего. Все кричат так, что слов не разобрать, совсем не справляются со сложными ролями, очень однообразны. Хотя сам Уи и еще несколько человек способные люди. В перерыве с режиссером спектакля Юткевичем зашел разговор о «Трех сестрах». По его мнению, это спектакль неинтеллигентный, интеллигенцию так показывать нельзя, поэтому он спектакль не принимает, хотя Эфрос человек талантливый и отдельные фрагменты сделаны талантливо, но вот зачем сестрам под рояль лазать.

Дома вечером слушала Би — би — си о судебном процессе над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой, Добровольским, он начался 8 января и кончится завтра 12 января. Их обвиняют в антисоветской деятельности и связи с белоэмигрантской организацией, принадлежности к бердяевскому кружку. Прокурор требует дать от двух до восьми лет заключения. На самом деле Гинзбург составлял сборник по делу Синявского и Даниэля и распространял эти материалы на Западе. А Галансков печатал в подпольном журнале «Феникс» обсуждение старыми большевиками третьего тома «Истории партии» и заседание Союза писателей, на котором исключали из членов Союза Б. Пастернака. Защищая Гинзбурга и Галанскова, Аксенов, Ахмадулина и еще несколько писателей требуют открытого процесса и освещения его в прессе, чтобы это не делалось тайно.

12 января

Днем приходила завлит Ленсовета, у нее была пьеса

М. Рощина «Старый Новый год», которую я прочитала тут же. Очень талантливо, но не пройдет. Картина очень мрачная и очень правдивая, полная бездуховность во всех слоях общества. Вечером опять была в клубе МГУ на представлении эстрадной группы, которой руководит Марк Розовский. Это представление показали один раз полтора года назад и по предложению парткома МГУ сняли «на доработку». Представление называется «Русская сатира» — это «Театральный разъезд» Гоголя, «Карась-идеалист» Салтыкова — Щедрина, «Сон Попова» А. Толстого и песни Саши Черного. Да, смешно, но профессионально малоинтересно (кроме двух-трех человек).

13 января

Утром в 11 часов опять в МГУ на спектакле «Хочу быть честным» Войновича в постановке М. Захарова. Очень понравилось, талантливо, правдиво, зло, без довесков лояльности и благополучного финала «торжества справедливости». Такой спектакль в профессиональном театре не разрешат. Или взять вчерашнее представление — тоже не разрешат, недаром Розовский говорил, что это последний спектакль такого плана, что он теперь готовит мюзикл. Да и зачем им эта профессионализация? А сегодня Розовский говорил Голдобину и вообще всем, что он вместе с Юткевичем задумывает как программную работу «Мистерию — буфф», что ему это сделать и раньше хотелось, но не было материальной возможности, да и Юткевич не может вечером репетировать, поэтому работа в Ленинграде с Фоменко была вынужденной, что он вместе с Юткевичем переделает текст и что замысел у Юткевича другой (в общем, предавал Фоменко), и что это будет первая работа на новой профессиональной основе, если таковая будет.

Ну вот, вынесли приговор еще одной группе, борющейся против цензуры и за пересмотр судебного производства, — Ю. Галансков — 7 лет, А. Гинзбург — 5 лет, В. Лашкова — 1 год и провокатору Добровольскому — 2 года, которые он уже отсидел. Целый год длилось следствие, но виноватыми они себя не признали. Павел Литвинов и Лариса Богораз — Даниэль (жена Даниэля) обратились с заявлением к мировой общественности с требованием открытого суда и пересмотра решения суда, они называют его срепетированным спектаклем, который рассчитан на зал, заполненный работниками КГБ и дружинниками, эта публика смеялась и оскорбляла подсудимых и свидетелей. Судья Миронов помогал Добровольскому и ни разу не прервал

обвинения, и в то же время мешал защите и свидетелям предъявлять доказательства невиновности. Все было предопределено заранее.

21 января

Вчера разговаривала с Львовым — Анохиным, он очень обескуражен композицией, сделанной Дубровским (завлитом театра) по переписке Горького и Ленина, он думал, что это будет более художественно, а предложенное надо просто читать двум актерам без грима. Вампилов переделал одноактную пьесу, и Львов — Анохин хочет ее «пропихнуть». «Дружину» Рощин тоже переделал теперь она называется «Так не бывает», Львов — Анохин тоже надеется, что теперь ее пропустят (я молчу, но в душе не верю).

В четверг был семинар. Я выступала по теме «„Мистерия — буфф“ Маяковского и другие его пьесы и современное их прочтение». Взяла тему только потому, что я могла всем громко рассказать о спектакле Фоменко, да еще о «Бане» в Кракове. Маяковского-то я не люблю. После семинара ко мне подошел Голдобин и сказал: «Присоединяюсь».

Итак, в понедельник, вторник и среду (с 22 по 24 января) будет «рузская смычка с интеллигенцией», как говорит Шумов. Днем их будут «воспитывать», а вечером, как опять-таки острит Шумов, «все встанут в круг и начнут играть и петь: „А мы просо сеяли-сеяли“ — творческая интеллигенция, а ей навстречу Тарасов с Фурцевой и Гришиным: „А мы просо вытопчем, вытопчем“».

«Доходное место» — заставили-таки переделывать мизансцены, Тарасов ходил на репетицию[16].

22 января

Утром читала доклад Тарасова, который он должен делать в Рузе. Все то же лицемерие и ложь. МХАТ и Малый — хорошо, хотя, конечно, мол, с них большой спрос. Равенских — молодец, Завадский — молодец, ну, еще «Современник» — молодец. Конкретно ругает «Доходное место» за осовременивание и «Три сестры» как античеховский спектакль, где утрачена вера в светлое будущее, в людей, в их благородные порывы, о чем свидетельствует ирония в рассуждениях о труде у Тузенбаха, а это, мол, главное у Чехова. И еще зубодробительная фраза, что

вульгарно — социологические постановки Островского и Сухово — Кобылина говорят о незрелости режиссерской мысли. Я сказала Тарасову, что думаю по этому поводу, все ведь будут смеяться, когда он начнет хвалить МХАТ и Малый театр, а Тарасов в ответ: «Ну и пусть смеются». Однако выслушал мои рассуждения насчет того, что та серятина, которую сейчас дают на сцене МХАТа, — это хуже так называемых «ошибок», так как это болото, это абсолютно безлико. Потом читала пьесы, включенные в репертуарные планы московских театров.

25 января

Начальство вернулось из Рузы в благодушном настроении, очень довольны семинаром (пронесло). Все прошло спокойно, без эксцессов, а в сущности — для галочки. Делали доклады разные «специалисты»: генерал КГБ — об идеологических диверсиях империалистов, «философ» Разумный все пугал, что на Западе идеологическая работа против нас на высоте, а у нас она ослаблена, выступал замминистра Кухарский. Тарасов сам доволен своим докладом. В прениях выступило 9 человек: Солодовников (Малый театр), Ремез (Театр Пушкина), Песелев (парторг Театра на Бронной), Антонов (ЦТСА), Туманов, Н. Сац, Абалкин, Розов, говоривший, что человек сложен и из него может и вылезти змея, и выпрыгнуть лев и задача состоит в том, чтобы сделать его добрым. А главный редактор журнала «Театр» Рыбаков сказал, что, конечно, надо показывать героя, но традиция русской литературы — показ маленького человека: Акакий Акакиевич Башмачкин, герои Достоевского и т. д. Голдобин определил его выступление так: «Высказался Юра неудачно, и за это был бит». Абалкин удивлялся: «Как же так, Рыбаков равняет XIX век и советскую действительность». Не понравилось выступление Рыбакова и Министру культуры РСФСР Кузнецову, который заключал выступления. Голдобин рассказывал: «Мы (т. е. Тарасов) сказали все, в том числе критические замечания, и, в частности, выразили свое отрицательное отношение к „Трем сестрам“, обиженный судьбой Эфрос хмурился, но не выступил». И что, мол, все выступавшие и другие участники остались очень довольны, и все благодарили, что их «вывезли», оторвали от повседневных дел и заставили задуматься, поэтому, мол, многие и не стали лезть в драку, так как им было о чем подумать. Жарковский же (директор Театра Станиславского) считает, что, в общем-то, предмета для диалога не было. А вечером им показывали новую картину с Ефремовым и Дорониной «Три

тополя на Плющихе», а на второй день — «Сладкую жизнь».

А у нас сегодня вечером было партсобрание на тему подготовки к фестивалю национальной драматургии в РСФСР, следовательно и в Москве. Опять сплошная демагогия: убедить, доказать, приказать. Что главное — это пропаганда, вместо хороших пьес и материальной заинтересованности.

28 января

Сегодня разговаривала с Львовым — Анохиным о семинаре в Рузе, он смеется: «Только теперь по-настоящему понял всю свою ответственность, когда слушал обо всех этих диверсиях, сначала все вздрагивал, а потом просто так устал, что даже на кинофильм не остался. Вообще, была немыслимая тоска, только кафе „Уголек“ и спас творческую интеллигенцию, она там хлестала коньяк и упивалась „до положения риз“».

29 января

Шумов получил от Тарасова анонимный стихотворный пасквиль на «Три сестры» и всем его совал, и меня очень порадовал Спектор (зам. директора театра Вахтангова), который, узнав, что это анонимка, отказался его читать. Это было как пощечина Шумову. Это мерзость, но, так как приходится все записывать, привожу и его, как свидетельство травли и со стороны «творческой интеллигенции», причем трусливое, без подписи, чиновничьи-то фамилии известны.

Трех сестер на Малой Бронной
И не хотела бы обидеть,
Безрадостный угрюмый фон,
Да Чехов слов не написал.
Три жабы в чешуе зеленой
Все остальное в том же роде:
Резвятся там под граммофон.
Уж если Тузенбах — урод,
Там нет берез, знакомых с детства,
Соленый — скромен, благороден,
Там журавлям не разлететься,
Вершинин — хам и парвеню.
Там много вредной чепухи
Нет, я артистов не виню.

И пошлость… пьесе вопреки.
Что тут поделает артист,
Там Тузенбах — Неунывайкин
Коль Чебутыкин пляшет… твист,
Под вальсы скачет налегке,
Андрюша бегает в подтяжках,
И вдруг приходит в котелке,
Затем ложится на Наташу
Ни дать ни взять — Аркадий Райкин.
На модерновой на тахте,
В четвертом акте сей урод
Что украшает их вертеп.
Ирине тычется в живот
Постыдно это хулиганство,
И дико воет на всю сцену,
И жалко Чехова до слез,
Изрядно напугав Ирэну.
Он был борцом против мещанства,
Она в смущеньи смотрит в зал
Не знав, что вырастет Эфрос.

Так что не мы одни хороши, братья по цеху не лучше.

31 января

Смотрели в Театре Станиславского «Записки сумасшедшего» в исполнении Буркова, постановка Г. Соколова, художник Н. Эпов. Вообще интересно, но кажется, что влюбленные в Буркова все-таки преувеличивают его диапазон, он все же комический актер, мне лично не хватало трагизма, и смех он вызывал какой-то легкий.

Львов — Анохин говорит, что ему очень нравится именно за то, что это светлый образ. Да, может, и светлый, но свет этот должен идти из тьмы, нет пронзительности.

1 февраля

Из разных источников стало известно о скандале в ВТО. Там шла конференция по вопросу перевоплощения актера — это заседание нового кабинета «Актера и режиссера», на которой выступил Эфрос, где он (по словам Львова — Анохина) очень

грустно и тихо говорил о том, как новое всегда трудно пробивает себе дорогу. Вот, мол, у него дома висит Модильяни, а все приходят и говорят «гадость». И что нечего, мол, тут друг другу ничего на словах доказывать — кто перевоплощается, тот и будет перевоплощаться. На что выступавший в конце заседания Товстоногов нервно отреагировал и заявил, что он все время защищал Эфроса, а теперь не будет, что его последние спектакли — это потеря идейных позиций, и что это его выступление Эфрос может расценивать как разрыв. Львов — Анохин считает, что Товстоногов поступил нехорошо. Ведь теперь это очень удобно — прятаться за его спину всякой сволочи. И действительно, наши скандалу обрадовались. Сегодня утром заходит в нашу комнату Тарасов и говорит мне: «Ну вот, видишь, твои левые-то сами бьют Эфроса, и Товстоногов, и Плучек». Я: «Это кто левый, Товстоногов? Да он прямой и правильный всю жизнь. А вообще ничего такого тут нет, режиссеры всю жизнь ссорились — Мейерхольд с Таировым, Станиславский с Немировичем — Данченко, на это и внимания обращать нечего».

2 февраля

Когда я зашла сегодня к Синянской, там оказался Н. Акимов. Он спросил мое мнение о «Колобашкине». Я сказала, что сложное, что это смешно, что хорош Гафт, что мне близка тема развенчания Ивчикова — рыцаря (в его собственном воображении) на час, всю жизнь прикрывающего этим свое равнодушие и подлость. Акимов промолчал. Но позже Синянская мне рассказала, что в кабинете Тарасова (она там тоже была) Акимов удивлялся, как репертуарная коллегия выпустила такую пьесу, и сетовал на то, что таким спектаклям, как у Эфроса, пресса уделяет столько внимания, а того, кто честно работает, вроде и не замечает. Надо сказать, что «Колобашкин» вызвал почти такое же отношение, как «Три сестры». Сегодня мы получили письмо на имя Фурцевой от группы комсомольцев завода «Знамя труда», где они называют спектакль «идеологической диверсией» и от «имени народа» обвиняют создателей его в пасквиле на советскую действительность. Похоже, письмо никто не «организовал»: его писали люди «культа», воспитанные советской действительностью, изуродованные ею, позволить себе подобные ярлыки им ничего не стоит.

5 февраля

С утра началась паника. Тарасову позвонили «сверху», что надо срочно направить в Политбюро ЦК КПСС пьесы «Послушайте!», «Традиционный сбор», «Большевики». Оказывается, за подписью Гришина в Политбюро подана докладная записка под заглавием «О политической ущербности пьес и спектаклей „Послушайте!“, „Традиционный сбор“ и „Большевики“». На двух страницах дается характеристика этих произведений в таких выражениях, как «сломанные судьбы», «противопоставление одного всем», да и этот один, сам неопределенной, а может, такой же неустроенной судьбы (о «Традиционном сборе»); в центре — проблема террора, которая взята, чтобы возникли ассоциации с известным периодом, исторически же эта проблема никого не интересует (о «Большевиках»); вся послереволюционная творческая деятельность Маяковского показана пессимистически: поэт гибнет в конце, логически сломленный борьбой с государством и обществом (о «Послушайте!»). Это со слов Шумова, который присутствовал при звонке Тарасову, когда тому все читали, а он записывал. К докладной Гришина прилагается проект решения Политбюро: «Указать Главлиту на либерализм. Указать Министру культуры СССР». Понятно, что такое «указать!». Ясно, какое впечатление произвело это на Тарасова и на всех. А у нас к тому же полная неразбериха: экземпляр «Послушайте!» со штампом Лита от 22 февраля 1966 года уже не соответствует по своему тексту идущему спектаклю, а тот, который мы оплатили после рассмотрения на Репертуарной коллегии в июне 1967 года и который в принципе соответствует спектаклю, не имеет штампа Лита. Так какой же посылать? Формально надо со штампом, а по сути тот, что идет.

6 февраля

Смотрели «Звонок в пустую квартиру» в театре Маяковского в постановке Б. Толмазова. Вроде было и смешно, и не скучно, пьеса поставлена в жанре комедии, а по содержанию требуется сатира.

Получила спецзадание: видите ли, в ЦК есть кружок любителей театра, и они хотят 21 февраля провести занятие по военно — патриотической теме с иллюстрацией сцен из спектаклей. Выдается это за вечер работников идеологических отделов ЦК. Тарасов рассматривает это как важное поручение, обязательное к выполнению в лучшем виде. И так как у меня есть «опыт» по организации таких вечеров, «апрельская Ваша встреча с

ЦК в прошлом году», по выражению Шумова, когда мы делали с Тарасовым и ВТО концерт в Кремлевском театре, то мне это вновь поручили. И вот я обзваниваю театры и вру им, что это для торжественного вечера в честь 50-летия Советской Армии. И прямо как в анекдоте, «тогда возникает тезис…». А анекдот вот какой: приехал докладчик в колхоз рассказывать о международном положении, о Китае, а после доклада один старичок и говорит лектору: «У меня вопрос». — «Ну давай». — «А кто живет в Китае?» — «Ну как кто, китайцы». — «Так, тогда второй вопрос: а на каком языке они говорят?» — «Ну как на каком, на китайском». — «Так, тогда возникает тезис: а на кой… нам все это надо?» И очень часто тоже хочется выразиться: «Тогда возникает тезис, а на кой…»

12 февраля

Вчера, в воскресенье, была у Бориса Владимировича. Как всегда, разговаривали о многом. Борис Владимирович рассказал о встрече с Солженицыным, которая произошла несколько лет назад в Школе — студии МХАТа, когда студенты хотели инсценировать один из рассказов писателя. Борис Владимирович говорил, что более сильного впечатления от внешности человека он просто не помнит, а уж, кажется, на своем веку повидал. Среднего роста, крепкий, розовый оттенок кожи, а ведь у негр рак, удивительные глаза, все время меняющиеся, вся внутренняя собранность, весь ум, вся напряженность отражаются на этом лице. Очень нервный, как натянутая струна. Рассказывал он о своей жизни, лагере, а перед встречей предупредил, чтобы в зале не было посторонних. И когда через какое-то время ему подали записку и он узнал, что в зале какой-то журналист, тут же прекратил беседу, и никто уже не мог его уговорить. А заговорили мы о Солженицыне потому, что речь зашла о Фоменко, о его позиции палачи-жертвы. Сначала Борис Владимирович говорил, что, может, это и есть подход, когда все промежуточное отбрасывается и лицом к лицу встречаются главные противостоящие силы, но потом решили, что назвать того же Солженицына жертвой значило бы оскорбить его. Он не жертва, а борец; жертва тот, кто сломлен морально, а кто борется и не сдается, тот борец. Вот, Солженицын борется, говорят, он опять написал в ЦК о том, что его роман «Раковый корпус» попал за границу помимо него, он не знает, кто его передал, вот там его напечатают, зачем же это надо? Наши люди станут узнавать о романе оттуда, куда лучше напечатать самим. (Что-то вроде

этого.) Тема «палачи и жертвы» вызвала воспоминание об Оруэлле и его романе «1984» (тоже ходит в Самиздате), вот где жуткий пессимизм. Оруэлл пессимистичнее Кафки, у которого тоже безысходность, но его герои погибают в борьбе, они до конца морально не сломлены. Говорили о том, что протесты по делу Гинзбурга — Галанскова продолжаются и у нас в стране, и за рубежом. Борис Владимирович сказал, что очень болен Твардовский, он просто в депрессии, даже не пьет, он все душевные силы отдал, чтобы пробить «Раковый корпус» Солженицына, а ничего не вышло. А про себя Борис Владимирович сказал, что ему очень не хочется ходить в жертвах, считаться жертвой, а палачом он не был.

Сегодня утром была на обсуждении спектакля театра Маяковского «Звонок в пустую квартиру» в московском Управлении. Послали одну меня, так как Шумов пошел на обсуждение спектаклей Таджикского театра, гастролировавшего в Кремлевском театре. Все твердили о добре спектакля, хотя персонажи те еще (один хочет запрятать в сумасшедший дом старушку, другая своими доносами, наверное, не один инфаркт устроила и т. д.). Я-то считала, что спектакль должен быть сатирическим, о чем и сказала. А Толмазов говорил: «Меня сатира не интересует, я хочу открывать в людях доброе, сатира предполагает отрицание человека целиком, а я хочу показать: да, это гнусно, отвратительно, но это не значит, что мы отрицаем человека целиком, в других обстоятельствах он может быть другим».

14 февраля

Вчера пришел Спектор. Зашел разговор о списках приглашаемых на премьеры. Спектор стал говорить, что это безобразие, что даже постановочная группа не предусмотрена, и вообще должны быть места на усмотрение дирекции театра: «Ну а если Завадский захотел прийти на премьеру?» Шумов сказал, что об этом надо посоветоваться с Владыкиным, на что Спектор ответил, что ваш Владыкин ничего не решает, да на него и ссылаться просто неприлично.

Сегодня с утра выполняла «оперативное» задание, занималась сравнительным анализом работы МХАТа (как накануне Малого театра). Из выпущенных с 1964 по 1968 год спектаклей сохранилось очень мало, за 1964 год, например, не сохранилось ни одного. За это время во МХАТе режиссурой занималось 16 человек, а кто из них режиссер? И где их работы? А тот, кто по

призванию должен работать, ему не дают.

Потом пришла секретарь Тарасова и сказала, что звонил народный артист СССР Б. Смирнов, он хочет, как член жюри, пойти на «Гроссмейстерский балл». Я позвонила в театр, потом Смирнову. Разговорились. Он стал клеймить Эфроса и «Три сестры», хотя сам спектакль не видел. Сказал, что согласен со статьей в «Советской культуре» (а статья безобразная по своему тону, развязная и оскорбительная). Я: «Но тон статьи неприличный». Он: «Ну и что, почему неприличный, таким надо давать по рукам. Вообще-то Эфрос талантливый, но после того как я увидел „Снимается кино“, работы его смотреть больше не пойду, это безобразие, а „Три сестры“ и просто диверсия». Сдерживалась как могла и пыталась отстаивать свое мнение. Он говорит, что все возмущены, а я пытаюсь сослаться на Немировича — Данченко, который утверждал, что если одним нравится, а другим нет, то это и есть настоящее.

Пришел Голдобин, он в театре Оперетты смотрел коллектив «Скоморох». Говорит, очень талантливые ребята, но по направлению и темам — ужас. Что Любимов со всеми своими интермедиями по сравнению с ними — ерунда и пустяк. Здесь инсценировано стихотворение А. Толстого «История государства Российского», и каждая строка сопровождается интермедией. Там и «догоним-перегоним», «мясо-молоко», и на тему, чего же крепкому государству критики бояться, — в общем, его «потрясло» настолько, что он выразился так: «И что же это у нас в стране делается?» — так как в Иркутске эту программу разрешили и они с ней по стране ездили. Он посоветовал Сорокину эту программу публично не показывать. И действительно, в пятницу я собралась идти в Щукинское училище, там они должны были играть для своих, но показ отменили.

Вернувшаяся из Каира Фурцева распекала своих замов, что вот всех распустили, обещала навести порядок. А приступивший после болезни к работе Владыкин уже успел напакостить, вычеркнул Мрожека из репертуара югославского театра «Ателье 212», который должен приехать на гастроли.

15 февраля

Замом начальника нашего отдела вместо Кудрявцева назначен В. Н. Назаров, бывший заместитель директора ТЮЗа. Тарасов вызвал нас, чтобы его представить, и, воспользовавшись моментом, стал говорить, что надо усилить контроль за

московскими театрами, особенно за двумя — Драмы и комедии на Таганке и Драматическим театром на Малой Бронной. Чтобы без «лита» не репетировали, за классикой надо следить — что делают, как делают. Я говорю: «Ведь то, что клеймим сейчас, через 10 лет будет эталоном». А он: «Неизвестно, что с нами будет через 10 лет, ха-ха-ха». В общем, поругались, и в конце концов он обещал обсудить мою позицию на партийном собрании.

В конце дня был семинар. Доклад о прочтении классики делал Емельянов, объясняя, что один и тот же человек в разное время читает по-разному одно и то же произведение, а эпохи — тем более. В 20–30-е годы в прочтении классики было чувство дистанции и академизма, а у нас сейчас антиакадемизм и слияние с действительностью. Хвалил «Доходное место», потому что Захаров, по его мнению, показал, хоть в сцене «в кабаке», то будущее, как бы тот период, который запечатлели потом Сухово — Кобылин и Салтыков — Щедрин, и пьеса это растяжение выдержала, а вот у Эфроса в «Трех сестрах» пьеса во многих местах это растяжение не выдержала.

16 февраля

С 20 по 27 февраля в Праге должен проходить Симпозиум чехословацко — советских деятелей театра.

Тарасов, глава советской делегации, бьется почти в истерике: «Ну, кто будет на симпозиуме защищать „основы“? И почему ЦК отказался принять в этом участие?» (Первоначально в делегацию от ЦК была включена Михайлова.) Трясется, что вот он один брошен на произвол судьбы. Уже третью ночь не спит, кто же их будет «учить», так как, по его мнению, они делают что-то «непостижимое». Он прочитал в белых листах ТАСС об их намерении отделить партию от государства. Между прочим, сказал, что в ЦК намерены переиграть и отменить разрешение на гастроли Таганки с «10 днями» в Чехословакию[17].

17 февраля

Только что вернулась с «Виринеи» у вахтанговцев, длинно, довольно скучно, хотя порой «забирает». Но вообще-то наводит на грустные мысли: и этот народ делал революцию, темень и глупость почти беспросветные, вот и плоды таковы.

18 февраля

Сегодня воскресенье. Вечером позвонила Галина Георгиевна, сказала, что они без меня скучают. Потом подошел Борис Владимирович: «Ну как?» — «Да ничего». Спросила, когда Оруэлл написал свой роман. «Кажется, в 1949-м, во всяком случае, при, а не после» (Сталина). Потом я затеяла разговор, почему Л. Андреев с такой злобой и презрением отзывается об интеллигенции (я прочитала его памфлет в 6-м томе его сочинений). Борис Владимирович стал говорить:

> «Это ощущение — одна из причин революции, иначе ее бы не было. Да, это и у Толстого, и у Блока, это чувство вины перед народом. Отсюда опрощение Толстого до анекдота, не хотел даже детей учить, если бы не Софья Андреевна, были бы неграмотные. Блок переживал так же, как Леонид Андреев. Вообще, это очень русская проблема и черта, не понять ее — многого не понять. Кроме того, появилась к этому времени та интеллигенция, которая отражена в „Дачниках“, это, так сказать, безыдейная интеллигенция, дети прачек и дворников, которые просто хотели хорошо жить, вот и все, никаких высоких материй, и это тоже причина для негодования Л. Андреева. Да, сейчас, через 60 лет, многое видно совсем не так, и это уже трудно понимать, пройдет еще время, и вообще об этом не будут задумываться. Вообще предреволюционное время очень сложное и во многом труднопонимаемое»[18].

19 февраля

Утром были в Малом театре на спектакле по пьесе Корнейчука «Мои друзья». Бывает хуже, но редко. Фальшь автора, помноженная на фальшь режиссера и актеров, делает зрелище постыдно невыносимым. Под благостную музыку раздвигается занавес, открывая зрителю такую благодать из панорамы строящегося чего-то вроде Киева и не Киева, с церквушкой, березками и цветниками на сцене, балюстрадой и колоннами перед домом. Сюжета нет, конфликта нет, смотреть на все это стыдно, скучно. Персонажи переодеваются по несколько раз в день в такие ультрасовременные туалеты — чистый дом моделей мужского и женского платья (я даже один рисунок вышивки перенесла себе на бумагу). Жаров, по пьесе художник, — просто

купец первой гильдии, подстриженный «под горшок», с бородой и полным отсутствием природного интеллекта. На обсуждении в театре молодые артисты «разнесли» спектакль в пух и прах — братья Соломины, Потапов, к ним присоединилось и старшее поколение в лице Шатровой, заявившей, что и гений не сыграет, когда играть нечего. Полное отсутствие мотивов поведения героев — это, пожалуй, можно бы сыграть как пародию на положительных героев, но всерьез… А автор считает, что это удача и его и театра, что это здоровое, положительное начало на сцене, а не так, как «там» (указывает куда-то в сторону Бронной). Приходивший к нам Спектор подтвердил, что Е. Симонов, ставивший спектакль, рассказывает, что, честное слово, получилось очень здорово, он всерьез считает это победой. Вот где ужас. Перед началом спектакля я разговаривала с режиссером Шатриным и сказала ему, что Тарасов уехал в Чехословакию отстаивать «основы», а в антракте он меня спрашивает: «Это эти основы?» Я: «Безусловно». А Шумов «извинялся», что он был вынужден, его просили, еще до обсуждения, выступить первым, и он, «наступая на горло собственной песне», отметил здоровое начало в спектакле, хотя упомянул о плохой игре актеров, некоторые действительно этого заслуживают, а некоторых просто жаль.

20 февраля

А в «Советской культуре» опять разнос Эфроса, статья под названием «И мое мнение» за подписью Б. Словаков. Как остроумно заметил Шумов, «А. Чехова защищает Б. Словаков». Явно, что это редакционная статья, а подписали, что якобы это мнение «народа».

21 февраля

Сегодня Эфрос ходил на прием к Владыкину, который позвал себе на подмогу Голдобина. Голдобин, когда я его спросила, ничего рассказывать не хотел, только сказал, что проговорили 3 часа и что Эфрос пришел с тем, что к нему предвзято относятся. **Я**: «Есть ведь малость». **Голдобин**: «Да, малость есть, но мы ему сказали, чтобы он прежде на себя посмотрел». **Я**: «Ну и что еще?» **Он**: «А Вы не знаете, что Эфросу надо сказать?» **Я**: «Нет». **Он**: «Ну, все, что надо, то и сказали». Под конец разговора в кабинет Владыкина зашла Фурцева и присоединилась к разговору. Надо

бы узнать поподробнее.

Шумов рассказывал, как мило Фурцева вчера поздравляла бывших военных в связи с 50-летием Советской Армии, а Кудрявцев позже возмущался, что она городила всякие глупости, абсолютно безграмотно, что у нас сейчас любой рабочий говорит более правильно и по мысли, и по построению фразы.

22 февраля

С утра читала пьесу «Волемир», которую хочет ставить «Современник». Что-то вроде «Антигоны» в мужском варианте, только не столь категоричный, а более усложненный, рефлексирующий характер, необыкновенно чистый и порядочный. С одними такими людьми мир представить было бы невозможно, но и без них тоже нельзя. Очень много других интересных характеров, положений, жизненных ситуаций. В общем, когда читаешь такие пьесы, то какое-то радостное чувство, что многих, очень многих людей волнуют одни и те же проблемы, и рано или поздно, но они хлынут на сцену, это лишь вопрос времени.

Придя домой, звонила Борису Владимировичу, рассказала о визите Эфроса в Министерство, о котором знала теперь подробнее. Как рассказал Шумов со слов Голдобина (с ним он поделился), там был разыгран целый спектакль. Эфрос говорил, что к нему относятся предвзято и ругают незаслуженно, что вот если бы он поставил «Метель», что бы с ним сделали, что он хочет одного — спокойно работать. Потом, как бы случайно, пришла Фурцева: «Вы ко мне записались на завтра, так вот, если не возражаете, поговорим сегодня». И Эфрос стал говорить, что если ему бывает очень плохо, то он вспоминает, что его любит Екатерина Алексеевна, и ему становится легче, что она всегда ему помогала, еще когда он снял фильм «Шумный день» и его ругали, она сказала, что это ничего, и его оставили в покое и т. д. и т. п. Вообще, по словам Голдобина, вел себя Эфрос великолепно, и спектакль был разыгран всеми участниками с блеском. Были такие моменты: Эфрос задумался и сказал, что вот он репетирует Арбузова «Счастливые дни несчастливого человека» в реалистической манере и даже боится, что его обвинят… «В чем?» — заинтересовалась Фурцева. «В традиционализме», — отвечает Эфрос, и все вздыхают с облегчением: «Ну что Вы!» Доходит очередь и до Фурцевой — в ответ на «любовные признания» она «ласкает художника», и он уходит «окрыленный». А по уходе Эфроса Фурцева распекает Владыкина, что его работники, в частности инспектор, должны бывать на репетициях и пресекать,

так сказать, на корню (то есть докладывать начальству), если что покажется не так.

Вот это я рассказала Борису Владимировичу и спросила, правильно ли Эфрос поступил. Борис Владимирович ответил, что считает, что правильно, какие-то официальные связи надо поддерживать, и то, что они вынуждены были сказать, ну хотя бы о том, что в идейном, политическом отношении к «Колобашкину» претензий нет, а лишь по художественной линии и перегрузке могут быть споры, это их к чему-то обяжет.

23 февраля

Прямо с утра поехала визировать письмо о театре МГУ к начальнику Отдела труда и зарплаты Новикову на улицу Куйбышева. Потом прошла к Брыкину (начальник Отдела соцстран Управления внешних сношений), который только что вернулся из Польши и рассказал, что там очень сложная обстановка. Сняли спектакль «Дзяды», как антирусский, а молодежь устроила бунт, демонстрацию. На последнем представлении чуть не разнесли театр, были плакаты, лозунги, что вот опять администрируют. Вообще для них Мицкевич — святыня, а «Дзяды» — еще и символ борьбы за свободу, как и весь Мицкевич. Чтобы показать, что снят не Мицкевич, а лишь данная «тенденциозная» композиция, стали показывать «Дзяды» по телевидению, читать со всякими вступительными похвальными словами и с присловьем, что все можно трактовать по-разному. Гомулка вроде сказал, что снимет Мотыку (министр культуры), как это недосмотрели и до чего довели. Чиновники всех рангов трясутся, неизвестно, чем это кончится. А тут в момент снятия «Дзядов» в Польше — статья Салынского в «Правде», где он говорит об этом спектакле хорошие слова. О Мрожеке поляки «не мычат не телятся» — ваше, мол, дело. Брыкин вспомнил, как «неэтично» вел себя Ефремов, 30 минут «приставая» к Мотыке, когда он был у нас, уговаривая его сказать Фурцевой, чтобы польский режиссер Яроцкий поставил «Танго» Мрожека в «Современнике».

Потом пошла взять у Владыкина пьесу «Соловьиная ночь», которую не разрешают ставить вторым экраном Театру Маяковского, т. к. у автора договор с МХАТом.

Вышел в приемную Григорий Иванович и позвал меня к себе. Стал говорить о «Соловьиной ночи», что там помимо личного влечения нужно проложить какие-то социальные мостики и что второму театру вряд ли следует ее ставить. Спрашивал о пьесе

Арбузова «Счастливые дни несчастливого человека», как она мне. Я сказала, что не до конца ее понимаю, но вообще интересно. О «Колобашкине», он видел его накануне, и ему не понравилось, не понял, о чем. Я сказала, что для меня в образе Ивчикова — развенчание рыцарства на час, да и рыцарства-то, выдуманного самим героем, а потом — оправдание подлости своего существования. Владыкин подхватил: «Вот-вот, и автор то же самое говорит». Я: «Ну, мы же не сговаривались». Владыкин: «Да-да, и зал принимает хорошо, может, мне уже из-за возраста не все близко. Во всяком случае, разговор может идти лишь о художественных недостатках, а не об идейных». Поговорили вообще о сложности жанра комедии. Потом Григорий Иванович, почти извиняясь, сказал, что вот, мол, существует мнение, что руководство — я, Тарасов — поддерживаем спектакль «Джон Рид» вопреки объективной оценке. И стал рассказывать, как он выступал в Малом театре на собрании, где сказал, что надо очень работать над пьесой, что стихи очень слабые, а Мекехин (парторг) и еще кто-то бросили реплику: «А нам стихи нравятся», и тем самым сняли эту тему. В общем, он пытался и, как сам говорит, волновался, выступил на троечку, но честно. Вспомнили о Корнейчуке — «Мои друзья», он видел спектакль, но о нем просто даже говорить не стали, так как, собственно, не о чем. В общем, пообщались очень «мило» и, так сказать, при полном взаимопонимании.

Вернулась на Неглинную. Долго ждали Маркова, который опоздал на час, но все-таки приехал. Встречу организовали для повышения нашей «квалификации». Говорил Павел Александрович хорошо, умно, полезно, хотя «америк не открывал».

> «Что необходимо для людей, принимающих спектакль, пишущих о нем? Быть убежденным, что театр хочет только хорошего, добра, идти на спектакль без предубежденности. Ведь это страшно — сдавать спектакль, это как публичные роды. И потом, Немирович — Данченко говорил, что он не может читать слов „режиссер не подумал“, это просто абсурд, а что же он делал, когда выбирал тот или иной вариант, когда месяцами мучился и бился над спектаклем. Говорить о критериях политических, этических не будем, это ясно. А вот уменье сохранить эмоциональность восприятия. Для меня лучшим критерием был и остается Николай Эфрос, его душевный отклик на спектакль. Когда ему было даже чуждо по сути, он мог быть увлечен талантливостью,

яркостью решения, так было с „Великодушным рогоносцем“ у Мейерхольда. Театр должен показать то, чего я не знаю, а мы все привыкли, что театр показывает то, что я знаю, и требуем этого, и, увидев незнакомое, утверждаем: „Нет, это не так“. Конечно, у театрального критика свои права, свое мироощущение, свой багаж, но судить художника надо по законам, им созданным, и надо этот закон чувствовать. Театральный критик должен быть многогранен, и судить Любимова по законам Любимова, а не Станицына, уметь подавлять свои пристрастия. Критик должен быть очень образован, разбираться в живописи, в музыке, это должна быть взаимная встреча. Когда спектакль готов? Немирович — Данченко как-то это знал. А вот Станиславский не знал, его захватывала эмоциональность, он был готов ставить хоть 10 лет. У нас пропало понятие премьеры — праздника. Обкатка на публике, это ввел Немирович — Данченко, и сейчас без нее нельзя, и надо это делать до сдачи спектакля, никто не устроит демонстрации, никто не выйдет из партии, нечего тут бояться, судить о спектакле наиболее точно все же можно лишь на нормальной публике. Сейчас очень много внимания обращают на мелочи — убрать такую фразу, выбросить такое-то слово, как будто от этого меняется существо и все становится правильным, нет. Во всякой красоте есть своя неправильность, угловатость, это ее особенность. Главное — не убивать живой природы художественного произведения. А то это убрать, то убрать, и стало обтекаемое, а своеобразие убито. Да даже тогда, когда режиссер бывает согласен с подсказом критика и благодарит, и исправляет, и тогда часто это во вред. Но вообще каждый конкретный случай особый. Есть личные качества актера, без которых он немыслим: певучесть Качалова, легкость отношения к роли Кузнецова. И есть благоприобретенные штампы, от которых надо избавляться. Просто системы Станиславского не существует, существует система плюс индивидуальность режиссера, актера. А у нас пункты — 1, 2, 3… „Современник“ — вот система, понятая молодыми. Эфрос — ему интересно применить систему к своему мироощущению, своему отношению к жизни. И каждого волнует разное и по-разному. Любимов кричит, и ему нельзя это запретить. Для Эфроса сгусток противоречий в жизни — главное. Львов — Анохин добивается

кристальной чистоты, гармонии. Мы забываем это своеобразие, отрицаем и требуем унификации. Вот Эфрос — „Три сестры“, он видит трагического Чехова. Во многом я с ним не согласен, но полностью постигаю и такое видение. Система Станиславского — это единственная наука в театре, каждый приспосабливает ее себе. Зачем заново открывать велосипед? О „Днях Турбиных“ мне очень трудно судить. Варпаховский, на мой взгляд, очень опростил пьесу, как я говорил, „окиршонил“. Там были личности, за каждым образом мировоззрение, а здесь этого ничего нет».

25 февраля

В 10 часов позвонил Львов — Анохин. Он хотел посоветоваться, идти ли ему в Министерство «искать справедливости», а то Покаржевский (секретарь Свердловского райкома) в личной беседе говорит, что все хорошо, а с трибуны партконференции — что у театра неверная линия, что «Хочу быть честным» — идейно невыдержанное произведение, где неверно отражена действительность, а «Однажды в 20-м» просто замалчивается. Что в труппе нехорошо, недовольство отсутствием работы, что у Львова — Анохина направление на камерность («Медея», «Записки сумасшедшего»), что все пьесы или критикуются, или почему-то трудно проходят — значит, здесь что-то не так. Я ему сказала, что в труппе отношения пусть как-то улаживает, а к нам идти надо в крайнем случае.

Вечером смотрела в ЦТСА «Бранденбургские ворота» М. Светлова. Драматург он неважный, а Андрей Попов просто никакой не режиссер. Все разваливается, кто в лес, кто по дрова. Вот уж полное отсутствие атмосферы, а казалось бы, здесь ей и быть, ведь это, в сущности, лирическое произведение. В. Попова хорошо читает стихи, и зритель настраивается — потом полный провал, и ты засыпаешь, и уж мысли где-то далеко, потом актер что-то «разыграл» — ты вздрагиваешь… а уходишь и не понимаешь, о чем же это и что тебе хотели сказать. В общем, как оркестр, настраивающий свои инструменты, но дирижер не пришел и концерт не состоялся, хотя, когда настраивали, слышались отдельные голоса, мотивы, а в общем был хаос.

1 марта

Утром смотрела в театре Сатиры «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

Горком советует «Три сестры» законсервировать, как бы сняв на доработку. После «уточнений» «Три сестры» смотрели все — Тарасов, Шумов, Родионов, представители Министерства культуры РСФСР — теперь вроде ничего.

4 марта

Выступая на симпозиуме в Чехословакии, Головашенко сказал: «Реализм, конечно, имеет берега, но их не видно» — это когда речь зашла о книге Роже Гароди «Реализм без берегов»[19].

6 марта

На заседании Репертуарной коллегии Осипов зарубил пьесу «Волемир».

Шумов сказал, что новый зав. отделом горкома Верченко, бывший зам. заведующего отделом культуры ЦК ВЛКСМ, вызывал Эфроса и сказал, чтобы тот не рассчитывал быть главным режиссером, что главного ему подберут. А в тисках московского Управления бьется Рощин со своей пьесой «Старый Новый год». Он там, по словам Львова — Анохина, последний раз сорвался и кричал, что из того факта, что уже четыре его пьесы не пускают на сцену, надо сделать вывод: «Пусть тогда ставят вопрос о моей партийной принадлежности, если я так неверно смотрю на вещи», что в этом надо серьезно разобраться. Друзья буквально силой заткнули ему рот.

11 марта

Звонил Б. Сечин, рассказал о том, как в Институте истории искусств обсуждали на партбюро Шрагина (научный сотрудник) за то, что он подписал письмо в адрес Будапештского совещания о пересмотре дела осужденных Гинзбурга и Галанскова. Пока дали лишь выговор, директор Института остался в одиночестве, он один был за исключение. А предстоит еще обсуждать Давыдова, зав. сектором эстетики, и Пажитнова (научный сотрудник) за то, что они теперь подписали письмо в прокуратуру. Состав партбюро: Кружков (директор), Дмитриев, Рудницкий, Шах — Азизова… всего 7 человек.

К Фурцевой пришли 10 человек из театра на Бронной жаловаться. Она вызвала Владыкина и Тарасова, ругала, почему они ничего не знают о том, что происходит в театре.

12 марта

Узнала от Зайцева, что в 2 часа у них собрание коллектива, на котором собирались представлять Щербакова как главного режиссера, но представление отменили, а собрание будет. Сказала о собрании Голдобину, он — Тарасову. На собрание пошли Владыкин и Тарасов[20].

13 марта

Сегодня первая после его гибели конференция по Мейерхольду. Голдобин сразу поинтересовался, почему конференция проводится в Большом зале ВТО, а не Малом, как собирались. Из творческих работников Москвы на конференции присутствовали: Завадский, Плятт, Голубовский, Плучек, Утесов, Раевский, Захава, Кнебель, Любимов, Велихова, Михайлова (из ЦК), весь Институт истории искусств и комиссия по наследию. Конференцию открыл П. Марков.

Марков:

> «Сегодня мы собрались на Первую научную сессию по творческому наследию Мейерхольда. Его творчество должно быть изучено так же, как творчество Станиславского, Немировича — Данченко, Вахтангова.
>
> Мейерхольд не может быть „кампанией“, этим постоянно должны заниматься все научные театральные организации страны. Первый шаг на этом трудном пути — наше сегодняшнее собрание».

Доклад К. Рудницкого *«Мейерхольд и классика»:*

> «Почему не будет полным этот доклад, почему это невозможно — потому, что и об одном его спектакле можно говорить целый день. Надо развеять некоторые легенды. Первая легенда — Мейерхольд и театральные традиции. Существует легенда, что эти взаимоотношения были враждебны, что он от театральной традиции только отталкивался. Полемика со МХАТом создала эту легенду. На самом деле это не

так. Наоборот, Мейерхольд тщательно анализировал традиции, и эти традиции входили в его творческий арсенал, эти знания были у него и в „пальцах и в голове“. Вторая легенда — Мейерхольд экспериментировал „наобум“, эпатировал публику, „перевертывал“. В какой-то степени это верно, он знал, понимал цену театральной сенсации, без этого театр живет бедно. Мейерхольд говорил, что надо видеть разницу между лабораторным, студийным экспериментом и спектаклем, выносимым на широкую публику. Вот, „Дон Жуан“ проверялся на других экспериментальных работах, например в „Поклонении кресту“ в „Башенном театре“ Вяч. Иванова. Принцип стилизации у нас третируется, а это неверно, если это не чрезмерно, а со вкусом и мерой. Мейерхольд сломал рамки ренессансной сцены. Актер, приближаясь к зрителю, отказывался от достоверности жизни героя, здесь, на просцениуме, стоял артист, это сближение с публикой — оно же и отдаляло его от нее, это эстетика условного театра. „В театре игры — зритель живет, активен, в театре психологическом — умирает, пассивен“, — записал в своей записной книжке Мейерхольд через два года после постановки „Дон Жуана“. К этому выводу он пришел еще до революции. Обращение к Островскому — обращение к быту, здесь попробовать свои методы, которые очень трудны, а здесь особенно трудны. „Гроза“, как произносить здесь текст, вот что было для него основное. Островского надо воспринимать как поэта, найти его мелодию. Поэтичность спектакля и в оформлении Головина, в даровании Рощиной — Инсаровой. В „Дневнике“ Теляковского, в записях о „Грозе“ выступили наружу потайные мотивы замысла. Мейерхольд обнаруживал власть темных духовных сил, которые были действительны и для начала XX века, для этого он и вырвал персонажи из быта середины XIX века. Обобщенный образ — значит, всеобщий. Катерина была нестеровская, иконописная, она проходила одинокая, заведомо обреченная. Готовность к гибели, здесь была и завидная свобода, здесь и был романтизм. Романтические мотивы еще сильнее прозвучали в „Маскараде“. Здесь Мейерхольд ставил не пьесу, а автора и данную эпоху. Этот метод был применен потом и в „Горе уму“, и в „Ревизоре“. Иллюзорность, мнимость

уходящего мира. Неизвестный — убийца гения (Дантес, Мартынов). Лоск, блеск, отполированность каждого движения, отточенность формы — это его идеал, тончайшее ощущение полифонизма. А сейчас у нас режиссеры часто ставят классику монохромно, однозначно, режиссер идет к своей одной идее через пьесу, как через ночь. Это актуальная проблема. Образы „Маскарада“ были на границе с бредом и галлюцинациями. Спектакль прорицал беду и конец, закат Империи, так его и называли. Мотив маски, мотив балагана здесь интерпретированы по-другому, чем в блоковском „Балаганчике“. И „Маскарад“, и „Дон Жуан“ были очень жизнеспособны, как все, что вбирает в себя сегодняшнее время. Последний раз „Маскарад“ играли 1 июля 1941 года. „Лес“ — самый ошеломительный спектакль. Но эта дерзость проистекала из этой пьесы, подсказала ее, а не была просто напялена на нее. Я не знаю случая, когда Мейерхольд навязывал пьесе что-то противоположное. „Лес“ Островского в его творчестве стоит особняком, здесь поэзия театральности (Счастливцев и Несчастливцев) сталкивается с застойной жизнью, здесь сталкиваются два пласта, больше таких контрастов в драматургии Островского нет. И конкретность времени — 1924 год. С одной стороны, фамильярность обращения с классикой существовала, но время наскоков несколько отошло. „Островский доверил Мейерхольду агитку, как Маяковский говорил, что доверил бы агитку Пушкину“, — писал П. Марков. Марков обладает „отвратительной“ особенностью — все главное говорить первым. Марков сразу указал на двойственность спектакля, агитка и театрализация, лиризм. И многие вслед за Марковым это повторяли. Впоследствии Марков говорил о варварской красоте этого спектакля, „Лес“ прошел 1700 раз. „Ревизор“ — вершина в творчестве Мейерхольда и вершина реализма в мировом плане, для меня здесь все совершенно. А вот „Горе уму“ не столь совершенно, но мысль смелая, потрясающая, гениальная. Весь мир, противостоящий Чацкому, Мейерхольд изобразил как когорту оптимистов, хорошо организованное, самодовольное, даже беззлобное (нас не тронь, и мы не тронем) общество. Стремясь выявить эту тему, Мейерхольд становился несколько повествовательным, а порой надуманным („Биллиард“, „Тир“). Как сказал Марков,

это была тема крушения идеализма, столкнувшегося с этим обществом. Сцена в столовой — так ели, что, как замечательно написал Б. Алперс, это как бы кости Чацкого хрустят, это его пережевывают. Чему учиться у Мейерхольда? Говорят: смелости, дерзости, решительности, отваге. Я думаю, не в этом дело. Учиться надо тому, что Мейерхольд был человеком грандиозной культуры, грандиозных познаний во всех сферах — музыке, живописи, поэзии. На таком культурном слое оправдана любая дерзость и эксперимент».

Завадский:

«Я хочу высказать несколько мыслей, которые меня волнуют. Я не могу выступать научно, я могу только поделиться своими мыслями, тревогами и надеждами. Неправомерно и неправомочно противопоставлять Мейерхольда и Станиславского, это мы поняли уже давно, еще тогда. Мейерхольд был борцом, имел убеждения, средствами искусства он хотел воздействовать на жизнь, как и Станиславский, и Вахтангов. Мейерхольд жил под знаком того, что он коммунист, так как он это понимал. Я с ним встречался мало, только во время подготовки Первой режиссерской конференции[21]. Она здесь проходила. Мы его встретили тогда овациями. Уже было трудно, и он печально, грустно говорил, что надо говорить правду, что серое искусство, которое тогда затягивало горизонт, не является настоящим искусством. Лирика и сатира в единении закономерны для всего русского искусства. Еще Гоголь писал: „Огнем негодования лирического зажала их насмешка“. Мейерхольд заглядывал чересчур вперед, вот поэтому он нам близок. Мейерхольду нельзя подражать, надо лишь взять от него кусочек огня, чтобы продолжать его борьбу со всем косным. Мейерхольд включал в себе все возрасты и все эпохи. Судьба Мейерхольда, Пастернака не должна повториться. Надо начать открытые дискуссии, а не заниматься закулисными пересудами. Я вступил в партию не для того, чтобы говорить тем, кого я не уважаю, „чего изволите“. Когда сегодня происходит эта печальная история с Эфросом, так не может продолжаться. Если он печальный, это не повод, чтобы считать его антисоветским. Если ему печально жить, если еще не все хорошо — ведь это так. Еще у Шекспира в „Короле Лире“

одна Корделия, которая не клялась, верна отцу осталась. Я думаю о своих учениках обо всем советском искусстве. От Мейерхольда должно взять ощущение, что каждый ответствен за свои поступки, мы все ответственны».

(Бурные аплодисменты. Все встали.)

Б. Захава:

«Я позволю себе продолжить тему „Станиславский и Мейерхольд“, недаром Вахтангов искал возможность их объединить, один спектакль чтобы поставил Станиславский, другой — Мейерхольд». *(Читает рассказ об этой попытке.)*

В. Плучек:

«У Пастернака есть строка: „Не спи, не спи, художник“. Чем больше время заковало его время, тем больше он живет. Мейерхольд — океан, а мы, ученики, лишь горсточки уносили. Самый статичный спектакль — и самый динамичный; блеск живописи — и изгнание живописи со сцены; расчленил сцену по диагонали — и по вертикали; изысканность, тонкость — и грубость (ночной горшок), эксцентрика у актера — и психологическая точность у актера… Можно это множить и множить, всего и не перечислишь. Часто ученики, соприкоснувшись с ним в определенном периоде, потом творили лишь в этом аспекте. Мейерхольд — это постоянный праздник, у него никогда ничего не предусмотришь. (Приводит много примеров.) И вот мы — наследники этого наследия, а где же форма в наших спектаклях? Для него всю жизнь врагом была многоликая пошлость».

В перерыве Раевский волновался, что зря Плучек «оскорбил» ГИТИС, и не надо, мол, было Завадскому говорить об Эфросе. Голдобин кивал головой: «Да, да».

Марков перед началом «второго отделения» внес поправку в оценку ГИТИСа: вот, мол, Захаров, замечательно поставивший «Доходное место», Товстоногов, Покровский, Эфрос — это все ГИТИС.

Ростоцкий — говорит о влиянии наследия Мейерхольда на мировой театр и что имеет мировое значение в его наследии. Один театровед на Западе выпустил большую книгу о Мейерхольде, новую книгу. «Мы такую новую книгу не имеем

пока, но будем иметь. И в Италии, и в Германии, и во Франции изданы сборники статей Мейерхольда, но не такие полные, как будут у нас».

Горчаков:

> «В Америке издана „История советского театра“, где написано, что революция в русском театре началась не в 1917 году, а в 1898-м, когда открылся МХАТ, т. е. отрывают от Октябрьской революции нарочно. Самое ценное в Мейерхольде — это связь с революционными силами в обществе. Сам уход Мейерхольда из МХАТа — это желание вторгаться в жизнь, дело не во второстепенных причинах. Он боролся против натурализма, а это для него было связано с обывательским подходом к жизни. Кого мы вспомним прежде всего в мировом театре — это Брехт, театр Пискатора. (Ушли Рудницкий, Плучек, Любимов, вообще стали уходить.) О „Балаганчике“ — главное, отражал трагизм жизни, отсюда и формальные особенности приемов. О связи с далеким будущим, остранение, отчуждение. К нам приезжают театры из-за рубежа, а мы говорим: да, мы это знали когда-то, не буквально, конечно».

Ситковецкая, сотрудник ЦГАЛИ[22]:

> «Архив Мейерхольда сохранился благодаря гражданскому мужеству Эйзенштейна, который увез архив на дачу в 1940 году, где он хранился до 1948 года, до его смерти. Самый ранний документ — записная книжка 1896–1898 годов. Книжка 1901 года „Жизнь и смерть, только не сон“. Письмо к Немировичу — Данченко, где Мейерхольд критикует Станиславского. Еще никто не работает по истории театра Мейерхольда».

(Перечисляет документы.)

Штраух не пришел на конференцию, а должен был выступать. Он не хотел, чтобы «памятную доску» Мейерхольду открывал Царев, которого он считает предателем Мейерхольда.

Вечером из дома позвонила Зайцеву, он сказал, что Щербаков сегодня в горкоме отказался возглавить Театр на Бронной. Есть три варианта: главный режиссер, член коллегии и просто коллегия возглавляет театр. Звоню Тарасову — он ничего не знает.

Позвонил Львов — Анохин — Закшевер хочет послать

«Дружину» Рощина в Комитет госбезопасности на консультацию, и чтобы это сделал сам театр. Рощин ушел из Управления, не стал слушать Родионова, сказав, что всему есть предел, и человеческой глупости, и человеческому терпению, «больше слушать не хочу», хочет идти до «верха», пусть решают.

14 марта

Тарасов: «Дело зашло в тупик, я сейчас разговаривал с одной инстанцией, да, Щербаков отказался, но, если бы другой, такой как Алексидзе, например, но он тоже отказался». Пришла от Тарасова, рассказываю Будорагину, значит, дело не в фамилии, а в идее. Шумов устраивает истерику: «Забудьте про Эфроса, Эфрос, Эфрос, надо дело делать, вот в понедельник партсобрание, Вы должны материалы подготовить, а Вы забросили все». Тарасов еще сказал, что Родионов должен пойти к Фурцевой, и что Эфрос зря выступил на собрании с критикой в адрес Щербакова.

Понесла Тарасову на подпись «докладную» о злосчастном театре МГУ, так ему опять показалось что-то не так, недостаточно. «Вот надо, чтобы Владыкин видел, что там Захаров, Розовский, руководство, в общем-то, тоже». — «А что тоже?» — «Да вот с вывертом». — «Ну, они просто талантливы». — «Да, но у них что-то перевертывается…»

16 марта

Вечером слушала «Голос Америки». 14 марта начался новый процесс над профессорами и студентами Ленинградского университета по обвинению в связях с НТС[23], передаче рукописей. Посадили в сумасшедший дом сына Есенина, Есенина — Вольпина, талантливого математика. В его защиту выступили ученые, под протестом от 9 марта огромное число подписавшихся, среди них много лауреатов Ленинской и Государственной премий, докторов наук, кандидатов и т. д.

18 марта

Закрытое партийное собрание. «Роль коммунистов Управления театров в формировании репертуара московских театров». Из 21 члена партии присутствовало 16 человек.

Доклад Шумова — московские театры определяют репертуар

страны. Всего около 300 названий, из них 210 советских пьес, т. е. 70 процентов. Историко — революционная тема, военно — патриотическая тема. Мало спектаклей о рабочем классе и крестьянстве. Международная тема. Тема войны во Вьетнаме и т. д. Рассказывает конкретнее, Малый театр, МХАТ. Пьесы, которые ставятся в Малом театре и МХАТе, должны консультироваться в нашей Репертуарной коллегии, даже если созданы в Министерстве культуры РСФСР или самими театрами. Театр Вахтангова. Театры подчинения московского Управления теперь будут направлять пьесы на рассмотрение только через московское Управление. Театр Маяковского. Вызывает озабоченность театр на Бронной («Три сестры», «Колобашкин»). «Современник». На советской пьесе зрителей 53–54 %.

Малашенко:

> «Николай Владимирович нарисовал картину репертуара театров Москвы. А вот роль коммунистов, конкретно, где коммунист не отсиживался в душе человека, а где он проявился, — этого в докладе нет. Например, „Человек и глобус“ — прекрасная пьеса, начальник Управления Тарасов активно ее пропагандировал, и вот она репетируется в Малом театре. А вот „Тяжкое обвинение“, репертуарная коллегия считала, что она не должна идти во МХАТе — спектакль получился средний. „Круглый стол“ — очень полезная для молодежи пьеса».

Артемов: «Доклады Шумова всегда очень интересны, а вот этот несколько огорчил. Ничего не сказано о пьесах соцстран». *(Рассказывает, как он, бедный, один за всех мучается.)*

Медведева: «Что для нас является важным, существенным? Одна из основных проблем — национальная драматургия, это должно быть важным для каждого, от руководства до рядового работника».

Осипов:

> «Молчать нельзя. Репертуар московских театров определяет репертуар страны. Каковы итоги подготовки к юбилею Октября, активность драматургов и театров? Не можем пройти мимо того, что нет удач, подобных погодинской Лениниане. Многие пьесы на историко — революционную тему не стали художественным явлением, а просто иллюстрацией истории. В создании пьес, посвященных нашим современникам, в обращении

к вопросам сложным, крупным — огромные трудности. Пьеса Рамзина „Обратный счет“ в этой редакции непроходима. Все сейчас пишут комедии — Штейн, Стельмах. Вы верно сигнализируете о репертуаре московских театров — да, там развлекательная драматургия. Вот Театр Моссовета: в основном — западные пьесы. Основные задачи — это 50-летие ВЛКСМ, фестиваль национальной драматургии, столетие Ленина. В драматургии есть и тенденция утверждения от обратного. Например, Крестовников („Счастливые дни несчастливого человека“) — эгоист и терпит крах. Эта тенденция очень опасна. Картина безвыходности».

Трубин: «Главный вопрос — это вопрос организации работы нашего аппарата. Взаимоотношения редактуры и инспекторов. Когда пьесу выпустили, как эстафетную палочку передавай, а то даже технически нет экземпляра».

Владыкин:

«Здесь было сказано, что если бывают острые докладные записки на имя руководства, то они возвращаются без реакции. Давайте разберемся. Теперь о репертуаре московских театров. 27 февраля у меня было совещание. Давайте встретимся с Репертуарной коллегией России и Союзной вместе, соберем главных режиссеров и побеседуем с ними. Фурцева провела острый разговор с Гончаровым о пьесе „После грехопадения“, он же хотел ставить „Закат“ Бабеля. Вот с Малым театром очень плохо, вся надежда на „Человек и глобус“. Сложные события на Бронной: театр сбился с пути, пьеса „Колобашкин“ неудачная, вымученная, не надо было поддерживать. (Реплика Осипова: „А мы и не поддерживали, нас поставили перед фактом, когда подготовили спектакль“.) Вампилов — „Предместье“ в новой редакции, разновидность Остапа Бендера, почему мы должны в него влюбиться? Вампилов — человек способный, но надо предъявить требовательность в идейном эквиваленте. Вот пьеса Рамзина очень трудна. В пьесе „Через сто лет в березовой роще“ читается гоголевская тройка, и на этом тексте объявление: „Карета государственного преступника такого-то“».

Это косноязычие — не моя плохая запись, а подлинная речь Григория Ивановича, его никогда нельзя понять.

21 марта

Утром — спектакль в Театре Станиславского «Робин Гуд». Со мной ходила только Кандеева. Сразу после просмотра обсудили и разрешили играть. Спектакль далеко не совершенен, но довольно милый, очень игровой, много веселого, есть хорошие актерские работы — Рыжкова, Владимирская, Скраубе, Романов.

22 марта

В 9 утра позвонил Зайцев, рассказал, что вчера Родионов предлагал Варпаховскому пост главного режиссера в Театре на Бронной, тот отказался. Эфрос ездил упрашивать Варпаховского — безрезультатно. Родионов сказал, что завтра, то есть в пятницу, все равно кого-то назначат.

26 марта

Кудрявцев, придя от Фурцевой, рассказывал, как она мордовала Владыкина по результатам Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу к 50-летию Октября. Что выдвинутая на премию пьеса Алешина «Дипломат» — это не та пьеса, так как там английский дипломат все время советуется со своим правительством, а наш Литвинов все сам решает. А замминистра Попов, ловя на лету ее желания, поддакивал, подвякивал. Фурцева спросила, согласованы ли результаты с Москвой. Владыкин сказал: «Да, с Родионовым». Она раздраженно: «Нет, не то, надо с Гришиным». Всех обвиняла в политической близорукости, в непонимании.

Пришел Смирнов и рассказал, как крошили сценическое оборудование в Кремлевском театре, который ликвидировали, софиты, каждый из которых стоит в новых деньгах 12–15 тысяч, порезали — и в металлолом, а театры нуждаются во всем этом.

27 марта

Отравился В. Блинов, оставил записку, что в смерти никого не винить, а что жизнь такая, пьесы не идут[24].

Статья в «Советской культуре» опять об Эфросе за подписью Саблина — Труханов. Кто-то сказал, что эта статья появилась не потому, что нужно, а потому, что можно.

6 апреля

Генерал Григоренко посажен в сумасшедший дом. В связи с этим протест подписали: Шостакович, Капица, Чуковский, Каверин, Ахмадулина, Нагибин — всего 62 подписи. Шолохов — противоположное.

Буковскому дали 3 года лагерей строгого режима. Литвинов передал материалы о суде над Буковским на Запад. Протесты 200 ученых, деятелей литературы и искусства. Телеграммы поддержки — Менухин, Скофилд, Стравинский… 28 марта состоялся митинг Пен — клуба о преследовании писателей в Греции и СССР. Митинг открылся приветственным посланием А. Миллера. Грасс заявил: «Надо активнее действовать». Грэм Грин попросил передать свои гонорары женам писателей Синявского и Даниэля, ему было отказано, тогда он попросил перевести гонорары Чаковского. («В ушах Чаковского не звонят никакие колокола».)

11 апреля

Сделан подлейший и тончайший ход: Дунаев прислан на Бронную главным режиссером по штатному расписанию без дополнительной единицы[25]. Как хотите: хотите — увольняйте Эфроса, хотите — Фоменко или Судакову.

19 апреля

Из результатов Всесоюзного конкурса вообще выбросили «Трилогию» «Современника» и «10 дней» на Таганке. Все решает Шапошникова. Она была довольна всем остальным, что представили, но замахнулась на «Шестое июля».

22 апреля

В день рождения Ленина у нас состоялась встреча с драматургом Шатровым. Он говорил о девальвации образа Ленина. Что часто в произведениях существуют ножницы между идейным и интересным, талантливым. Таких ножниц не должно быть. Вот «Залп Авроры» — ремесленнически, холодными глазами сделан фильм, не просмотрело и пяти-то миллионов зрителей. Если зрительный зал не будет сопереживать с героем, то ничего

не будет. Переживать нужно и с Лениным, а не только прислушиваться к его философским рассуждениям. Необходима историческая точность, историческая правда. «Ленин в Польше» — очень хороший фильм, но мимо чего прошли художники. В IV Государственной думе было 6 делегатов от большевиков, а в фильме 5. Шестой был Малиновский — провокатор, впоследствии был разоблачен. (Рассказывает историю Малиновского.) Вывод — как сочетать легальную работу с нелегальной. В фильме обошли эти вопросы. «Что я ищу в ленинской теме? Все вопросы, связанные с Лениным, — это современная жизнь, не в том, что живы его советы, а вот метод, подход к решению задач, понять до самой глубины суть современных событий. Показывать Ленина можно лишь в той сфере, в которой он работал, в политике. Но этого мало, надо, чтобы он был нашим современником и в политике, он здесь и человек. Задумал трилогию: „25 октября“, „30 августа“ — это третья часть, а вторая — после разгрома левоэсеровского мятежа».

23 апреля

Сегодня в 11 утра начался актив работников московских театров. Первой не выдержала электрическая лампа — она лопнула, и звук ее послужил началом. Тема — «Итоги творческие и финансовые за 1967 год и задачи на 1968 год». Доклад зам. начальника московского Управления культуры Сапетова.

Сапетов:

«Итоги юбилейного года. В творчестве все бывает — и взлеты, и падения, которые радуют лишь наших идейных врагов. Выпущен 61 спектакль. Мы были бы непринципиальны, если бы не сказали сейчас о недостатках. Горком, исполком нас призывают к этому. Энгельс мечтал о произведениях, полных жизни, но с глубоким пониманием истории. Одна из главных неудовлетворенностей — драматургия, которая должна отразить суть нашего общества, а часто главное в пьесе — это найти в нашем обществе побольше грязи, то, что уже осуждено нашей партией, это так называемые „правдоискатели“. В этих пьесах — ограниченность и бескрылье героев, настойчивое пережевывание недостатков. Любят многие вспоминать Мейерхольда, и я вспомню, когда он на одном совещании говорил: я хочу большого автора, чтобы не колебания и сомнения

внушались бы, а светлые идеалы. Не имея от современных драматургов подобных пьес, театры сами взялись за советскую классику: „Шторм“, „Метель“, „Интервенция“, „Баня“, „Заговор императрицы“ — не очень-то совершенная пьеса, но ее доработали, и получился спектакль. Новые пьесы. „Современник“ — название „Большевики“ слишком обязывает, вернее было бы „30 августа“, Ермоловский театр после „Бега“ выпустил „Лейтенант Шмидт“, Театр Станиславского провел большую работу над идейно и художественно слабым произведением Коржавина „Однажды в двадцатом“, Театр Ленинского комсомола возвращается на правильный путь — „Дым отечества“, „Суджанские мадонны“. Мы рады приходу в театр Михалкова с пьесой „Круглый стол с острыми углами“.

Главному режиссеру Монахову, директору Мирингофу и партбюро приходится много работать, и мы в них уверены. „Послушайте!“ и „Пугачев“ на Таганке. В „Послушайте!“ театр не сумел по-настоящему отразить Маяковского — большевика, и не до конца верно выявлена тема художника и общества. Драматический театр на Бронной в „Братской ГЭС“ не сумел преодолеть недостатки самой пьесы и не создал светлый, оптимистический спектакль. Театр нас огорчил, наметились те же ошибки, что год назад были в театре Ленинского комсомола. Мы считаем, что правильно раскритиковала наша пресса директора Зайцева, парторга Песелева и нас, Управление культуры. Мы предупреждали театр, но все осталось втуне. Спектакль театра „Обольститель Колобашкин“ — низкопробный спектакль, ему не место на сцене, правильно оценила его газета „Советская Россия“.

Классика на сцене московских театров. Не исказить классическое произведение, не снизить его до себя. Но вот три спектакля: „Три сестры“ в постановке Эфроса, „Смерть Тарелкина“ в постановке Фоменко, „Доходное место“ в постановке Захарова. Эфросу чужд Чехов, в его спектакле копирование чужих приемов. Еще большие искажения в „Смерти Тарелкина“ — перенос XIX века в наше время. „Доходное место“ — режиссер не избежал моды обратить реплики героев в зрительный зал, правда, театр и главный режиссер Плучек много сделали для улучшения спектакля. На московские театры смотрят другие, и мы можем навредить, если будем не очень

требовательны.

Возвращаясь к современной драматургии. Не всегда главные проблемы века попадают в поле зрения драматургов. Взять „Живой“ Можаева, „Дуэль“ Байджиева, „Старый Новый год“ Рощина — надо приложить много сил, чтобы сделать из них приемлемые произведения, а вот со „Счастливой деревней“ Вахтина ничего сделать нельзя. В нашем обществе противоречий не существует, а в мире существует нищета, шовинизм, колониализм. Сейчас, когда обострилась классовая международная борьба, мы обнаружили у себя старые перепевы, их цель — опорочить наш строй, разложить молодежь, оторвать интеллигенцию. Эти попытки делаются уголовниками Гинзбургами и прочей мразью. Иногда говорят, что не дают ставить, что душа хочет. Хаосу не можем позволить развиваться. Театр — это не частное заведение, пусть и архиталантливого художника. Это государственное учреждение, и надо выполнять все его требования».

Зайцев (Театр на Бронной):

«За последнее время наш театр подвергся очень серьезной критике как со стороны руководящих товарищей, так и прессы. В феврале мы приступили к доработке спектакля „Три сестры“, в конце месяца мы показали проделанную работу руководству Управления театров Министерства культуры СССР и РСФСР, московского Управления культуры, нам сказали, что мы выравниваем в верном направлении. 19 апреля мы снова показали, и опять подтверждено, что мы многое сделали. Это прекрасная пьеса, спектакль нам дорог, и мы постараемся довести его. Спектакль „Колобашкин“ выпущен был поспешно, мы попытаемся его доработать, а если нужного результата не достигнем, то мы признаем, что ошиблись, и дальше будем более строги в отборе репертуара. Спектакль „Братская ГЭС“ нам очень дорог, нам хотелось, чтобы он был по-настоящему партийным. Новую пьесу Арбузова „Счастливые дни несчастливого человека“ Эфрос репетирует под пристальным вниманием главного режиссера Дунаева, который каждый день присутствует на репетиции. Главный режиссер заинтересовался композицией об Испании. Предполагаем поставить „Капитальный ремонт“.

Мы постараемся сделать все, чтобы наш театр работал в свете решений партии».

Баркан («Роман»):

«Самоотчеты вряд ли нужны, хотя, может, это надо было делать Михаилу Петровичу Зайцеву о своем театре. В докладе все подробно было изложено, но я хочу сказать пару слов. Только наша работа подтвердит меру нашей ответственности. Недодумки, просчеты часто происходят от драматургического материала, которым мы связаны. Нам нужна встреча с драматургами, чтобы найти контакты. О структуре театрального дела. Несовершенство построения театрального дела впрямую влияет на решение идейно-художественных задач».

Некрасов (Театр Моссовета):

«Поиски современной пьесы. Контакта не можем найти с драматургами. При оценках спектаклей много уделялось внимания тем спектаклям, которые не отвечают задачам времени. Почему ВТО не организовать обсуждение этих спектаклей — что, разве у нас нет настоящих критиков?»

Верченко (горком партии):

«„Нью — Йорк Таймс“ подсчитала, что существовало около 3-х тысяч теорий социального развития. И лишь одна теория за этот период не только не утратила своей актуальности, а все более развивается — это теория марксизма-ленинизма. Это больше всего и беспокоит империалистов, куда и с кем пойдут народные массы, интеллигенция и т. д. Поэтому их пропаганда направлена на Советский Союз, а конкретнее, на советскую интеллигенцию, на молодежь. В ФРГ был съезд советологов, где говорилось, что бесполезно беседовать с Иваном Ивановичем, а вот с Ваней, который растет, вот его надо направить. (Цитирует Брежнева, что в области идеологии не может быть мирного сосуществования.) В этой борьбе театрам, московским театрам принадлежит важная роль. Можно бы многое хвалить, но главное, все ли мы сделали, чтобы отвечать высокому призванию. С этих позиций мы о многом не можем промолчать. Много достижений на Таганке, но тем обиднее те просчеты, которые у Вас есть, Юрий Петрович, что нет достаточно цельной, точной перспективы. Вот выступление товарища Зайцева, да,

если не получится, спектакль надо снимать, не может быть идейной двусмысленности, идейной неточности на сценах театров Москвы. Не снижать, а повысить требовательность за идейный уровень работы. Главный недостаток репертуара московских театров — отсутствие пьес высокой идейной значимости, узость тем, не всегда настоящий отбор. Враги наши хватаются за все, Гинзбург, Галансков — преступники, доказана их причастность к зарубежной пропаганде. Нам приятно, что творческие коллективы Москвы осудили их единогласно. Малый театр, МХАТ, Драматический театр, Театр на Таганке просили о выселении из Москвы Литвинова, Якира — этот бродильный фермент, нам это приятно. Несколько дней назад состоялось решение исполкома о праздновании 100-летнего юбилея Ленина, а во многих театрах эта тема присутствует еще лишь номинально».

Родионов (московское Управление культуры. Заключительное слово):

«Служебное совещание имело целью…» *(Скандал, Губенко хочет зачитать решение комсомольского собрания.)*

Любимов *(прорывается на трибуну)*:

«Вы нарушаете устав нашей партии, неудобно коммунисту затыкать рот. Создавать подлинные произведения искусства, а не агитки-однодневки, которые никому ничего не доказывают. Сегодня три года, как мы существуем. (Говорит о Брехте, о поэтическом спектакле, читает выдержки из прессы.) Тенденциозность — да, мы тенденциозны. „Потрудитесь построить социализм не только на энтузиазме, но и на личной заинтересованности и твердом хозяйственном расчете“, — Ленин. Вот девиз нашего спектакля „Живой“. Обстановки нет для работы. Факты известны, когда клеймят спектакль, не видя его, и из этого делают административные выводы».

Шапошникова (горком партии):

«Была группа участников совещания, настроенная определенным образом. Товарищ Любимов передернул. Критика в адрес театра была на партийной конференции, на восемнадцатой, на девятнадцатой. Критика шла от вышестоящих органов, от всей конференции, т. е. от всех

коммунистов. Товарищ Любимов — оратор известный, он ссылался и на Гоголя, и на Горького, и мне очень обидно, почему я не могу промолчать, и на Ленина. А вот у товарища Любимова нет ответственности коммуниста, о которой говорил Ленин. Речь Владимира Ильича была широко напечатана, и партия никогда не закрывала глаза на недостатки. Вот „Живой“, вся пьеса обращена в прошлое, это недостатки 15-летней давности, ну давайте выступать по сегодняшним недостаткам, и Вы найдете у нас настоящую поддержку».

24 апреля

Утро. Шумов дает мне сегодняшнюю «Московскую правду», в которой напечатано сообщение: «Собрание театрального актива», где перечисляются выступавшие, и перед Верченко назван Любимов. И все так прекрасно, никакого скандала. Сам Шумов послан в театр на Бронную к Эфросу на репетицию арбузовской пьесы.

25 апреля

Партсобрание, открытое. Доклад Тарасова «Об улучшении работы Управления».

Тарасов:

«В связи с резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом международная реакция направляет свои силы на войны и на буржуазную пропаганду против Советского Союза. Долг коммунистов — повышать бдительность, давать отпор любым попыткам протаскивания буржуазной идеологии. В свете этих критических замечаний мы и должны рассмотреть работу драматических театров и свою работу. Если в целом по стране, то в связи с подготовкой к 50-летию Октября много достижений. Но новых пьес на современную тему было написано мало — „Твой дядя Миша“, „Чрезвычайный посол“. Но большинство — не на главную тему. Закрытый конкурс дал недостаточные результаты. Хороших пьес не так много, да и то в республиках идут, Стельмах, Хухашвили. Вот „Человек и глобус“ — до сих пор нет

сценического варианта. В Челябинске спектакль запретил обком, театр вытравил из пьесы положительное, а трудности создания атомной бомбы оставил, и вот спектакль запретили. Не довели мы с Малашенко „Человек и глобус“ до конца. Надо не бросать пьесу посередине. Вот и „Запах земли“ еще не до конца доработала коллегия. Надо перестроить практику работы коллегии, всегда классические пьесы создавались вместе с театром. Пьеса Салынского „Мужские беседы“ — очевидно, в пьесе допущен какой-то просчет, сейчас в ней нежизненный конфликт, тогда он был нехарактерным для работы партийных организаций. „Колобашкина“ в Лит направили, виноваты — и я, и Голдобин, и Осипов, и Симуков, беспринципность проявили. И „Аплодисменты“, и „Традиционный сбор“ нами до конца не были выверены. Это относится и к „Трилогии“ в „Современнике“, особенно к „Большевикам“. А если взять пьесы: „Утиная охота“ Вампилова — мрак и клевета, „Девочка, где ты живешь?“ Рощина — тоже серьезные ошибки, „Не хуже других“ Родионовой — те же ошибки, мрачно, — возникает вопрос о воспитании молодежи в Литературном институте: авторы этих пьес — все его воспитанники. Мрачный, пессимистичный взгляд на жизнь у некоторых драматургов нас настораживает: значит, плохая воспитательная работа. Узкая проблематика и в последних пьесах Арбузова, Радзинского, Алешина. Писатели бывают за рубежом, а нет ни одного произведения об этих странах, об их противоречиях, классовой борьбе. Это все результат издержек в идейно-воспитательной работе. Коллегии надо работать с теми, кто что-то может создать, а не редактировать плохие пьесы. Надо укрепить коллегию кадрами, способными решать эти вопросы. Теперь об Отделе по контролю. „Мистерия — буфф“ в Ленинграде, „Призыв моря“ в Латвии и ряд других спектаклей — конечно, за них отвечают прежде всего соответствующие управления культуры, но и на нас лежит своя доля ответственности. Малый театр и МХАТ мы контролируем слабо, критерий требовательности снижен. „Джон Рид“ в Малом театре — в этой пьесе я сам виноват, она по своим художественным качествам не имела права на эту сцену. Шумов плохо справляется с контролем за этими театрами, надо выделить для этих театров одного из

инспекторов. В московских театрах появился ряд спектаклей, в которых жизнь советского общества показана в сгущенных красках, — „Братская ГЭС“, „Послушайте!“. Эфрос, Захаров, Фоменко так интерпретируют классику, как будто дело происходит сегодня. У Захарова реплики обращены прямо в зал. Очевидно, в этом сезоне этот спектакль и кончит свою жизнь, мы в московском Управлении договорились. Это же относится и к „Трем сестрам“. Но если говорить об Эфросе, то вот режиссер, который уходит из-под нашего влияния и поддается зарубежному. За это ответственность несут все, и прежде всего Зотова, как инспектор по московским театрам. В журнале „Театр“ Емельянов поддержал „Тарелкина“, Смелков заушательски обращался с мхатовской молодежью, ряд статей, восхваляющих Эфроса, Любимова, из которых сделали выдающиеся явления в режиссуре, надо укрепить его кадры. Наконец, о Любимове — он занял нетерпимую позицию. В пятницу на репетицию „Живой“ пригласил французских журналистов и устроил просмотр. Политический проходимец. Устроил этот инцидент на совещании, хотя неверно, что ему не дали слова. В Кировском райкоме готовится вопрос о нем на бюро. Укрепить наблюдение за московскими театрами, создать группу из двух-трех человек. Есть проблемы и в отделе, руководимом товарищем Кудрявцевым».

Далее Тарасов говорил о планах предстоящей работы Управления.

Малашенко — рассказывает о докладе Л. И. Брежнева «О международном рабочем движении» и о выступлениях по докладу, где говорилось о мерах, какие будут применяться к тем, кто потерял бдительность. Потом переходит к работе Репертуарной коллегии. По его мнению, пьесы есть, и, возможно, главное звено сейчас — режиссура, ведь у Товстоногова есть репертуар, у Ефремова есть репертуар — значит, вопрос в режиссерских кадрах, считает он.

Медведева — говорит, как всегда, о важности национальной драматургии.

Жуков (инспектор по Прибалтике): «Репертуарная коллегия не знает жизни театров республик, а я ответствен за то, за что не могу отвечать, к чему ты и не допущен по-настоящему».

Трубин — говорит, что необходимо рассмотреть вопрос о деятельности ВТО.

Владыкин:

«Скоро предстоит важное министерское партийное собрание. Невысокая требовательность. Плохая организация труда. Группа драматургов выступила с произведениями, не отвечающими высокой гражданственности. Проблемы с журналом „Театр“. Если два театра — МХАТ и Малый театр — нашей подчиненности в сложном положении, то это непорядок. Рамзин, „Обратный счет“ — здесь я выхода не вижу. „Через сто лет в березовой роще“ — тоже очень сложно».

Тарасов: «Разговор был очень полезный, критика пойдет на пользу, но за недостатком времени мало было самокритики».

6 мая

Министерское партсобрание. Доклад Фурцевой.

Рассказывает о Пленуме ЦК, на котором Брежнев сказал, что за последнее время систематически рассматриваются важные вопросы. Об итогах консультативного совещания по созыву коммунистических партий. Мы выдвинули это предложение в октябре 1966 года. По многу раз проводили встречи с разными партиями, по два-три раза, по пять раз. Всего за 1967 год более 100 встреч. Китай будет мешать, антиленинский, шовинистический курс партии Мао — дзе — Дуна. Встреча с компартией Японии положила начало нормализации отношений. Японская компартия ведет теперь борьбу с китайской компартией. Задача — привлечь максимальное число партий. 70 твердо высказались — «за». 18 партий, и в том числе КПСС, выступят инициаторами, о чем договорились во время их присутствия на праздновании 50-летия Октября. 67 партий в Будапеште встретились. В Индонезии компартия потерпела поражение, несколько сот тысяч ее членов было уничтожено. Куба отказалась участвовать — это ее общая линия. Бирма, Малайя, Таиланд — руководители находятся в Пекине, и им передать приглашение не удалось. В 1960 году 81 партия совещалась. Румыния против выступила. Итальянцы — за то, чтобы на совещание пригласить левые демократические партии. Дальше говорит о некоторых актуальных вопросах международного положения.

Попов (замминистра) — Зарубежный обмен. Управление изобразительного искусства — закупки. Кому помогать — тому, кто нам помогает. Вопросы организации труда.

Леонтовская (Управление музыкальных учреждений): «Утрата национальных корней. Зараженность западными образцами. Не вступаем с ними („зараженными“) в договорные отношения, но все же должны с творческой молодежью какие-то отношения иметь. Недостатки концертной деятельности — недостаточная пропаганда серьезных образцов. Отмена серьезного гастролера, когда не продан ни один билет, слушатель не подготовлен. Например, в Куйбышеве на Зару Долуханову не проданы билеты, отменен концерт. (Реплика Фурцевой: „А что Вы сделали, какие меры, кому доложили?“) Я отчиталась на коллективе». *(С места реплика* ***Роксанова****: «Высоцкого концерт, он халтурит, безобразие».)*

Тарасов:

> «Мы провели совещание в Управлении — решено снять „Доходное место“, это же относится к спектаклю „Три сестры“, здесь режиссер много изменил, но концепцию, наверное, трудно изменить, если не невозможно. Неверно ведет себя Любимов, французских журналистов пригласил на просмотр, обструкцию устроил на совещании. Полезнее совсем не выпускать, чем месяцами добиваться от режиссера уступок. „Смерть Тарелкина“ снять с репертуара. „Обольститель Колобашкин“ — решили с Управлением культуры. Зарубежные спектакли по стране просмотрены, снимем часть. Решили восстановить спектакли „Ленинградский проспект“, „Любовь Яровая“. Нет твердости в руководстве московского Управления культуры. Мы перестраиваем работу своего Управления. Лучшие спектакли — „Правду! Ничего, кроме правды“, „Круглый стол с острыми углами“, „Эмигранты“. Софронов кончает пьесу о Вьетнаме, идут в театрах страны пьесы Куприянова».

Кухарский (замминистра):

«Где у нас неблагополучно. Утвердились негативные явления, необходимо обострить наше отношение к ним. Денисов, Волконский, Сильверстов — эта авангардная группа композиторов не звучит в Москве, а в Ленинграде они постоянные гости. „Плачи“ Денисова — я позвонил в Ленинград первому секретарю Попову, и он обещал, что этот концерт не состоится. *(Реплика* ***Фурцевой****: „Надо пригласить на коллегию директора филармонии и снять с работы решением коллегии“.) (***Голоса****: „Правильно“. Аплодисменты.)* Театр „Скоморох“, Миронова и Менакер, которых сняли с опозданием. Радио, телевидение —

очень плохо. Барды. Высоцкий, шапка по кругу, двусмысленные вещи, а иногда „одномысленные“, с антисоветским душком „искусство“. Надо то, что можно было бы противопоставить этой низкопробщине, заполнить этот вакуум. Ослаблен контроль за репертуаром. Очень хорошее „Положение о контроле за репертуаром“, надо его выполнять неукоснительно. Поддержать идею о возвращении к Главреперткому. Предупреждать ошибки, а не перечислять их, как мы делаем, в этом наша задача. Заседания Художественного совета давно не было. Несколько слов о критике. Как можно скорее проанализировать работу органов печати. Хорошо обсудили на Пленуме Союза композиторов журнал „Советская музыка“. Институт истории искусств — троих исключили из партии, тяжелое положение. Райком партии исключил Шрагина, Пажитнова, Белову за клеветнические измышления. Райком ставит вопрос о роспуске партбюро, там оказался исключенный Шрагин. Доктор наук Житомирский в Ленинграде выступил с заявлением, что с 20-х годов уже начался зажим. Роспуск ученого совета Института истории искусств, с этим советом нужного конкурса не проведешь, до 11 мая представим Министру свои предложения. Предстоит провести подготовку к 100-летию Ленина».

Фурцева (заключение):

> «Хочу дополнить несколькими словами. Подумать о системе подготовки в наших учебных заведениях деятелей искусств. Комплектование нужными людьми должно быть. В Суриковском институте почти все — дети художников. Происходит преемственность поколений. Часто папаша настойчивый, мамаша пробивная, по блату много. Надо находить одаренных людей из всех слоев нашего общества. Требовательность, бескомпромиссность, и не оставлять без последствий, что в Ленинграде творится в филармонии».

7 мая

Сегодня у нас отмечали 25 лет пребывания в партии Тарасова и Артемова. Тарасов про свой «путь» рассказывал, как он горд, что все с партией, что он солдат партии (он так часто себя называет — солдат партии). А Артемов — про себя. Был чай, торт. Потом Артемов достал денег и принес водку. Тосты. Емельянов: «За безусловные ценности!» Я сказала Тарасову, что вчера на собрании мог бы и удержаться от восхваления «Круглого стола», и

что вообще надо иметь мужество (за которое кто-то пил), чтобы через полгода не раскаиваться. Он отвечал, что не раскается, а позже, довольно-таки упившись, по поводу своего вчерашнего выступления сказал: «А что мне было делать?» А мы втроем — Назаров, Жуков и я — разговаривали. Жуков говорил, что человека — художника можно уважать, когда у него есть положительный идеал, пусть утопический. Вот Толстой со своим нравственным самоусовершенствованием. Сейчас эта проблема возникает на Западе. Сартр ищет, усовершенствованием социализма занимается. Говорили о Шекспире, Гете, Ибсене. Потом подсел к нам Емельянов, потом мы с Емельяновым пошли в кино на «Три тополя на Плющихе».

12 мая

В 12 часов вызвал меня Тарасов, там сидели на диване Кудрявцев и Голдобин, а в кресле — Малашенко. Тарасов сказал, что я московскими театрами больше заниматься не буду, а мне остаются иностранцы, выставки, Худсовет — в общем, отпуск с содержанием.

Потом было совещание по очищению репертуара в республиках, что снимать. Вечером была у Бориса Владимировича.

13 мая

Утром, сидя у нас, Кудрявцев говорил, что на даче так здорово: лес, воздух, птицы поют, жизнь все-таки прекрасна, а придешь на работу — и опять жить не хочется.

14 мая

В 11 часов Фурцева смотрит с комиссией «Три сестры». В комиссии: Кедров, Р. Симонов, Е. Симонов, Абалкин, Зубков, Игнатова, Грибов и т. д. От нас — Тарасов, Голдобин, Шумов, Назаров. Вернувшись, Шумов рассказал про обсуждение — особенно «старались» мхатовцы. Запишу лишь смешное выступление Жарова:

> «Эфрос — рецидивист, давно говорят, что у него идейно не то, и вот это мне мешает смотреть, вижу что-то хорошее, а все мысль, что это Эфрос, а не другой!»

16 мая

Политическим слепцом назвали Бортко в обкоме в Одессе за то, что он предложил пьесу «Большевики».

31 мая

Грустная запись. Вчера, 30 мая, в последний раз играли «Три сестры». В новом сезоне они не пойдут, решено на всех уровнях руководства твердо. Господи, как жаль, что больше никто их не увидит. Я была на спектакле четвертый раз и увидела кое-какие изменения — так, в первом акте сокращена игра с самоваром, не так нарочито вглядывается в лица Вершинин; во втором сокращено «обольщение» Андрея Наташей, изменены некоторые мизансцены в третьем акте, но все это пустяки, жаль лишь, что совсем снят танец Чебутыкина, впрочем, это я плачу по шапке, когда отрубили голову. Мне хотелось как-то зафиксировать спектакль, но он опять меня так захватил, что я ему полностью отдалась, и все. Не знаю, знали ли актеры, что они играют последний спектакль, ведь официально никто ничего не сказал. И каково Эфросу — это как похороны любимого ребенка. Но многие уже слышали, что это последний спектакль, и пришли проститься, кому могла и я говорила, чтобы не пропустили последнюю возможность. Рядом со мной сидела Ю. Борисова со Спектором, которому после третьего акта стало плохо с сердцем, и они ушли. (Спектор в мае болел.)

26 июня

Прошел почти месяц после той грустной записи, а я все не могу заставить себя записывать, что происходит вокруг, противно. Недели три назад состоялось заседание бюро Кировского райкома партии, на котором обсуждался Театр на Таганке, и было принято решение «Об укреплении руководства театра», то есть о замене Любимова. И вот московское Управление подбирает замену — вроде решили Эрина, Толмазов отказался.

А у нас Осипов уходит на пенсию, подбирают кандидатуру на главного редактора, ходят разговоры о Суровцеве.

Только что прочитала в «Литгазете» редакционную статью «Идейная борьба, ответственность писателя» о Солженицыне. Упоминаются пьеса «Пир победителей», роман «Раковый корпус».

28 июня

Из разговора с Синянской узнала, что в ответ на письмо Любимова «Наверх» последовал звонок, который изменил решение бюро райкома и вместо формулировки «укрепить руководство театра» последовало просто «указать» Любимову, а ему вроде позвонили и сказали, чтобы работал по-прежнему. Для наших это кое-что, особенно накануне обсуждения журнала «Театр» первого июля.

1 июля

Сегодня состоялась коллегия Министерства, на которой «разбирали» журнал «Театр». Даже Шумов был удручен тем, как это происходило, как распоясалась «черная сотня».

Выступали: Рыбаков (докладчик), Владыкин (доклад от Министерства), Г. Марков (секретарь Союза писателей), Кузнецов (Министр культуры РСФСР), Михалков, Софронов, Пименов, Салынский, Товстоногов, Абалкин, Фурцева.

Михалков говорил, что авторы у журнала случайные, что пьесы он печатал случайные (его не печатали — вот весь принцип). Софронов, по выражению Шумова, вел себя как бандит, садист: топит, потом вытащит, даст глотнуть воздуха и опять топит. Огорчительнее всего, что Салынский повернул на 180 градусов (до неприличия), назвал статью Крымовой о «Пугачеве» хамской. Вообще, «именинниками» были Крымова и Аникст. Аникст за — «Современник», за то, что написал, что это театр,

который сказал слово правды, что с его появлением МХАТ перестал быть единственным властителем дум. Лейтмотивом всего «обсуждения» было, что это все ложь, что и при «культе», (хотя это слово, естественно, не произносилось) были достижения, что как раз на этот период приходится расцвет Охлопкова, творчество Таирова и Мейерхольда. Особенно казуистически выступал Абалкин, надергавший «компрометирующих» цитат и приводивший «достижения» тех лет, конечно, не «Зеленую улицу», а «поприличнее». Да, Салынский обвинил журнал в групповщине, что примером тому юбилейный номер (к 50-летию Октября), где даже не упомянуты имена ведущих драматургов — Софронова, Мдивани, Штока и т. д.

Жуткое впечатление у Шумова оставило выступление Кузнецова, который, видимо, и журнала-то не читал, а только наклеивал всякие ярлыки, обвиняя в непартийности. Странно — порядочно выступал Пименов, сам удивляясь своей порядочности, по выражению Шумова. Он, видимо, готовился к другому повороту событий. Самым приличным был Товстоногов, который «удивил» Фурцеву, она все пожимала плечами. Он говорил: «Да, в журнале печатаются и слабые пьесы, но они и впредь будут печататься, никто от этого не застрахован». *(Реплика* **Фурцевой:** *«Ну а где партийная совесть?»)* **Товстоногов:** «Партийную совесть не взвесишь на весах, она — понятие, которое меняется от обстоятельств». Но вообще обстановка была такая, что и он скис.

По мнению Шумова, сам доклад у Рыбакова был слабенький, без фамилий (по-моему, это и хорошо), о недостатках говорил слишком «интеллигентно».

Фурцева сказала, что надо назначить опытного, зрелого главного редактора, а Рыбакова оставить замом, что он, мол, молодой, он еще возглавит и не такой журнал. И еще у нее был удар ниже пояса: она сказала, что неумеренное захваливание загубило такого художника, как Эфрос, которого надо было направлять на правильный путь.

Потом рассказывали понемногу все, кто был на обсуждении. Емельянов сказал, что было скучно. Разговоры о кандидатурах на главного редактора журнала «Театр» — Громов, Тарасов, который уже сказал, что он не пойдет; вроде Салынский, кажется, Зубков.

Вторым вопросом на коллегии было утверждение результатов закрытого конкурса по драматургии. Первую премию не присуждать. Вторая — «Человек и глобус» Лаврентьева и «Твой дядя Миша» Мдивани. Третья — «Зачарованный ветряк» Стельмаха, «Чрезвычайный посол» П. и А. Тур, «Жизнь человека» Хухашвили, «Запах земли» Чепурина. Всего участвовало 29 пьес:

«Дипломат» Алешина, «Ночная исповедь» Арбузова, «Кошка с длинным хвостом» Вирты, «Сеанс гипноза» Дмитерко, «Синие росы» Зарудного, «Декабристы» Л. Зорина, «Планета Надежды» Коломийца, «Через 100 лет в березовой роще» Коростылева, «Комедия с двумя инфарктами» Минко, «Трусохвостик» Михалкова, «Дети дьявола» Мухтарова, «Гаврош из Замоскворечья» Рабкина, «Вьюга» Раздольского, «Традиционный сбор» Розова, «Мужские беседы» Салынского, «Первые люди на земле» Симукова, «Дети мои, дети» Софронова, «Ночная Москва» Финна, «Тридцатое августа» Шатрова, «Тяжкое обвинение» Шейнина, «Аплодисменты» Штейна, «Небесные капитаны» Штока, «Генеральный конструктор» Тверского и шесть награжденных.

2 июля

По инициативе Артемова и Закшевера издан приказ, по которому театры не могут заключать договора с инсценировщиками на зарубежные произведения без разрешения Министерства культуры СССР, а Голдобин не хочет давать такое разрешение без согласования с московским Управлением. Тогда зачем нужно Министерство?

Артемов в разговоре со мной сказал, что Рыбаков зря связался с Софроновым, они борцы разной весовой категории во всех смыслах. Что это, конечно, серьезная ошибка — не упомянуть в юбилейном номере Софронова, Мдивани, Вирту, Штока. А вообще-то, он считает, зря его сняли, надо бы оставить, дали ему крепенько, он бы все учел, перестроился бы.

8 июля

Позавчера, 6 июля, была у Бориса Владимировича. Говорили о журнале «Театр». Да, журнал групповой. Рассказал, как ему звонила Крымова и хотела вычеркнуть из его статьи фамилию Равенских, которого он упомянул наряду с Эфросом и еще кем-то. Он ответил, что ему нет дела до их групповых интересов, а объективно — это художник, у него своя манера и т. д., ну а будь это не Борис Владимирович, она бы вычеркнула. «Но, впрочем, — добавил он, — и надо, видно, быть в группе, а то, когда полная „объективность“, то сожрут и те, и другие. В общем-то, журнал сожрали драматурги, на них нельзя положиться. Вот в 37-м году Погодин требовал даже моего исключения из Союза писателей. Чем не угодил, даже не знаю, многое я у него принимал и даже

хвалил. Конечно, после драки легко говорить, но все же Наташе (Крымовой) надо было самой уйти с заведования отделом, когда только над Эфросом стали сгущаться тучи, а это было полтора года назад. Она сама рассказывала, как Товстоногов выступал на редколлегии и говорил, что журнал стал групповым, семейным, что не может жена режиссера заведовать отделом критики, и она говорила, что он плохой человек». **Я:** «Так сразу и изменила мнение?» **Он:** «Ну и что, я сам много раз менял, это не страшно, но ей надо было серьезно подумать. А Рыбаков молодец, показал себя с лучшей стороны, не предал, хотя постоянно пытался вводить ее (Наташу) в рамки, но у него сил не хватило. Вообще молодой, связей больших нет». Потом Борис Владимирович попросил, чтобы об этом разговоре я никому не говорила. «Журнал безупречный, сейчас надо, чтобы такое было мнение, я этому очень большое придаю значение. А вообще, если бы Наташа была критиком-мужчиной, то подобное было бы даже полезным. Надо всегда поражение превращать в победу». **Я:** «А как?». «А так, надо готовиться к новым боям и запасаться силами. Ей надо сейчас защитить диссертацию, кандидатский минимум у нее сдан, да и вообще, что уж за трудность. И Вам надо сейчас заняться делом, ведь время есть, вот заняться историей Театра „Современник“ — хроника, рецензии, вообще очень интересно, очень. И я, пока могу, готов Вам помочь».

9 июля

В Театре Ленинского комсомола творится что-то страшное. Миринго ф и Монахов решили провести конкурс и выставили на него всех, кто хорошо работал с Эфросом или поддерживал его. А с Миринго фом вообще позор. Он привел с собой в театр артистку, свою любовницу, театр возмущался, и он делал так, что, увольняя ее, нарочно совершал такую неточность, из-за которой ее восстанавливали, и так было несколько раз, но в конце концов это вылилось в безобразный скандал. Она написала о своей с ним связи в ЦК профсоюза и Министерство культуры РСФСР, а он принес справку, что он импотент. Вся Москва об этом говорит. Гиацинтова написала письмо, что уходит из театра (ее даже не включили в состав комиссии по конкурсу), так как не согласна с деятельностью администрации. Прислали это письмо Тарасову — никакой реакции.

12 июля

В 11 утра смотрела «Дуэль» Байджиева в Театре Моссовета. Спектакль получился, я даже плакала. Может, это и впрямь так действуют стихи Поженяна и музыка Таривердиева, но мне, как зрителю, что за дело, передается-то это через актера. По-моему, все три исполнителя очень хороши.

Перед началом спектакля спорила с Родионовым, и он мне сказал, что в рабочее время надо придерживаться официального мнения, а вот после работы можно иметь и свое. Вот в таком «двоемыслии» и живут многие.

После просмотра состоялось что-то вроде обсуждения, и Родионов стал опять говорить об «улучшении» текста, что прежние замечания не выполнены, что все осталось — какая у героини мать продажная, а у героя отсчет несчастий идет все от «культа». И хотя пьеса автора из национальной республики, «наши» не хотят брать ответственность на себя и «ссориться» с московским Управлением, которое собирается, как говорят, стать Главным управлением.

15 июля

Сегодня Назаров сказал, что главным редактором журнала «Театр» прочат Лаврентьева, он ведь редактирует «Сибирские огни», вот, мол, этому «крупнейшему» драматургу и карты в руки.

Сегодня умер Паустовский — что-то просто оборвалось, кажется, почти никого не осталось из порядочных и больших писателей.

16 июля

Прочитала пьесу О'Нила «Луна для пасынков судьбы» — все тоска по человечности, по теплоте и настоящим чувствам, господи, как мне это близко.

А вот пришел Ирд (главный режиссер эстонского театра «Ванемуйне»), который был вчера у алмаатинцев на «Лермонтове». Говорит: «Пьесы Паустовского не читал, но знаю, что он тонкий автор, и, следовательно, спектакль должен был быть тонким». Рассказал содержание эстонской пьесы «Золушка». Прожив с Золушкой 8 лет, Принц усомнился, а действительно ли ему Золушку дали, и вот он выясняет этот вопрос, и так все и остается невыясненным. Ирду сказали, что вот Вы, Каарел Кириллович, уже вторую пьесу о «правде», что она такое, ставите (перед «Золушкой» он поставил «Фаэтон»). А он ответил: «Вот на

будущий год я ставлю 15 пьес, так сколько из них можно о „правде“?»

Потом я долго сидела у Синянской, пришел Байджиев и писал заявление на имя Тарасова, что он больше не будет работать над пьесой.

Пришла Лариса Солнцева, которая в Институте истории искусств занимается Чехословакией. Зашел Голдобин, стал говорить о Чехословакии и на полном серьезе сказал, что считал бы нужным предоставить чехам «область на северо-востоке нашей страны, куда они могли бы вывезти за колючую проволоку эту бунтующую буржуазию», что он уверен, что введут войска и что цензура еще будет, да не просто, а военная. Выспрашивал у Ларисы, кто что сказал (Карваш, Когоут, Крейча), кто что подписал, в частности «2000 слов». Она ловко и мягко из этого выходила, говоря, что сама не видела, не читала.

18 июля

Пришел Коган, директор ТЮЗа, рассказал подробности об истории с Любимовым. Якобы помощник Брежнева позвонил домой Любимову, подошла Целиковская, он попросил ее передать Любимову, что все вопросы о нем сняты, что уже куда следует дали распоряжение, и чтобы он позвонил им, что Брежнев очень хочет с ним встретиться и т. д. А Любимов в это время сидит в горкоме партии, где помощник Гришина «воспитывает» его, чтобы он согласился со снятием с должности главного режиссера и не «шебуршился». Целиковская звонит в горком, просит Любимова и громко (все слышно) передает разговор с помощником Брежнева. Помощник Гришина слышит, теряется, не знает, что делать, кое-как заканчивает разговор, прощается. Сплетничают, что Гришин схватился за голову, стал говорить, что он отказывается руководить искусством. Верченко удручен, он делал на все это ставку, собирался стать секретарем горкома по культуре (вроде вводится такая должность). Секретаря Кировского райкома на другой же день перевели в генеральные редакторы телевидения. Вроде ты молодец, но кого-то надо на заклание отдать. А в самом райкоме — комедия с пересмотром «дела». Вызвали Любимова. «Ну вот, — говорят, — Юрий Петрович, мы тут подумали и решили кое-что изменить, снять формулировку „укрепить художественное руководство“». А Левинский (директор Театра Сатиры) рассказывал Когану, что Шапошникова его провоцировала на показ «Доходного места». «Почему вы не играете, ведь вы же все исправили?» А он: «У меня приказ

(устный) от Родионова снять спектакль и рассматривать это указание как приказ Министерства». А она: «Ну и что, что Министерство сказало, а мы считаем, что должны играть».

Для горкома был проведен анализ работы Театра Ленинского комсомола, и им «выдавали», что они живут лишь за счет спектаклей Эфроса. А Днепров, который писал, что «Мольера» надо снимать по идейным соображениям, сейчас сам играет Мольера. Решено Миринготфа снять и перевести на пенсию. Убийца сделал свое дело.

А московское Управление через месяц будет Главным управлением, все решено и подписано, штаты увеличиваются вдвое, денег больше. Вот почему они сейчас из кожи лезут, дабы оценили и «дали место подоходнее».

А с Чехословакией — напряженнейшее положение.

19 июля

Байджиев рассказывал, как вчера в московском Управлении с 10 утра до 5 вечера «уточняли» текст пьесы по каждому слову, по каждой строчке. «Гнилые арбузы» — почему гнилые? «Каждодневная борьба за хлеб» — выбросить, остановились на фразе — «Для меня началась каждодневная борьба за хлеб». Стихотворение «О дереве» — выбросить. Говорю: «Просто актриса читает с вызовом, что она другое дерево, а надо с сожалением, они прямо чуть не целовали, да, да, напишите об этом на обороте страницы, написал и т. д.».

23 июля

Говорила с Тарасовым, кому ехать в Англию и Францию — БДТ или Театру Вахтангова. Он решил — БДТ и сказал, что из советских должен быть включен спектакль «Правду! Ничего, кроме правды». Я говорю, что это несерьезно, он резко велел вписать. Я ушла. Потом Тарасов зашел зачем-то к нам в комнату и стал говорить, что «Правду! Ничего, кроме правды» хочет везти Товстоногов, который говорит, что вот мы возим за границу все нейтральное, а надо боевое, что на спектакле были группы американских туристов, которые хлопали и очень хорошо принимали. А потом Товстоногов их спрашивал, не оскорбляет ли это американский флаг и народ. Они ответили: «Нет, Вы же сами говорите в спектакле, что есть две Америки». Потом Тарасов сказал, что надо привезти в октябре в Москву вместе с

«Мещанами» и «Правдой» и арбузовскую пьесу «Счастливые дни несчастливого человека». Я: «Ну зачем же под корень подрезать Эфроса?» Тарасов: «Арбузов, увидев спектакль Товстоногова, уже не хочет, чтобы появился эфросовский спектакль. Я не знаю, почему он после Ленинграда не зашел (Тарасов тоже ездил в Ленинград), мы договорились, что выработаем общую точку зрения и вызовем Эфроса и скажем ему. Арбузов не хочет так прямо, ну хоть оформление изменил бы. А вообще Эфрос прочел мрачно, а Товстоногов — светло». Я смеюсь: «Ну, так у Товстоногова жизнь светлая, а у Эфроса мрачная». Тарасов: «Если Эфрос хочет остаться в истории театра, он должен изменить себя». Я: «Это невозможно и не нужно, какой ты родился, такой и должен быть, а то сломаешься и будешь никакой. А Эфрос, хотите Вы того или нет, уже навсегда остался в истории театра — 3,5 года Театра Ленинского комсомола — это эпоха в советском театре, все его спектакли». Тарасов еще говорил, что пьесу «Счастливые дни несчастливого человека» нужно выпустить с предисловием автора, чтобы режиссеры не искали в ней того, чего автор не хочет. Я: «Ну, это странная постановка вопроса, напиши такую пьесу, чтобы из нее нельзя было достать чего не хочешь, как Софронов».

24 июля

Было «кустовое» партсобрание — Управление театров, Управление музыкальных учреждений, Управление изобразительных искусств, Управление охраны памятников, Театральная библиотека. Секретарь парткома Министерства Алещенко делал доклад о Пленуме МГК КПСС, который состоялся в июне по организационным вопросам. Что надо соблюдать процент рабочей прослойки, крепить дисциплину и т. д. Что никто не может быть пассивен, что рекомендуют заслушивать отдельных коммунистов на партбюро, партсобраниях и даже парткоме.

А после собрания я смотрела «Дон Кихот ведет бой» у алмаатинцев. Господи, что за актер Померанцев, давно уж такого не видела. Не могла отделаться от впечатления несколько дней. А когда он в конце спектакля, как бы сняв грим-образ, перевоплотился из Дон Кихота в ведущего, я видела этот процесс, о котором все больше теоретизируют. Дон Кихот умер. Да здравствует Дон Кихот! Вообще, спектакль хороший, а главное, понимаешь, почему он так называется.

30 июля

Встречалась с американкой, которая владеет художественной галереей в Нью — Йорке и Лондоне и предлагает устроить выставку наших театральных художников. На встрече стало ясно, что мы приспускаем «железный занавес» в общении с капиталистическими странами, а особенно с Америкой. Представитель Управления внешних сношений поставил условие, что, если она сумеет добиться от Госдепартамента, что выставка будет односторонней, то есть только от нас, без взаимного обмена, тогда — да. Я потом спрашивала, ну почему от них не надо выставки, а мне в ответ — нам ни к чему, и в пояснение, что сейчас такие отношения, что дано распоряжение максимально сокращать обмен.

31 июля

В час дня собрал нас Малашенко для того, чтобы проинформировать о сложности положения с Чехословакией. Вчера горком собирал секретарей райкомов, а сегодня райкомы — секретарей парткомов, а парткомы — секретарей партбюро. Суть совещаний в том, что если будут чрезвычайные меры — ввод войск в Чехословакию, чтобы приняли как должное. Малашенко все говорил, что мы не можем отдать Чехословакию, где полегло 150 тысяч наших солдат. Рассказывал о своих впечатлениях (он там недавно был), что ему это напоминало детскую игру в демократию, что там ежедневно газеты печатают материалы о прежних политических процессах и реабилитации и обращаются к Советскому Союзу, чтобы объяснили, как это произошло, а мы отвечаем, что это их внутреннее дело. Что там печать, радио вышли из-под контроля, что буржуазные элементы в основном остались в стране, и интеллигенция в основном из них, и вот декларацию «2000 слов» подписал 21 человек. (Случайно я ознакомилась с этим списком, привожу его: *Бено Плахут* нар. артист Оперного нац. театра в Праге, *Иржи Ганзелка* — инженер, писатель, *Рудольф Грушинский* — артист и режиссер, *Яромил Иреш* — кинорежиссер, *Отомар Крейна* — режиссер, *Карел Краутгартнер* — дирижер, *Иржи Мензел* — режиссер, *Ивонна Пшеносилова* — певица, *Альфред Радок* — нар. артист, *Эмиль Радок* — кинорежиссер, *Ярослав Сейфет* — нар. художник, *Олдржик Старый* — ректор Карлова университета, *Иржи Сухи* — поэт, *Иржи Шлитр* — композитор, *Ян Швайкмайер* — кинорежиссер, *Мария Томашева* — артистка, *Йозеф Топол* —

писатель, *Иржи Трнка* — нар. художник, *Ян Тршиска* — артист, *Ярослав Войта* — нар. артист, *Ян Верих* — нар. артист.)

Так вот, Малашенко все призывал к дисциплине и бдительности, к спокойствию, и, если что непонятно, выяснять приходить к Тарасову и к нему. Потом Тарасов добавил, что мы не можем потерять Чехословакию, как потеряли Югославию и Румынию, что нам надо следить за «своими», которые тоже придерживаются так называемой демократизации. Вот все эти «подписчики».

> «Мы тут недавно беседовали с одним таким Войновичем, и безрезультатно, он остался при своем мнении, что Гинзбурга, Галанскова и других сажать не надо. Ну так и не пойдут его пьесы. Мы не будем подкармливать тех, кто плюет в лицо советской власти, народу. Вот когда после отпуска вернутся деятели искусств, то когда будете с ними общаться — надо выяснять их настроения и влиять на них»,
>
> *— закончил Тарасов.*

8 августа

Неделю не писала. Все одно и то же в нашем болоте. Хочу все же запечатлеть несколько вчерашних штрихов. Утром Шумов дал прочитать газету «Московская правда» от 6 августа, где напечатана статья — подвал «Высокий долг театра», написанная якобы А. Гусевым, бригадиром монтажников домостроительного комбината № 1 Главмосстроя. Этакий псевдонародный стиль и потрясающая осведомленность. «Критикует» Театр Сатиры, даже читал статью Крымовой о «Пугачеве» и вовсю «разделывает» ее, что ее намеки о программировании драматургии, о тяжелом пути русской поэзии и т. д. — все это клевета.

Сейчас Шумов разговаривал со своим дядей, который отдыхал в Ужгороде, тот рассказал, что там все было забито войсками. Положив трубку, Шумов в обычной своей «развязной» манере сказал: «А я бы ввел войска и „успокоил“ этих Когоутов, знаем, чем это кончается — 41-м годом, который нам слишком дорого стоил». Завязался спор, но Шумов перевел разговор на другую тему.

9 августа

Партсобрание «О совещаниях в Чиерне над Тиссой и в Братиславе»[26].

Сообщение делает Малашенко, ссылается на личное впечатление от встречи с Брежневым, еще тогда говорили о Чехословакии, и вот оправдалось.

Медведева: «Прошедшая неделя была очень трудной, эти совещания — шаг вперед. Мы часто говорим об идеологической борьбе, события в Чехословакии — наиболее яркое проявление этой борьбы. Здесь нет взрыва, а все очень тонко: с интеллигенцией говорят об их нуждах, с рабочими — об их. И вот если идти по этому пути, то и придем к контрреволюции. Вместе с радостью по поводу этих совещаний не покидает и тревога, потому что то, что сделала контрреволюция в Чехословакии, — они не сдадут своих позиций».

Тарасов: «Мудрость Политбюро нашей КПСС в том, что пошли на личную встречу с группой членов Президиума Чехословацкой КП, с которой возник конфликт. Мы были свидетелями (Тарасов возглавлял театральную! делегацию на чехословацком симпозиуме в феврале месяце.) того тревожнейшего положения, в котором оказалась Чехословакия. Если бы не состоялась нынешняя встреча, еще неизвестно, что бы произошло. И сейчас еще положение сложное. Подписали документ — это крупная, существенная победа, это поможет им занять правильные позиции. Это своеобразная форма проявления классовой борьбы. Мы должны быть в своей работе более бдительными. А вот мы знаем, что ряд писателей — ярые антисоветчики (Когоут), а их пьесы еще идут. Мы не можем давать открытого письма (письменное распоряжение), но почему Министерство культуры Литвы не отреагировало на наш звонок и на гастролях играли „Такую любовь“ Когоута? Часть чехословацких деятелей культуры подписала антисоветский документ „2000 слов“, к ним надо быть внимательными».

Артемов: «Это приятно, что произошли такие события, отношения нормализовались, но мне кажется, что западная пропаганда еще будет пытаться посеять рознь между социалистическими странами. Я думаю, что будут сеять рознь и между республиками нашей страны. Вот, я видел, в Прибалтике обстановка не очень здоровая».

10 сентября

Сегодня я первый день на работе после отпуска, который проводила на Валдае и где я ревела, когда услышала о вводе

войск в Чехословакию.

С утра было совещание у Голдобина о том, что нужно готовить материалы, так как он, видимо, поедет в Ульяновск, где будет проходить заседание о подготовке к 100-летию со дня рождения Ленина.

Потом Шумов давал читать зубодробительные статьи, которые появились в газетах и журналах за время моего отсутствия, в частности статью Толченовой «На эзоповом языке» («Огонек» от 10 августа) о журнале «Театр». Шумов рассказал, что было обсуждение журнала в Свердловском райкоме партии, где председателем комиссии был Зубков, членом — Толченова и разные представители из нетворческих организаций. Был такой разнос, что страшно! Дали выговор Рыбакову и секретарю парторганизации. А когда Голдобин, по его словам, попытался очень мягко возразить, что в статье Толченовой есть некоторый перебор, на него «насыпались», особенно «нетворческие» члены бюро, пошла демагогия, что советская печать самая правдивая и т. д. Еще две мерзкие статьи в журнале «Коммунист» — Солодовникова и Игнатовой: его — о классике, ее — о критике.

11 сентября

Утром узнала, что Розов должен читать на Репертуарной коллегии пьесу «На беговой дорожке» (бывшие «Всадники»). Я спрашиваю у Голдобина, можно ли послушать. Он криво, нехотя говорит, что спросит у Розова. Я вижу в коридоре Розова и сама спрашиваю, он отвечает: «Бога ради». Пьеса местами написана очень здорово, до слез, я просто ревела, а местами очень смешно. Тема все та же — несчастные люди с тонкой душой и душевным теплом и преуспевающие люди-машины. Пьеса о добре и что это такое. Но он попытался сделать гибрид, дать добру «хватку». Нет, гибрид — это дело экспериментальное, но для жизни нереальное, и, видимо, не может этого просто быть. Или-или, вот и выбирай. Да, добро всегда страдает, жаль, но так, видимо, будет всегда.

Обедала с Рыбаковым, держится прекрасно, но грустно, юмора стало меньше. Вечером смотрела «Кориолан» у «Берлинер ансамбля». Это любопытно, очень интересно сделаны массовые сцены, особенно боя — этакий «кровавый» натурализм сочетается с балетно-танцевальной условностью массовок. В перерыве подошел ко мне Игорь Борисович, инспектор московского Управления, и рассказал, что у них там за дела. За Любимовым установлен гласный надзор: каждый день к нему ходят на спектакль работники Управления, а репертуарщики — с текстами,

и каждый день пишется докладная. А на Бронной Зайцев говорил Игорю, что постановкой «Платона Кречета» Эфрос полностью себя реабилитирует. А у Эпова такой макет оформления Шекспира для спектакля Фоменко, что все будет натуральное — и деревья, и бархат, и стоить будет 15 тысяч, то есть вдвое по сравнению с обычными нормами.

12 сентября

Сегодня интересный разговор с Кудрявцевым, он шутя-серьезно хочет заставить меня заниматься и гастролями театров, хочет включить эту обязанность в мою служебную характеристику. А сам с такой болью говорил о своем положении, что его, видимо, скоро снимут, ведь ни один организационный вопрос не решается, а просто и нельзя решить. Но очень трудно самому расстаться с материальным благополучием, говорит, пошел на повышение из-за денег.

Вернувшийся из Кремлевского дворца съездов Шумов сказал: «Стерильно чистая среда была сегодня на приеме (по случаю гастролей „Берлинер ансамбля“). Никаких брехтоведов, кроме Ростоцкого. Без микробов».

А вчера после «Кориолана» был прием в Посольстве ГДР, куда они пригласили всех, даже «подписантов», таких как Копелев. Был Рыбаков, за которого поднимали тосты Козаков, Кваша: «Ты, Юра, для нас барометр, пока ты ходишь — мы живы», а Бояджиев говорил: «Юра, ты не человек, ты символ». Юра замахал руками и ушел в другой зал.

Мрожека лишили польского гражданства, вчера позвонили из Управления внешних сношений, чтобы все его пьесы сняли.

16 сентября

Все обновляю состав Художественного совета Министерства культуры СССР, заседание которого вроде будет 15–16 октября.

Миринго фа вывели на пенсию с 14 сентября, а с 16 сентября приняли в московское Управление старшим инспектором, и он будет курировать «наиболее ответственные» театры. (Пенсия республиканская, поэтому он может работать, «своих» не сдают.)

17 сентября

Шумов пришел из Министерства культуры РСФСР, с совещания по репертуару, какое бывает ежегодно. Вообще-то, все ерунда, но среди рекомендованных пьес есть и «Большевики» (а не «30 августа»). Шумов рассказывал, как Шкодин клеймил Сапетова (грызутся, и слава Богу). На совещании Сорокин ругал Фоменко за его спектакли, снятые в Москве и Ленинграде, в одну кучу валил «Доходное место» и «Три сестры».

19 сентября

Партсобрание. До начала собрания Трубину дают слово, чтобы он рассказал о вчерашней лекции «О положении в Чехословакии». Лектор из ПУРа сообщил некоторые факты о том, как вводились войска (о них мы почти ничего не знали). Это было сделано за 3–4 часа. Над Прагой летел самолет и дал сообщение, что терпит бедствие, ему разрешили посадку, и оттуда вышли 70–80 автоматчиков, они заняли аэродром и стали принимать советские самолеты. То же в Брно и Братиславе. Положение такое же сложное, какое было и 23 августа. Правительство ведет себя нерешительно, подпольные радиостанции действуют, отношение с населением сложное. Мы не говорим о потерях, которые мы несем — а их очень много, — чтобы не возбуждать определенные слои населения. Раньше нашим войскам был дан приказ не оказывать сопротивления, а теперь разрешено при нападении сопротивление оказывать. На лозунги на заборах «Слон не съест ежа» наши солдаты отвечают: «А если его побрить?» Рассказал о том, как брали Дубчека и других, как их насильно привезли на совещание. «Положение остается сложным», — закончил докладчик, по словам Трубина.

Малашенко: «Я должен продолжить. Как мы должны влиять, отвечать на эти вопросы. В партийных организациях, особенно в среде интеллигенции, были факты неверного отношения к событиям в Чехословакии. В Институте рабочего движения на собрании при голосовании двое воздержались, а один выступил, что это неверное решение, и голосовал против. У нас в Госконцерте два сотрудника тоже ведут разговоры, что это ошибка. Сейчас каждое оброненное слово для работников с периферии может быть вредным. Положение в Чехословакии нормализуется, но неизвестно, когда это случится, может, через месяцы, а может, и годы».

Перешли к повестке собрания: «О начале учебного года в сети политпросвещения».

Трубин: «Я скажу об итогах, а о планах расскажет Голдобин.

Тема нашего семинара по эстетике „50 лет советского театра“ — это очень помогало в работе. Все было четко организовано, это заслуга руководителя семинара. Отдельные выступления были очень интересные, особенно сообщение Цирнюк и Емельянова».

Приведу здесь некоторые мысли из так понравившегося Трубину выступления Цирнюк по теме «Классика на советской сцене». Она говорила, что единственный смысл обращения к классике — решение современных проблем. Если нет настоящих ассоциаций, то это музей, а музей не многим нужен. Сохранение традиции — это ее развитие, пример — «Мещане» Товстоногова. Но современную позицию надо «вытаскивать» из пьесы, а не навязывать ей. Нил не борец, а то был бы не Нил, а Павел Власов. А Эфрос в «Трех сестрах» поставил то, что Чехов не писал. Ей близко высказывание Кугеля о «Лесе» Мейерхольда, где он говорит об извращении, оболванивании автора (цитирует это высказывание). На эти слова прореагировал **Емельянов:** «Мы с Валентиной Андриановной единомышленники, мы с ней расходимся лишь в частностях, например о Мейерхольде. Сейчас говорить пренебрежительно о Мейерхольде — это очень скверно, а Голдобин прошлый раз на семинаре в заключительном слове сказал, что Мейерхольд — это пройденный этап».

Голдобин: «Трубин правильно отмечал недостатки прошедшего семинара. Один пробел я хотел бы восполнить, было очень интересное выступление Кудрявцева, он проделал просто исследовательскую работу, поднял огромный материал. В этом году весь год будем изучать „Материализм и эмпириокритицизм“. Первое занятие состоится 3 октября. Но изучение должно быть более активное. Не все одинаково подготовлены».

Малашенко: «Это произведение вернет нас даже просто к терминологии: теория отражения, идеологическая борьба и т. д.».

А утром Шумов, Голдобин и Владыкин ходили на сбор труппы в Малый театр. Была сама Фурцева. Вернувшись, Шумов, со свойственным ему юмором, рассказывал, как она была хороша, всех очаровала, говорила проникновенно, хотя и не совсем правдиво: «Все призывала к требовательности — требовательность, требовательность и еще раз требовательность, а придет к ней Софронов с пьесой, так она просто прикажет: „Ставьте“ — вот тебе и вся требовательность. Фарисейство потрясающее, но речь-то она свою держала под аплодисменты зала». Потом Шумов разыграл целую миниатюру, как вел себя Владыкин, ожидая Фурцеву и рассуждая вслух: «Если я выступлю до нее, а она потом будет говорить и увидит по реакции зала, что это уже я сказал, она, конечно, ничего мне не скажет, а в душе подумает: ах, Григорий Иванович уже сказал, что я думала

сказать. Нет, уж лучше мы ее подождем». «Секретарь смотрела на него, раскрыв рот», — закончил Шумов.

20 сентября

Позвонил Львов — Анохин. Позубоскалили. Во время разговора пришло сообщение, что Монахову дали звание заслуженного деятеля искусств. Вот, значит, надо ничего не делать, тогда получишь звание. Я тут же передала новость Львову — Анохину, он в ответ: «Ну и что? Одним анекдотом больше, одним меньше». Леонов ушел из театра, потому что не дали звание народного артиста РСФСР и персональную ставку, хотя, по его словам, ему очень жаль расставаться с Борисом Александровичем. Львов — Анохин пригласил прийти «потрепаться», а я ему, все при Шумове: «Могу теперь ходить в московские театры лишь по субботам и воскресеньям и вносить „вредные влияния“ на общественных началах». Договорились, что позвоню. Львов — Анохин рассказал, что сегодня на совещании по утверждению репертуарных планов в Моссовете Шапошникова высказала свое удивление близорукостью театров, включающих «Цену» Миллера, который «высказался» и т. д.

23 сентября

Сегодня Владыкин «выдавал» Шумову за то, что Малый театр хочет пригласить на постановку Фоменко. Шумов смеется, что, видимо, Владыкин боится его туда пускать, чтобы не случилось, как в том еврейском анекдоте, когда один еврей отдал священнику сына, чтобы тот научил его русскому языку без акцента, а когда приехал за сыном, то с еврейским акцентом говорил священник.

Сегодня я была на улице Куйбышева, зашла в Управление внешних сношений, там узнала, что Италия не приняла театр Товстоногова. Галя Челомбитько (инспектор по Чехословакии) рассказывала про ЧССР, что, видимо, Брежнев разговаривал по прямому проводу с США перед вводом войск и что мы попытаемся убрать Дубчека и посадить Гусака, устроить политические процессы, а потом выведем хоть часть войск или вообще устроим террор, и чехи замолчат как миленькие.

24 сентября

Вчера на встрече представителей Польского посольства у Голдобина они передали список пьес с аннотациями, среди них такая пьеса, как «Дело Дантона» Пшибышевской. При этом предупредили, чтобы пока не рекомендовали пьесы Грушинского и Тарне, которые заявили, что покидают Польшу по политическим соображениям, вот, мол, выяснится на днях, уехали они или нет, тогда скажем. Мрожека даже имя не велят упоминать, все сняли[27].

А сегодня был Гончаров — теперь главный режиссер Театра Маяковского. Рассказал, что Марк Захаров сделал для театра гениальную инсценировку «Разгрома» Фадеева и, конечно, будет ставить спектакль о сегодняшнем дне, что Левинсон — это жестокий Христос, а играть его, наверное, будет Марцевич; что он дошел до Демичева (секретаря ЦК) и ему разрешили показать «Два товарища» Войновича 27 сентября, и ему нет дела до того, какие глупости говорит Войнович, а объективно у него оптимистический спектакль, от инсценировки Войновича ничего не осталось, он все переделал; что он читал последнее произведение Войновича, которое должно быть напечатано в «Новом мире», и это такой мрак, что «Матренин двор» Солженицына перед ним «розовое» произведение; что он воспринимал все творчество Войновича по-другому. Говорил, что в театре его обожают, а репетируют со страстью. Среди прочего сообщил о своем бывшем Театре на Бронной, что театр получил на гастролях миллионную прибыль и его ставят в пример другим театрам.

Вечером Голдобин вернул список состава Художественного совета, из которого Владыкин вычеркнул Анастасьева, Рыбакова и С. С. Смирнова. Но как вычеркнул! Со страстной злобой, порвав бумагу.

25 сентября

Шумов сказал мне доверительно, не для распространения, что вчера 24 сентября состоялось Решение Политбюро о создании Главреперткома, теперь начнутся пертурбации.

Опять ругалась с Будорагиным, страшный тип, именно потому, что вроде порядочный, но до того закоренелый, до того примитивный, до того оболваненный, что страшно, ведь таких миллионы, поэтому у нас исключено то, чего хотелось бы.

Репертуарно-редакционная коллегия разбирала сегодня пьесу Розова «На беговой дорожке», в общем-то загубили, предлагали (Малашенко, Голдобин, Цирнюк) уточнять по политической

линии и дорабатывать так, что, в сущности, надо писать другую пьесу. Вот и до Розова добрались.

26 сентября

Утром было совещание о предстоящих делах — совещание министров союзных республик 14 октября, Худсовет 15–16 октября, репертуарное совещание 17–18 октября и т. д. Предстоящие даты — 50 лет комсомола, 100 лет Ленина, фестивали: Болгарский, национальной драматургии, Второй польский, о котором Фурцева сказала, что он очень важный, мол, важнее Болгарского. Ну, Голдобин все «направлял», все говорил о том, как нужно быть бдительными к проникновению буржуазной идеологии, что надо следить и пресекать модернизм, в каких бы завуалированных и сложных формах он ни проявлялся, пресекать малейшее отклонение от социалистического реализма и т. д. — вообще следить, выискивать, предавать и карать.

А потом пришел из ВТО Шумов, начиненный всякими слухами, что Прокофьев (из комиссии по наследию Станиславского) будет главным редактором журнала «Театр», что Рыбаков мечтает пойти на самую маленькую ставку младшего научного сотрудника в Институт истории искусств, чтобы защитить диссертацию, и прочие новости.

27 сентября

Утром Кудрявцев послал меня к 10 часам в ЦК ВЛКСМ на совещание по выставке на ВДНХ в павильоне культуры, а в 11 часов — просмотр «Два товарища» Войновича в Театре Маяковского. Как я и думала, идти в ЦК ВЛКСМ надо было не мне, так как там шел разговор о концерте 5 октября, в день открытия выставки «Техническое творчество молодежи» в 25 павильонах. Я посидела до без двадцати одиннадцать и ушла. Прибежала в театр — Шумов удивился, что я так быстро.

«Два товарища» — хороший спектакль. Очень хорош студент IV курса Щукинского училища Карельских. Но концепция у Гончарова не Войновича. Здесь все добро торжествует, зло наказано, а у Войновича вопрос просто поставлен на разрешение. Здесь какие-то иллюстративные вещи, поведение героев изменено, и тогда бессмысленными становятся слова: «Не знаю, смог бы я поступить иначе, думаю, что просто не мог бы поступить так, как он». Потом, для оптимизма введен «хор»

летчиков. Ну и вообще по всякому «положительному» поводу — педаль.

В конце дня Голдобин сообщил, что Владыкин велел вернуть в состав Худсовета Бабочкина, Ильинского, Бердникова (замминистра Министерства культуры РСФСР, но как доктора филологических наук) и Рыбакова.

1 октября

Слушала разговор Шумова с Владыкиным (он позвонил) о постановке в Малом театре инсценировки «Отцов и детей» Балтера, который исключен из партии, как организатор «подписки». Горком утвердил решение райкома о его исключении, Балтер написал в ЦК. Владыкин нервничал, а Шумов его успокаивал, что Е. Симонов сидит дни и ночи над инсценировкой, переделывает ее, вставляет куски из первого варианта, и они нашли такой ход, что ни одна комиссия не докажет, что их инсценировка имеет отношение к инсценировке Балтера. Потом Владыкин, видимо, жаловался на Симукова, что тот в Союзе писателей рассказывает, кто что в Министерстве говорит, кто что задерживает, на что Шумов отреагировал: «Симуков хочет капитал приобрести и невинность соблюсти, и вообще, ссылаться на руководство — запрещенный прием». Потом Владыкин жаловался на Солодовникова, что он действует «самостийно», а Фурцева сказала Владыкину: «Григорий Иванович, я Вам все прощу, а вот союзных театров не прощу, если они издают не такой приказ — отменяйте». И все в таком же духе. Взъелся он, почему Малый театр пригласил Фоменко: «В реалистический театр — человека, который поставил контрреволюционный спектакль», Оказывается, ему наушничал М. Жаров, что дирекция приняла это решение: «Пригласить щелкопера с сомнительной политической репутацией, без партбюро», а вот он, Жаров, предлагает такого реалиста, как Эрин. А подводные течения в Малом театре выносят на поверхность желание вообще отказаться от «Отцов и детей» с тем, чтобы Царев поставил «Месяц в деревне». И еще Григорий Иванович жаловался, что на него сваливают решение с инсценировкой «По ком звонит колокол» и торопят, на что Шумов: «Конечно, с этим вопросом можно не торопиться, а решить его в течение сезона»[28]. Потом Шумов ушел, а вернувшись, с таинственным видом сообщил, что «Там» сказали про пьесу Розова «На беговой дорожке», что ее надо укреплять по социальной линии, прояснить вопрос, зачем молодой герой едет в

Англию, и вообще эту тему о добре с кулаками, а то звучит двусмысленно; что эта семья не должна быть оторвана от нашего общества, за окнами должна быть социалистическая действительность, а не крики зверей из зоопарка. Это все «кто-то» и «девчата из ЦК».

7 октября

Вот никогда не знаешь, от кого чего ждать. Сейчас Рамзин (автор запрещенной пьесы «Обратный счет») меня «потряс» своими взглядами и рассуждениями. Он за то, что мы сделали с Чехословакией. «Да, если бы меня спросили, вводить или не вводить войска, — я бы ввел». Опять разговоры о 41–45-х годах, что он не хочет жить под немцами, что через Чехословакию лететь 30 минут, но если в Чехословакии будут наши войска, то немец не пролетит. И что нечего защищать «либералов», что то одни уничтожают одних, то те других. Стал приводить примеры из истории, что католики сожгли Дж. Бруно, а защищавшие его протестанты сожгли кого-то (фамилию забыла), который был не менее гениален. Что он не хочет видеть на Балканах немцев. Я говорю, что все это пропаганда для дураков. На что он отвечает: «Что ж, по-Вашему, немцы стали другими?» — и добавляет: «России быть и жить».

Пришел Трубин с обсуждения спектакля «Искры, собранные в горсть», который смотрели в пятницу, и сказал, что им «выдали», что нельзя прикрывать темой бездарность решения, это оборачивается против нас.

9 октября

Сейчас слышала интересный разговор Голдобина с Михайловой. О ком или о чем говорил до моего прихода, не знаю, только в конце разговора Голдобин просил ее помочь. Дальше пошла речь о главном редакторе журнала «Театр». Голдобин: «Сейчас все сходятся — и писатели и руководство — на кандидатуре Громова, помощнике Салынского». Она, видимо, спросила о Владыкине, который сомневался в этой кандидатуре. Голдобин: «А теперь Григорий Иванович согласен». Из дальнейшего разговора я узнала, что все больше всего хотели Абалкина. Его уговаривала Фурцева, вот, мол, ему какое доверие оказывают. Ей он сказал, что подумает, а как только она ушла, наотрез отказался, потому что там (в журнале) надо все ломать,

значит, портить сложившиеся отношения, а ему этого не хочется. Прокофьев тоже отказался.

Потом Голдобин спросил, как ему быть, у него личное поручение о предложениях ввиду создания Главреперткома. Что он провел исследовательскую работу и выяснил, что «решения» записанного нет. По его мнению, этот вопрос можно решать двумя путями. Или восстановить прежний институт, как это было в 1934 году, он нашел все эти документы, но тогда надо создавать штат уполномоченных во всех областях страны, и он считает, что вряд ли это целесообразно. Или самый простой путь — это придать Управлению театров цензора, который будет осуществлять элементарные цензорские функции, а ответственность за идейную сторону будет лежать на Репертуарно-редакционной коллегии, которая должна повысить свою работу. Но именно поэтому он боится, что на подобное решение не пойдут, потому что тогда коллегию надо очень укреплять. Видно, Михайлова сказала, что весь смысл Главреперткома в том, что он должен быть абсолютно самостоятельным. Тогда, отвечает Голдобин, надо создавать самостоятельный Главк, и функции Репертуарной коллегии Управления театров меняются, она только заключает договора с определенными авторами на определенные темы, а редактурой, в том числе и художественной, будет заниматься Главрепертком. Голдобин говорил, что сам процесс приемки спектаклей, по его мнению, должен остаться прежним, пусть этим занимаются управления культуры. Михайлова опять что-то возражала. «Подводя итоги», Голдобин сказал, что он учтет все ее вопросы при создании предложений, которые он пишет, а вообще все очень сложно.

Потом он прочитал принесенный мной список тех, кого приглашать на Худсовет из Москвы, и одобрил его.

А вчера Шумов говорил, что начался процесс над Литвиновым, Богораз — Бухман, Делоне (внук академика, вице-президента Сибирского отделения Академии наук, виднейшего математика) и еще двумя участниками за демонстрацию на Красной площади 26 августа под лозунгом «Руки прочь от Чехословакии».

Шумов сказал, что должен дать Трубину деликатное поручение по Театру «Современник», так как Тарасову донесли, что это будет спектакль такой («На дне»), что «Доходное место» сразу разрешат, что Луку играет Евстигнеев как обманщика народа (на самом деле Луку играл Кваша), а на дне — это и есть народ, и вот надо «вынюхать». Шумов поделился этими сведениями со мной, но когда пришел Трубин, то ему говорить не

стал, а вывел его в коридор и там дал «задание». Через некоторое время Трубин вошел и сказал Шумову: «По интересующему Вас вопросу я позвонил, но мне сказали, что это не телефонный разговор, так вот, я пойду на переговоры».

Сегодня, когда я приглашала Остальского (заместителя Председателя ВТО) на Худсовет, он сказал, что Царев вылетел в Париж на чрезвычайное заседание Исполкома Международного института театра, и что это очень неприятная миссия. **Я**, играя под дурочку: «А почему неприятная?». **Он:** «Что, Вы не понимаете, когда собирается чрезвычайная сессия и в связи с чем?» **Я:** «Ну, так об искусстве». **Он:** «Да, но все сейчас лишь об одном, и неизвестно, чем это кончится, а у нас в плане на 70-й год заседание МИТа в Москве». **Я:** «Наверное, и об этом будет речь». **Он:** «Конечно». А какое-то международное совещание мы сами предусмотрительно перенесли в Венгрию.

14 октября

Четверг и пятница, как и сегодня, были кошмарными, готовимся к Худсовету от слова «худо». С самого утра занялась гостиницей «Россия», где должны размещаться приехавшие с периферии члены Худсовета. Потом по просьбе Владыкина я пошла к нему со списками членов Худсовета, там был и Тарасов. Ну, уж я знаю, что все они, а особенно Владыкин, ничтожества, а каждый раз тошнит заново. Все боятся, как бы не пришли «смутьяны». Владыкин рассказал, что перед обсуждением журнала «Театр» ему звонил Алешин и просил разрешения прийти на коллегию, что, мол, слышал, что будет разнос и вот, не согласен и даже хочет выступить. «Ну, я ему как-то сказал, в общем, он не пришел». Так вот, кого сейчас приглашать из драматургов? Ну, в первую очередь **Мдивани:** «А то, если не пригласить, крику на всю Москву» **Я:** «Что, боитесь крикунов?» **Владыкин:** «Да не то что боимся…» **Тарасов:** «Себе дороже». **Владыкин:** «Мдивани будет говорить, что я один из немногих драматургов-коммунистов, который стоит на правильных позициях, я написал „Твой дядя Миша“». Потом **Владыкин** стал всех перебирать: «Л. Зорин — нам не нужен». Стал перелистывать какую-то книжечку, где записаны те, кого он принимал: «Каплинская — не нужно, она у меня была, Лунгин и Нусинов…» Тарасов: «Не надо». **Я:** «Да, отринули мы талантливых людей». **Тарасов:** «Да они уж больно несговорчивы, слова не хотят выкинуть». **Владыкин:** «Может, позвать Митрофанова, он нам не помешает, я его буду упоминать в докладе положительно, он патриотическую пьесу

написал — „На рассвете“, Бабочкин на нас в обиде (перед этим я сказала, что на мой звонок Бабочкин ответил, что болен), но пока будем числить». **Тарасов:** «В связи с этой обстановкой». Потом решили пригласить Туров всей семьей, сразу все поколения.

Тарасов чуть-чуть спокойнее, так как он на Худсовете не будет, он в Ульяновск уезжает. Когда Владыкин говорил с Р. Симоновым по телефону, мы с Тарасовым, как всегда, препирались, и **он** произнес фразу: «С волками жить — по-волчьи выть». А **я:** «Нет, общество подминает, а ты сохраняй себя как личность». Вдруг он серьезно: «При социализме общество не подминает». **Я:** «Ну так и с волками, и по волчьи — это тоже закон капитализма». **Он:** «Это народная мудрость». **Я:** «Она очень удобна для слабых, и вообще для каждого положения есть две взаимоисключающих поговорки». Дальше — больше. **Я:** «На что Вы тратите силы, здоровье?» **Он:** «До 55 лет доживешь, тоже больная будешь, ты и сейчас больная, вон нервишки-то сдают, так вся и вскидываешься». **Я:** «С Вами еще и не такой станешь». **Он:** «А с Вами и подавно».

Потом пришла Ильина, и Владыкин ей сказал, что был разговор насчет Громова с Фурцевой, которая велела оформлять документы на эту кандидатуру, раз других нет. Ильина: «А вот в ЦК не очень…» **Владыкин:** «Да и Ильичева, и другие очень сдержанно к нему относятся». **Ильина:** «Больше, чем сдержанно». **Владыкин:** «Но надо решать, две другие кандидатуры отпали». Ильина ушла. Опять вернулись к завтрашнему дню. В это время им принесли обед, и я ушла, заверив Владыкина, что меньше 70 человек на Худсовете не будет.

Сегодня из командировки в Эстонию вернулся Кудрявцев. Я слышала лишь то, что он мимоходом говорил Тарасову в коридоре, что командировка была безумно трудная, что они все скрывают, ничего не хотят показывать. Хочешь посмотреть спектакль — оказывается, накануне актер заболел или актрисе голову проломили, просишь прочитать пьесу — нет перевода, а если переведена, нет экземпляра и т. д.

Я звонила Рыбакову, чтобы он зашел, и в пятницу 11 октября он пришел обедать, дала ему прочитать про Громова. **Он:** «Да, будет интересное кино» **Я:** «А правда, что ты в Институт истории искусств идешь?» **Он:** «Да, и к вам внештатным, об этом говорил с Владыкиным». Он хочет идти к Фурцевой, чтобы скорее ему искали замену, раз решили заменять. **Я:** «Зачем осужденному быть заодно с палачами — лишь бы скорее казнили? Зачем выслушивать воспитательные нотации, что за удовольствие?» Он улыбается. **Я:** «А как у вас там, в журнале все?» **Он:** «Ничего, ну,

неделю поволнуешься, а потом устаешь волноваться». Я ему пересказала разговор Тарасова, что Эфрос подружился с Корнейчуком для того, чтобы, когда выйдет премьера его пьесы и он приедет на спектакль, то он пойдет к Фурцевой и уговорит ее разрешить «Три сестры». Расстались мило.

15 октября

Худсовет. Вступительное слово Р. Симонова как председателя Худсовета.

Доклад Абалкина «Личность героя в драме и на сцене».

Начинает доклад со стандартного заявления об обострении идеологической борьбы в мире, что искусству в этой борьбе принадлежит важнейшее место. Очередная болтовня о соцреализме и его положительном герое, который не противостоит обществу, а «достойно представляет его». Что этот разговор особенно важен в связи с событиями в Чехословакии. Упоминает и Роже Гароди с его безбрежным реализмом, что «все это напоминает о необходимости держать в чистоте идеологическое оружие».

Рассказывает о положительных примерах истории молодого человека в советской драматургии. Потом о том, что в современной драме у многих авторов происходит облегчение и обеднение темы коммунистического воспитания молодежи. Собирается проследить все, о чем он говорил, на примере драматургии Радзинского, так как «в творчестве этого несомненно даровитого, способного автора ярче выявляются серьезные изъяны молодой драматургии». Разбирая пьесу «Снимается кино», не оставляет от нее камня на камне, пьесе «104 страницы про любовь» отказывает в нравственной чистоте, про пьесу «Обольститель Колобашкин» говорит, что в ней «еще более назойливо прозвучала тема — конфликт личности и общества» и что вообще пьесы Радзинского представляют тенденцию мещанскую, идущую вразрез с эстетикой соцреализма, а апофеозом этой тенденции служит последняя пьеса Радзинского «Чуть-чуть о женщине».

Дальше докладчик говорит об Эфросе, «который стал единственным постановщиком пьес Радзинского на столичной сцене и вместе с автором коверкал творческие индивидуальности актеров и исключал возможность для них быть воспитателем своего сверстника».

Потом Абалкин переходит к той драматургии, что противостоит «мещанской тенденции», и приводит в пример

инсценировку повести А. Калинина «Цыган», поставленную в год 50-летия Октября в 80-и театрах страны, и объясняет это тем, что «она наиболее полно отвечала духовной потребности зрителя». Вот так потребности! Говоря о Москве, в пример ставит «Невесту» А. Чаковского в театре Гоголя. Ужас! Походя лягает «Тарелкина», «Доходное место» и «Три сестры» и хвалит «Разорванный рубль» Антонова в театре Пушкина и «Меру истины» Волчека в театре Ермоловой, которые дороги ему тем, что «в них заложена самая положительная тенденция сценического искусства: говорить со сцены о нравственной убежденности, нравственном самосознании молодого человека», при этом у него все-таки хватает ума хотя бы оговориться, что он не говорит «об их исключительном художественном совершенстве». Дальше клеймит тех, кто за общечеловеческие идеалы. Наконец добрался до Розова — о просчетах в «Традиционном сборе».

Когда в докладе пошла речь о творчестве Радзинского, смеясь, ушли Ливанов и Станицын. Выходил курить Товстоногов, которому Синянская передала пьесу Рамзина «Обратный счет». После перерыва Товстоногов сел с нами. Люда ему говорит: «Как бы Вы не простудились». (А мы сидели в дверях.) **Он:** «А Вы?» Я: «Ну, мы люди маленькие, а без Вас искусство сразу потускнеет». **Он:** «Только без иронии. Моя статья о классике лежала в „Правде“ с июня, звонили и просили вставить слова, осуждающие „Три сестры“, и „Доходное место“, я не согласился, тогда они вставили другое». **Я:** «В такое время не надо писать». **Он:** «Правильно». Люда начинает его защищать, а он в ответ: «Нет, она права». Потом мы «разогрели» Товстоногова, и он выступил, да как даст, а сначала выступать отказался, как и Завадский.

Я же записывать больше ничего не стала, ведь у меня будет стенограмма, а Абалкина записала по привычке[29].

17 октября

Звонок Владыкина о том, что Евтушенко прислал телеграмму на «высочайшее» имя, что если 18 октября «Братскую ГЭС» снимут, то он будет будоражить общественное мнение. Паника. Кто велел снять? Выяснили: вроде Верченко из горкома. Владыкин спрашивает Шумова, были ли протесты при отмене спектакля на Бронной.

18 октября

Восторги Живкова (Болгария) по поводу «Большевиков» не очень разделяют «наверху»: «А не было ли это ошибкой — пустить эту пьесу за рубеж, когда нет по ней единого мнения?» До «самого верха» этот вопрос с кем-то не согласовали. Сейчас какой-то зарубежный режиссер хочет посмотреть спектакль в «Современнике» чтобы его скопировать, но его приезд специально оттягивают.

Вчера я была на «Людях на болоте» в постановке Эрина. 11 октября — на «Жаворонке», куклы-люди играют, понравилось. Сегодня «Тайное общество» в ЦТСА. Позвонили из «одного места» на Бронную и велели играть «Братскую ГЭС», отменили отмену, и играли.

21 октября

Шумов рассказал, что Доронина была у Фурцевой и рыдала, почему пьесу мужа, Радзинского, «Чуть-чуть о женщине», не пускают, она скоро не сможет играть молодых. Фурцева вызвала Владыкина и кричала на него так, что слышно было в приемной, что он ничего не решает, не говорит ни да, ни нет. Дала неделю сроку, чтобы решил что-то определенное. Сама она пьесу прочитала, и ей не нравится. Сказала, что, если хотите, чтобы нас коллективно высекли, то пускайте, нам за эту пьесу не поздоровится. И тут пришел Радзинский, чтобы взять стенограмму Худсовета, сверить свое выступление, и я ему все рассказала.

29 октября

В кабинете Голдобина — обсуждение спектакля Театра на Таганке «Тартюф».

Малашенко: «Перевод неверный, осовремененный, ритм не тот. Спектакль не о Тартюфе, не о химере, взятой с собора Парижской Богоматери, а о том, как было тяжело художнику. Да, это возможно, но театр показал, как слаба труппа: нетренированные актеры, нет второго плана. Излишки — лезгинка, бокс, палка в прорехи. Обращение в публику Смехова о праве художника — этот кусок надо посмотреть, проверить, текст надо лишить лжерусификации. Нет никаких ассоциаций, которые могли бы навредить, поэтому может идти. Вхождение в чужую „маску“ бессмысленно».

Жуков: «Более профессионально скажет Бояджиев, а мое

ощущение: спектакль очень удачен по решению, жанр комедии масок, сатирической комедии. Многословность и растянутость сокращаются за счет ритма. Удачное попадание театра, ему лучше удаются комедии. А недостатки исполнения должны уйти в процессе роста спектакля. Излишнее есть — отрывание головы у собачонки, перебрасывание предметов через ширмы. Тема художник и общество — это просто действительность диктует, что художник и его позиция в обществе — это очень важно. Спектакль решен с больших гражданских позиций, честно».

Реплика **Голдобина:** «Обратите внимание на темы: Мольер — Король, разрешение-запрещение, обращение в зал, то есть те моменты, которые нас настораживают».

Григорьев: «Перевод во многом определил решение этого спектакля, перевод Донского после Лозинского. Одни считают, что надо сохранять архаику, а другие — что надо переводить на современный язык. Это современный перевод, здесь и купюры законные. Так вот, передает ли перевод и спектакль эту ненависть к лицемерию и его опасность? „Дон Жуан“ Мейерхольда где-то навеял этот спектакль. Обращение в зрительный зал — тоже традиция, Сганарель тоже обращается в зрительный зал. Актерские работы только намечены. Но поскольку спектакль передает душу пьесы, это дает ему право жить. Обращение к Королю — ничего нового нет, что Король — кукла, кардинал — кукла, это все восстанавливает реальную историю с реальной пьесой „Тартюф“».

Шумов: «Мне кажется, что обсуждение, которое идет сегодня, — это три категории рифов и мелей. Первая — трактовка пьесы. Театр очень корректно прочел пьесу и вытащил тему антиклерикализма. Вторая — о ней говорить труднее. Творец и общество — это главная тема данного театра, и здесь он ведет себя довольно корректно. Третья есть пересол в сценической игре. Но в целом театр проявил такт, вкус и раскрыл тему художник и общество так, что не нужен тяжелый разговор с театром, как это было раньше, хотя бы со спектаклем „Послушайте!“, лишь кое-где надо убрать пики режиссерского решения».

Емельянов: «Обращение в зрительный зал. Дело в том, что четвертая стена появилась довольно поздно, в театре Антуана, у Станиславского. А Мольер весь построен на обращении со зрителем впрямую, у Мольера вообще допустимо прямое обращение со зрителем. Тем и была интересна проба Станиславского сыграть его с четвертой стеной. Да, Мольер очень широк, и это он тоже, видно, допускает, но в основном Мольер — театр представления, и здесь законы соблюдены, и нельзя от театра требовать больше того, чем он может дать. Это один из тех

счастливых случаев, когда театр общается уже с жизнью и от нее получает ответные реплики, высший класс театра. Театр адекватно передает пьесу. Мольер не против общества, а за, он против пороков общества. Текст современный, ну что, по-моему, текст очень хорош».

Голдобин: «Я не согласен со всеми вами. Любимов — человек талантливый, но ему мешает какая-то заданность, злость, в спектакле все идет не от мольеровского замысла. Нет глубокого, социального, философского звучания. Прием ширм, масок — когда из них выходят, то играют уже не 300-летней давности Мольера, а сегодняшнего. Этого сквозного приема не хватает на полнометражный спектакль, становится скучно. У нас „Тартюфа“ не запрещают, а играют в полную силу, разоблачая ханжество, а для Любимова не это важно, он вытаскивает запрещение-разрешение, вот и вытащен Король и обращение к нему. Обращение к зрителю — не то что вообще не обращаться, а с чем это обращение и подмигивание. Тему разрешения-запрещения надо выжигать каленым железом, она сейчас работает против нас, столько событий в мире, что нельзя закрывать на это глаза. Эта тема для нас нецензурна. Главное, что меня смущает, — это интермедии».

30 октября

Сегодня я сидела в приемной перед кабинетом Тарасова вместо секретаря (мы часто ее замещаем), а в кабинете находились Радзинский, Цирнюк, Симуков, Тарасов, Владыкин. Было слышно, как Цирнюк «пела», высказывая Радзинскому свои «соображения» по его пьесе «Чуть-чуть о женщине».

Цирнюк: «Когда Вы говорите о пьесе, что бы Вам хотелось в ней выразить, то я Вас понимаю, а когда читаю пьесу, то мне не хватает ясности. Да, пьеса о женщине, о ее судьбе, это важно. Но если она — личность, надо, чтобы в пьесе это было ясно, чтобы она совершила поступок, это доказывающий. Для Вас женщина — это то, что она хочет быть любимой, быть женщиной. Нет, не это главное. Пьеса, я Вам это и раньше говорила, немного забытовлена. Я, может быть, имею право так настойчиво говорить об этом. Ну вот возьмите меня, я ставлю себя в положение Вашей героини — и не верю. Вроде в частностях все правдоподобно, но вот в чем-то главном — нет. Равновесие общественной личности и личного должно быть. Я хочу, чтобы она это несла в себе. Личность и женщина, а не так женщина, которая… Я хочу передать Вам, что меня очень волнует. А Ваши переделки — это

просто уступки нашим требованиям. Мне бы хотелось, чтобы семейные проблемы стали предметом искусства, чтобы они стали граждански значимы».

Стал говорить Радзинский, и сначала было плохо слышно, но потом он «разошелся»: «Проблемы жизни — вот главное, а мы о них не пишем, малейшая попытка о них писать пресекается. Круг информации чудовищно расширился, значит, задача — не сужая его, говорить о главном. Проблема счастья людей — государственная, она существует, об этом надо обязательно говорить. Как люди ранят друг друга — невероятно важно говорить и об этом. Мы морально необразованные. Для меня жить это жить не только днями, а и ночами, в крови должна быть твоя работа».

До этой встречи Шумов говорил, что Радзинскому дали полный отказ, и Симуков по этому поводу сокрушался. Когда же после записанной мной беседы я видела Радзинского, у него было неплохое настроение, он сказал, что все развертывается в обратную сторону, что Ушаков (директор МХАТа) сам разыскивал его и режиссера спектакля Л. Хейфеца[30], и сегодня вроде разговор кончился тем, что он должен кое-что скорее, скорее доделать, кое-что дописать, и все будет хорошо. Что-то не верится.

31 октября

Обсуждение спектакля Театра «Современник» «На дне».

Емельянов: «Спектакль продолжает традицию Товстоногова — „смерть горьковедам“. Здесь не очень-то компрометируется Лука, как это было в традиции. У Горького Лука не делает ничего никому плохого, он чист, в роли нет материала для его разоблачения, вот здесь актер так и играет. Сатин — Евстигнеев подает его как шулера, а как философа топит. Нарочитое заземление, спектакль очень забытовлен. Горькому надо было кому-то дать монолог Сатина, и он был дан Сатину. У Станиславского этот монолог не получался, а потом он научился его говорить. Здесь этот монолог произносится естественно».

Григорьев: «Вся история пьесы в двух словах. МХАТ Луку принял как персонаж положительный, а через 30 лет в статье „О пьесах“ Лука толкуется как персонаж отрицательный. Но Москвин ответил, что будет играть как написано, положительно. И вот это сегодняшнее прочтение, как написано у Горького, — „уважать надо человека“».

Симуков: «Владимир Петрович (Григорьев) правильно

говорит, что Сатин подхватывает слова Луки о том, что надо уважать человека».

Цирнюк: «Мы так уже привыкли к остроте, что, когда нет интермедий, нам не хватает этой остроты».

Голдобин: «Они идею гуманизма очень по-своему наполняют современным содержанием: „Человек выше сытости“ — вот главное в этом спектакле».

4 ноября

Синянская рассказывала, как при ней Голдобин докладывал Тарасову об обсуждении «Тартюфа» в московском Управлении. Что Управление спектакль захвалило напрочь. Потом абсолютно беспомощно, но «зубодробительно» выступила Хачатурова из Министерства культуры РСФСР. И после нее Голдобин велел выступить Шумову, а сам он, мол, выступать не будет. И Шумов, по словам Голдобина, выступил прекрасно, критиковал по-деловому и вносил предложения. А сам Шумов выразился о своем выступлении: «Я пытался угодить и начальству, и театру — и мне это удалось». А потом выступили друзья театра — Вознесенский, сестры Толстые. И вот Голдобин делает «ход», выслушав их всех, он берет слово и, расставив все точки над «i», покидает обсуждение. Остались Шумов и работники Управления и «проходились» по спектаклю конкретно, Любимов несколько раз выходил, возмущенный их требованиями, но возвращался. А требовали вообще выбросить интермедии, но потом их уменьшить и усилить антиклерикальную тему, чтобы пьесу запрещал кардинал.

5 ноября

Заходил Рыбаков, держится хорошо. Громов отпал, теперь вроде уже речь о Солодовникове. А Будорагин разговаривал со Свободиным, и тот высказался, что, может быть, простят Рыбакова. А Шумов сегодня рассказал, что из издательства «Искусство» было письмо, в котором спрашивалось, как быть с теми работниками журнала «Театр», которым полагается премия, а они подверглись персональной критике. Директору ответили, что вообще премию платить журналу надо, а тем, кого персонально критиковали, может быть, давать и не надо.

6 ноября

Разговаривала с Цирнюк. Она сама начала с того, что вот на праздники берет с собой три пьесы — два варианта «Соловьиной ночи», чтобы сверить, оказывается, у варианта театра Маяковского «лит» снят, и надо снова посылать в Лит, и пьесу Розова «На беговой дорожке». Про пьесу Розова она говорила, что это случай еще труднее прежнего, в частности «Традиционного сбора», потому что, когда начали выступать против «Традиционного сбора», пьеса уже была в Лите, и даже «Большевики» тоже были в Лите, а сейчас у пьесы Розова уже очень много врагов и противников, а пьеса еще у нас, никуда не выходила. Фурцева ее прочитала, у Цирнюк есть экземпляр с ее закладками, в принципе она вроде «за», но замечания есть. И вот Цирнюк должна подготовиться к встрече с Розовым. Она говорила, что, когда Розов отражает жизнь, все хорошо, а начинает философствовать — нелогично получается. Вот о «всадниках», формально ни Леву, ни Аллу этим именем назвать нельзя. Она рассказывала о разговоре с кем-то из ЦК, когда тот говорил, что Розов пишет антисоветские пьесы, а она вроде объясняла, что нет.

12 ноября

«Тартюф» на Таганке был объявлен «особо», без конкретной даты показа. Но 9 ноября его сыграли на зрителе, так как перед пришедшей на «Галилея» публикой вышел на сцену охрипший Высоцкий и обратился к залу, что он не может играть «Галилея», так вот, не возражают ли они, чтобы театр сыграл новый спектакль. Зрители согласились. Тогда их попросили погулять по фойе минут 40, пока сменят декорации. А сами в это время позвонили Сапетову и сказали: или отменять спектакль, или сыграть «Тартюфа». Тот высказал несколько «теплых» слов и разрешил, а потом директору и главному режиссеру дали выговор. На этом спектакле были жена и сын Голдобина, они рассказывали, что зал ревел от восторга, долго благодарили.

Сегодня утром Челомбитько пригласила меня в 14 часов на обед в ТТДРИ, который устраивает Министерство для чехов — Фелбабы и еще одного, приехавшего из Минкультуры Словакии. Я отказалась, сославшись, что не одета, а Шумов пошел с радостью, как всегда. И вот как хорошо, что отказалась. Всего было 8 человек, трое чехов, третий из посольства, и пятеро наших. Как рассказывал Шумов, представитель посольства говорил, что есть плохие чехи и есть хорошие, вот они хорошие, а Фелбаба — что его приняли очень хорошо, и все добивался от представителей

Управления внешних сношений, чтобы его театр пригласили на гастроли, если не в Москву, то хотя бы в Киев.

Для наших «психарей» всегда есть повод. В «Советской культуре» сегодня дано сообщение, что во МХАТе готовится пьеса Радзинского «Чуть-чуть о женщине», забегали, кто дал сообщение, почему, мы ведь против. Шумов звонил в газету Игнатовой, откуда взята эта информация, та сказала, что дал театр.

13 ноября

Ровно в 9 часов явился Эрин, он с 15 апреля ушел из Минска после разговора с Солодовниковым. И вот до сих пор не решается, что же он будет делать в Малом театре — то одну пьесу предлагают, то другую, а потом опять все меняется. И на вопрос Шумова, как у Вас дела в Малом театре, он ответил: «Как у всех, кто имеет дело с Малым театром». Шумов спросил: «Что же сейчас-то предлагают, Шатрова?» Эрин: «Да нет, она же еще в стадии обсуждения». Когда Эрин ушел, я спросила у Шумова, о какой пьесе Шатрова идет речь. Он ответил: «Пьеса о Брестском мире, но ее надо переделывать, а то там Куйбышев против Ленина выступает, а Бухарин хороший». Я: «Но ведь это историческая правда», — а он: «Ну, значит, надо Куйбышева свести до минимума». Вот тебе и восстановление истины.

21 ноября

Позвонила Бутрова из Управления внешних сношений насчет направления БДТ в Англию и Францию, что Фурцева сказала «нет» и насчет театра Вахтангова колеблется, а хочет послать Малый театр.

Пришел Шумов и рассказал, как проходило партбюро по вопросу подготовки к отчетно-перевыборному партсобранию. Велели переделать доклад и обновить состав партбюро.

А потом пришел Солодовников, которому хотят дать строгий выговор за «самостийность», а он, «плача», просил, чтобы его сделали главным редактором журнала «Театр», а он будет таким редактором, что все ахнут.

По словам Цирнюк, московское Управление категорически против пьесы Розова.

Зайдя к Тарасову, я слышала, как он кому-то говорил о «На дне» в «Современнике», что есть элемент иронии в произнесении слов о Человеке.

Отчетно-перевыборное партийное собрание. Доклад Малашенко.

Малашенко:

«Были три основные задачи. Первая — подведение итогов юбилейного года, вторая — анализ работы театров за этот период, третья — подготовка к 100-летнему юбилею Ленина. В общем, план основных мероприятий выполнен. У работников искусств, у работников театров возросла политическая активность, изменился репертуар, ушла мелодраматичность, особенно на периферии. Основное место занимают масштабные произведения. „Оптимистическая трагедия“, „Шторм“, „Любовь Яровая“ идут по всей стране. Большинство лучших пьес создано в нашей Репертуарной коллегии: „Дипломат“, „Трилогия“. Сегодня мы знаем все лучшие коллективы — их наградили.

Были и серьезные просчеты, особенно в московских театрах. В середине сезона появились спектакли, которые нарушили юбилейную афишу — это „Три сестры“, „Колобашкин“, „Доходное место“ — вульгарное осовременивание классики. Коммунисты занимали верную позицию в обсуждении этих спектаклей. Ошибка тов. Зотовой заключается в том, что она не смогла свои личные пристрастия подчинить мнению Управления, и мы, к сожалению, должны были ее заменить.

По итогам Пленума ЦК КПСС в апреле было проведено партсобрание, проведен Худсовет. Сейчас очень важная и ответственная задача — это подготовка к 100-летнему юбилею Ленина. Нам предстоит завершить Болгарский и Национальный фестивали.

Этот год был очень насыщен политической жизнью. По вопросу о Чехословакии мы собирались не раз. Вообще политическая жизнь очень активна, а в театрах как-то слабо отражена, лишь Театр Ленинского комсомола включил в план „Лабиринт“ Софронова. В этом году довольно активно работал семинар».

Шумов: «Завершающийся календарный год почти совпадает с годом работы партбюро. Новому составу надо продумать пути, чтобы работа шла успешнее, без тех огрехов, которые были. По нашему Отделу особенно возрастает роль инспекторов, выезжающих в республики. Вопрос работы театров Москвы тоже имеет особое значение».

Медведева: «Я хочу сказать о докладе — он мне понравился.

Мы часто критикуем, и в этом наша жизнеспособность, но когда услышишь о работе в целом, то понимаешь, как это трудно. Какое событие было для меня самым впечатляющим за прошедший год? Это Худсовет и Репертуарное совещание».

Назаров — «Я хотел бы поддержать многих товарищей, в чьих выступлениях прозвучало, что мы все внимание сосредоточили на Москве, а вот союзным республикам его уделяем недостаточно. А то будет поздно, и мы там можем встретиться с тем, с чем встретились полгода назад в Москве. Как мы еще допускаем невыезды в республики? Кадры критиков, которых мы привлекаем, оставляют желать лучшего, так как снимаем с зарплаты по основному месту работы, и лучшие отказываются».

Тарасов: «Мне кажется, в докладе дана правильная оценка работы коммунистов Управления. За последние три года театры и драматурги достигли новых вершин. Я согласен, что мы не до конца оценили работу театра „Современник“. В Ленинграде Товстоногов сделал великолепный спектакль „Правду! Ничего, кроме правды!“ — страстный, политически темпераментный. У нас есть недостатки, которые нам мешают готовиться к великой дате — 100-летию Ленина. Мы испытываем большое беспокойство, так как драматурги не пишут пьес на современные темы. Некоторые драматурги нам грозят, что „если мы остро напишем на современную тему, то вы пьесу не пропустите“ — я говорю о выступлении Салынского на Худсовете. На Худсовете доказательно говорилось, что Радзинский пишет с позиций мещанской морали. У Розова очень сложная пьеса, герои вне производственных отношений, но за него надо побороться, он драматург божьей милостью. С нас спросят за пьесы, за спектакли, а потом еще и за театральную критику. О внутренней нашей жизни. Мы внесли предложения об изменениях в организации нашего аппарата, там наши функции совмещены с функциями цензуры, поскольку мы, по существу, их осуществляем». (Рассказывает структуру.)

Владыкин — «Как коммунист, я хочу кое-что сказать о жизни Управления и работе партбюро. Первый тезис: наше искусство сформировалось как искусство революционного пафоса. И второй тезис: наша непримиримость к буржуазной идеологии. У нас маловато таких пьес, которые соответствовали бы этим тезисам. Мы сами пьес не пишем, но как-то нам надо помочь драматургам. Я вчера и позавчера говорил с Розовым очень осторожно, отдавая дань его таланту. Тут же появились все, даже Товстоногов — сработал беспроволочный телеграф, — и реагировал очень нервно на рассуждения о гражданственности, об отсутствии которой в

пьесе Розова мы говорим. Я не говорю о пьесе Радзинского, где женщина есть, но нет никаких признаков советской женщины. И это особенно обидно, потому, что речь идет о талантливых людях. Ведь Розов в первой тройке драматургов и он не приспособленец, он так думает. А его приятели ему твердят: „Ты написал гениальную пьесу“. Даже Ефремов и Товстоногов говорят: „Вы не так читаете, не так понимаете, это волнует“».

13 декабря

Сейчас сбежала с панихиды по Осипову. Вот и конец, а уж до чего суетился, все боролся с «антихристами», вынашивал идею Главреперткома.

Вообще, смертей в этом месяце полно. Умер Р. Симонов. А сынок, еще не похоронив отца, уже пошел к Фурцевой (пошел 9-го, а хоронили 10-го), чтобы его сделали главным режиссером Театра Вахтангова. И вот вроде уже есть приказ, в театре бунт, но это его не волнует. А я 11 декабря разговаривала со Спектором, и он сказал, что пусть он будет просто режиссером, но не главным, а входит в состав художественного руководства, спектакли он может ставить, но быть главным — нет. И вот те раз.

Да, «Цену» Миллера Товстоногову разрешили. «Дуэль» пошла. Но Сапетов продолжает радеть о советской власти, и, как рассказал бывший сегодня у нас замдиректора Театра Моссовета Школьников, заявил ему, что из-за таких пьес, как «Дуэль», и произошли события в Чехословакии. А Владыкин 20 минут внушал Школьникову, чтобы они афиши с «Дуэлью» по городу не расклеивали и меньше ее играли, и что он сошел с ума, если собирается устроить обмен актерами из польского спектакля по этой пьесе в Щетине.

«Два товарища» тоже пошли. 13 декабря играли в ЦТСА, а 18 декабря — премьера в Театре Маяковского. Вроде найден какой-то компромисс, якобы Войнович сказал: «Я не думал, что так получится (письмо попало за границу), я обращался к своему правительству». Как будто Гришин подтвердил свое высказывание, что творчество надо рассматривать объективно и, мол, одно к другому не относится. Якобы Шапошникова сама активно «землю роет», она не рупор Гришина, и он не всегда и не во всем с ней заодно. Верится с трудом, поживем — увидим.

Сегодня видела Челомбитько, которая вернулась из Чехословакии и говорит, что внешне в Чехословакии ничего не заметно, но ненависть мы породили страшную. Когда она позвонила своим друзьям — муж работал много лет в СЭВе, жена

преподавала русский язык, — то муж, услышав, вырвал трубку у жены и ругался площадной бранью, что русские — свиньи, сволочи и чтобы она не звонила. Она думает, что вообще все кончено, что потихоньку все задушат, но сейчас портреты Дубчека в окнах домов, она говорила с теми, кто его знает, что это очень интеллигентный человек, очень мягкий.

17 декабря

К нам в комнату пришел Жуков и сказал, что к нему заходил критик Кораллов и, ссылаясь на информацию из нашей комнаты, говорил, что Мильтиниса не надо зажимать, что одно представление его на звание народного артиста СССР отклонили, а теперь второе представление опять хотят отклонить. Назаров ответил, что он на эту тему с Коралловым не говорил, а как соберутся Тарасов, Голдобин, Кудрявцев, Назаров, Жуков, Образцова (критик), тогда обменяются мнениями. Жуков предложил собраться без Образцовой, при ней он не хочет всего говорить, а то она использует это в своих целях. Назаров сказал, что вряд ли, надо ее изолировать, ведь ее посылало Министерство, как и их. А Жуков стоит на своем. Когда-то он вместе с Комиссаровой Мильтиниса называл фашистом, а теперь он против него усиленно настраивает начальство.

18 декабря

Вчера была в Театре Пушкина на «Воскресенье в Риме». Безвкусица, пошловатость. А когда я сегодня утром разговаривала с «хозяйкой театра» — секретарем дирекции Анастасией Петровной, то она мне подтвердила, что замысел и не волновал Равенских, он сказал, что после «Поднятой целины» и «Метели» может себе позволить и такое, а на вопрос, для чего в спектакле танец-стриптиз, ответил, что у актрисы хорошая фигура.

А сегодня — продолжение жуковского сволочизма. Он пошел к Тарасову высказывать свою точку зрения на Мильтиниса. К тому же клепал на Назарова и Образцову, вплоть до подлости. Назаров, мол, как руководитель неверно себя вел, что обсуждение было с вином, что Образцова плохо говорила, что система работы Мильтиниса с актерами, его идеалы, тема его в искусстве Жукова не устраивают.

Назаров разговаривал с Хачатуровой. Она рассказала о партийном перевыборном собрании в Ленкоме, где Днепрова

«прокатили». Покаржевский, как секретарь райкома, объявил голосование недействительным, сославшись на то, что не было поименного обсуждения кандидатур, и назначил новое голосование, но результат был тот же, голос в голос.

Сартра ставить не разрешают, даже его пьесу о французском Сопротивлении «Мертвые без погребения», он «плохо» себя вел в эти времена. Сартра хотел ставить, вернее уже поставил, Кишиневский театр.

20 декабря

Театр Гоголя. Обсуждение спектакля «В душной южной ночи».

Виноградов (московское Управление культуры): «Театр повоевал за эту инсценировку, и вот, по-моему, удалось выявить не только детективную сторону пьесы. Два основных образа — белый и черный, хотя оба в полиции, но с разной психологией».

Закшевер: «Текст пьесы построен по известному сценарию и роману. Когда думали о переносе этого сценария на советскую сцену, то встал вопрос об изменении акцентов. Первое: чтобы снять акцент с южной ночи, нужно говорить вообще о той ночи, которая стоит над Южной Америкой и над Северной тоже, это сделано редактурой. Второе: атмосфера насилия характерна для сегодняшней Америки — отсюда речь в театре о проблеме убийства, о проблеме насилия как такового».

Трубин: «Спектакль в целом производит положительное впечатление, но, по-моему, он как-то не закончен. Пьесе можно было бы предъявить претензию, что она написана с позиций Вашингтона. Социальный конфликт где-то притупляется оттого, что очень добрыми показаны полицейские, надо все это делать жестче. Мне думается, учитывая весь комплекс международных ситуаций, надо усилить весь лагерь этих ку-клукс-клановцев, это усилит социальное звучание».

Мирингоф: «Меня не занимает тема убийства. Можно ведь воспринять и так — как американский полисмен освобождается от расизма, становится демократическим человеком. Расист, который ненавидит негра, и негр, который ненавидит расиста, — как постепенно они оттаивают».

Синянская: «Я отношусь к числу тех, кому пьеса очень нравится. Что нравится? После дядюшки Тома из „Хижины дяди Тома“, который хотел всего лишь куда-то подняться, и все, — вот этот поднялся, имеет образование, деньги, но стал ли он от этого счастливее? Нет. Им просто пользуются, как нужной вещью. Новое здесь — и эта атмосфера всеобщего убийства».

Назаров: «По-моему, главное, что пьеса нужная…»

Я ушла, у меня лежала нерасписанная «афиша»[31], и должен был прийти поляк.

25 декабря

Сегодня Эфрос сдает «Счастливые дни несчастливого человека». Утром зашел в нашу комнату Голдобин и спросил Назарова: «Кто идет от вас? Идите только Вы и Трубин», то есть я не должна идти на просмотр. Вообще сегодня два просмотра, в 3 часа еще в Театре Моссовета «Двери хлопают», на который идет Владыкин, а на Арбузова он просил пойти Тарасова. Не только Симуков, Цирнюк, Трубин и Назаров, на Эфроса пошли и все остальные, вплоть до Белки и Кандеевой, не пустили только меня. Ну что ж, посмотрю на премьере, только бы разрешили. Вернулись, впечатления — Белка: «Гениально». Емельянов тоже близко к этому. Симуков: «Я не понимаю пьесы, но сказал и Родионову, и нашему начальству, что выпустил бы сразу».

26 декабря

Утром Емельянов рассказал про обсуждение спектакля «Счастливые дни несчастливого человека» у нас в Управлении. Цирнюк плакалась, что Эфрос испортил пьесу, что вот у Товстоногова она принимает спектакль на 100 %, а у Эфроса — нет, что в центре должны быть переживания героя, а этого нет, что ей вообще не ясна мысль спектакля, нет главной мысли, о чем-то они говорят, а о чем — не ясно. Малашенко говорил, что таких плохих непрофессиональных спектаклей и в провинций не увидишь, что надо его выпустить, и пусть спектакль сам умрет, ходить на него никто не будет. Симуков — что когда искусство перестает быть эмоциональным, оно умирает. Голдобин заявил, что он в трудном положений и ему не хочется идти на обсуждение. Он считает, что спектакль никакой, с фрейдизмом.

А Сапетов на обсуждении спектакля «Двери хлопают» в Театре Моссовета по поводу Эфроса был в бешенстве, что спектакль надо не выпускать, что это спектакль о шизофренике, что после этого спектакля руки хочется вымыть, и нападал на Прибегина, что тот там (в Театре на Бронной) не был категорически против, что был «мягок». И дальше во всех театрах и всем вдалбливал эту мысль. Так, в «Современнике» на сдаче «Мастеров» говорил Ефремову: «Вот у вас приятно принимать, а

то вчера у Эфроса…» и т. д. Потом — в Театре Станиславского, что Эфрос оправдывает отрицательного героя. И это все еще до официального обсуждения спектакля.

Звонок Галины Георгиевны: студенты ГИТИСа, по словам Н. Чефрановой, в восторге от спектакля Эфроса, что это гениально.

28 декабря

Была на «Месяце в деревне» у ермоловцев. С огорчением в роли Ракитина увидела Круглого, значит, он ушел от Эфроса. Спектакль средний, симпатичная Уралова, интеллигентный, ироничный Круглый, а Лакирев — очень неважно. Как сегодня цинично сказал про спектакль Закшевер: «Классики нет, режиссуры нет, актеров нет, значит, ничего страшного — пусть играют».

30 декабря

Назаров говорит, что на его вопрос об Эфросе — Арбузове ему ничего не отвечают, то ли до сих пор ни на что не решились, то ли скрывают. Да, уж боятся, это точно, ведь Фурцева весной видела спектакль и сказала «нет». Тогда и Арбузов возражал, а теперь он «за», абсолютно «за». Что же будет? Будем надеяться, а вообще, ни за что поручиться нельзя.

А сейчас я сижу на спектакле Театра Моссовета по пьесе Алешина «Другая». Скука страшная, героиня (Чернова) — никуда, но зато пьесу «укрепили», общественное лицо героини налицо, это тебе не Радзинский. Жженов — чистый Голливуд, одна улыбка белозубая, а что же ему еще делать?

Голдобин попросил телефон П. Маркова, в субботу к нему посылали Трубина, наши никак не могут «создать» вступительное слово Министра на 70-летнем юбилее МХАТа для сегодняшнего торжественного вечера.

31 декабря

Прошел слух, что Родионов сказал, что спектакль Эфроса мрачный и его выпускать не следует. Но выяснилось, что Родионов лишь отметил, что в Ленинграде спектакль лучше, а этот с недостатками, но тоже может идти.

1969 год

2 января

Вечером была у Бориса Владимировича. Спросила его, какой принцип должен быть заложен, на его взгляд, в нашей театральной выставке в Японии, кого экспонировать. Борис Владимирович ответил: тех, о ком хоть что-то знают, нужно проложить хоть какую-то ниточку к сознанию и интересу японцев. Самых могикан и современных, о ком могли слышать, и чем можем похвастать. Поэтому — Станиславский, Мейерхольд, Таиров, Немирович — Данченко и современных — Товстоногов, Кедров и т. д., а то у нас не выставки делают, а историю советского театра. А выставка должна идти от предмета. Вот, например, меч, с которым Станиславский играл Шуйского, или портрет Улановой и ее балетная туфелька.

Говорили об Ионеско, Беккете, Пинтере, что мы их не знаем, а ко всему надо привыкнуть, потому не понимаем. Ищем логику на сцене, вот хотя бы я не поняла Пинтера «День рождения Стенлея», а ведь в жизни живем среди полного отсутствия логики и не задаем вопросов, почему и зачем. А там, в Варшаве, сидя в театре, я задавала себе этот вопрос. Но я хоть отдаю себе в этом отчет, а наши не отдают, просто отметают. Непонятно — значит, не годится.

А потом я провожала Бориса Владимировича до магазина. По дороге он говорил, что у него хорошая способность отбрасывать и забывать о том куске жизни, что прожил, и оттого, что таких кусков очень много, жизнь ему кажется очень длинной, и что вообще он человек монолога, а есть люди диалога, им нужны партнеры во всем. Потом я поехала домой, а он пошел к себе ждать Галину Георгиевну из театра с француженкой, которая гостит в Москве (я доставала им билеты на «Турандот» и «Галилея»).

Позвонила о двух билетах на «Галилея» для Головашенко Дупаку, а он меня спрашивает: «Вы какими странами занимаетесь?» **Я:** «Всеми». **Он:** «Так вот, когда же наш театр поедет за границу? Его же все приглашают, этот вопрос сам горком поднимает». **Я:** «Пусть они не фарисействуют, стоит им мигнуть Министру — и поедете, они всегда в основном камень на дороге». **Он:** «Ну, я позвоню Бутровой в Управление внешних сношений, так как последнее приглашение из Англии она забрала».

6 января

Утром пошла к Тарасову по поводу выставки в Японии, изложила «свое» мнение, а он говорит: «Я себе не представляю, как это будет», и все о ленинской теме толкует.

Зашел к нам в комнату Кудрявцев, который готовил на коллегию Министерства вопросы по Эстонии, и стал жаловаться (больше-то ему некому), что все его перед коллегией предали, что обыкновенно, когда на коллегию выносится наш вопрос, Голдобин и Тарасов доклад вместе несколько дней всегда пишут, а тут никто, ничего. Только Владыкин три раза звонил и все просил «не обострять», не «затрагивать», а потом Фурцева злилась, что все сглажено, вообще вела себя непотребно, перебивала. Потом вступил в игру замминистра Попов, задавший вопрос о направлениях, течениях и борьбе в эстонских театрах. Тут ему ответила А. Образцова, которая очень хорошо, на взгляд Кудрявцева, выступала и вела себя по-товарищески. Она говорила о тех тенденциях, о которых велел молчать Владыкин, о новых пьесах, о «Золушке», об Ирде.

Зашел Школьников, рассказывал, что Завадскому все звонят, перепугались, извиняются за обсуждение спектакля «Двери хлопают», ведь он один остался, все остальные были против. По словам Школьникова, Завадский со всеми здорово разделался и всех, в сущности, выгнал, а спектакль, конечно, пойдет. Говорил, что на «Дуэль» зрители ломятся, хоть спектакль играется ночью, что «Другая» очень хорошо принята зрителем.

Звонок Зайцева, напоминающий, что сегодня в три часа обсуждение «Счастливых дней несчастливого человека». От нас на обсуждение пошли Голдобин, Симуков, Цирнюк. Все утро они сидели запершись.

7 января

Прежде всего заглянула к Симукову, чтобы спросить, как прошло обсуждение, но у него сидел Малашенко, я не стала спрашивать. Тогда позвонила Зайцеву, он говорит, все в порядке, что очень много замечаний, но это ничего, сделаем. Нападали больше всего Цирнюк и Закшевер. Симуков говорил, что спектакль совсем безэмоциональный, но он не против. Очень хорошо выступил Арбузов. Подытоживая, Родионов суммировал все плюсы и минусы и сказал: «Вот еще поработаете, и покажите еще раз». Но тут очень хорошо выступил Эфрос с просьбой поверить, что замечания будут учтены и что две недели до 23-го

поработают, а 23-го на зрителе сыграют и покажут всем, оставив 50 мест. Сам Зайцев после Эфроса тоже просил, чтобы поверили, а то все планы нарушатся, и «Золотую карету» надо выпускать, и Шекспира, и «Капитальный ремонт», и «Гибель эскадры» хочет ставить Эфрос, надо же готовиться к 100-летию Ленина. Ну вроде договорились. **Я:** «А ничего до этого не случится?» **Он:** «Нет, мы же пускаем в продажу билеты».

Пришел главный режиссер Молдавского театра Петровский и сказал, что они Сартра все-таки репетируют, так как отказ они получили вроде не от нас. ЦК Молдавии звонил в ЦК КПСС, и там тоже ничего вразумительного не сказали, полная растерянность. Если, мол, Сартр за это время еще чего-нибудь «такого» не скажет и спектакль получится хороший, то пустят его там, вот и все.

8 января

Сегодня иду в «Современник» на «Мастера».

Утром зашла к Тарасову, а он с Голдобиным и Симуковым у Фурцевой по поводу Таганки, какое-то совещание.

Звонок Челомбитько, что надо согласовать состав представителей театральной прессы, посылаемой в Чехословакию по решению ЦК, для укрепления связей и просмотра театров, которые должны приехать на будущий год: это Щербина — журнал «Театр», Игнатова — газета «Советская культура», Моравик — журнал «Театральная жизнь».

11 декабря исполнилось 50 лет Солженицыну. Сейчас пришла Лена Рождественская, бывший завлит «Современника», которая с ним общалась, когда он отдал туда пьесу «Олень и шалашовка»[32]. От ее рассказа пахнуло какой-то чистой, святой жизнью. 15 декабря она была в Рязани и зашла к нему домой, он спал, так как всю ночь нарочно приносили телеграммы, и в два часа, и в четыре часа, телеграммы были от Белля, из Чехословакии, в них желали здоровья и спокойствия, так вот это спокойствие и решили нарушить. Только в Рязани 15 декабря он получил 500 поздравлений. Лена показывала портрет Солженицына, подаренный им ей с надписью, и письмо, в котором он говорит, что помнит ее хорошо и желает ей покоя и всего хорошего. Говорила, что он сугубо русский и любит все русское, что Кафку не любит. Подарков никаких не принимает, а все отправляет обратно сразу с почты, не распечатывая, а шлют ему много со всех концов мира. Живет уединенно, ни с кем не встречается, в Москве по делам бывает дня по два, встречается с друзьями на полчаса. Торопится, пишет, пишет. У него сейчас

бывают сильные головные боли, жена за него боится. Ему дали 4-х комнатную квартиру, но в ней довольно тесно, так как вместе с ним живут еще две какие-то тетушки-старушки. Жена его преподает и получает 350 рублей, на то и живут. Он сделал для кино сценарий — отказали, но 40 % выплатили, тоже хоть какие-то деньги, хотя ему ничего не надо, абсолютно бессребреник. К нему хорошо относятся очень многие, шлют ему всю литературу новую, по всем отраслям.

9 января

Вчера к вечеру поехали в больницу навестить Шумова — Тарасов, Голдобин и я. Когда мы выходили, то Тарасов сказал, что для меня есть поручение — организовать концерт для ЦК КПСС (как тогда!), для секретарей обкомов, которые здесь будут на семинаре. Этот концерт должен быть или 31 января, или 4 февраля. Я ему напомнила, что не занимаюсь московскими театрами, это задание для меня странно. А он: «У Вас опыт, я Вас научил, а теперь я сам этим заниматься не буду». Я: «Ну, опыт приобрести никому не мешает, за учебу спасибо, но вообще все выглядит юмористически, я и так половину дел московских театров веду». Молчит. Голдобин рядом идет, молчит.

У Шумова — и смех и грех. Голдобин — Шумову: «Без Вас Осипова похоронили», а Тарасов ему в тон: «Я его за неделю до смерти навещал». Это в стационаре больному сердцем, при его душевном состоянии — чудовищная пародия. Тарасов и Голдобин рассказывали, как прошел юбилей МХАТа, а Голдобин — о том, как он вручал адрес Плятту, там водка была в ведрах, из которых Плятт разливал. Я, видимо, мешала откровенно рассказать, как прошла встреча у Фурцевой с театром Любимова, но они говорили, что все было очень мило, она была добра, и все о'кей.

Потом мне об этой встрече рассказали более подробно. Театр потребовал встречи, чтобы объясниться, что происходит, почему к ним такое отношение. С ними пришли и Аникст, и Можаев, и Вознесенский. Любимов резко говорил, что он создал хороший театр, а его травят, просил защитить от всяких райкомов и т. д. Можаев сказал, что его пьеса сделана по напечатанной повести, а ее не пускают. Вознесенский настаивал, что его пьесу надо ставить, он ничего больше делать не будет. Присутствовавший на встрече Министр культуры РСФСР Кузнецов заявил, что театр идет против политики государства, линия театра не совпадает с линией партии. Но Фурцева вроде сказала, что в обиду их не даст[33].

А после посещения Шумова я вчера в 20 часов смотрела в «Современнике» спектакль «Мастера». Спектакль очень приятный, своеобразный, передан национальный колорит, чистенький, точный, только очень жмет Козаков. Вертинская хороша, хрупкая, трепетная, какая-то неземная, действительно ангел.

А сегодня утром зашел к нам Голдобин, искал материалы по Армении в столе у Назарова, чтобы Емельянов написал по ним справку для Фурцевой, которая едет в Армению. Я спросила у Голдобина и Емельянова, кого бы нам рекомендовать для поездки в Америку для чтения лекций по приглашению США за их счет, но с условием — это уже известность за рубежом и свободное знание английского языка. Емельянов сразу назвал Аникста, на что Голдобин съязвил, что «Аникста мы можем пустить до Тетюшей и обратно — не дальше», Емельянов был возмущен и даже удивлен таким цинизмом. Он потом мне все говорил: «Как он мог?» а я уж настолько привыкла, что перестала удивляться. Потом они совместно называли вернее, называл Емельянов, а Голдобин слушал — фамилии Кеменова, Лифшица… Голдобин предложил Караганова.

А в 17 часов 30 минут был семинар, на котором я сидела рядом с Тарасовым, и мы разговаривали. Дело в том, что сегодня вечером «немцы» из ГДР после спектакля должны были встретиться с Эрманом и Шатровым (Ефремов в Ленинграде), но Эрман позвонил и предупредил, что встреча отменяется, так как у него более важное задание. Так вот, я у Тарасова спросила: «Что такое сегодня в „Современнике?“ Почему они не могут принять немцев после спектакля?» А он: «Сегодня „Большевиков“ смотрит Ленинская школа, где учатся зарубежные товарищи „искусству революции“, у них многие с троцкистскими взглядами». Я: «Это очень интересно, кто их к нам направляет?» Он: «Соответствующие ЦК», а потом добавил, что это у нас мало известно. Я его заверила, что никому не скажу. Так вот почему Эрман говорил, что не может по телефону объяснить причину отказа.

11 января

Дежурила в Министерстве, где прочитала роман Хемингуэя «За рекой, в тени деревьев» — чудо, грустное чудо.

13 января

Была в ВТО у Эскина, разговаривала о концерте для ЦК 2 февраля. Вернувшись, пошла к Тарасову, где слышала его разговор с Владыкиным. Владыкин несколько дней был болен, и Тарасов докладывал ему о том, что происходило в эти дни. Вот, сегодня все говорили у себя, то есть Голдобин, Цирнюк, Малашенко, о Розове и Радзинском. Розова «Сама» велела прочитать и Попову, и Кухарскому. Попов прочитал и на ходу сказал, что у него много замечаний, а Кухарский еще не прочитал. Вот, надо общее мнение выработать и все замечания суммировать. Владыкин, видимо, его спросил, а как относятся к пьесе в ЦК, так как Тарасов стал говорить, что Михайлова и Ильичева читали и обеим не понравилось, что это «сопли». Тогда Владыкин, видимо, сказал о ком-то «высоком» из «того дома», кто придерживается другого мнения, на что Тарасов прореагировал словами: «Да, вот как теперь Михайлова и Ильичева будут в этой ситуации? Им будет трудно, ведь там тоже дисциплина» — а потом опять, хихикая, повторил: «Да, как же они теперь?» Потом Тарасов сказал, что Розов звонил Цирнюк, что он многое переделал, сцену о «всадниках» почти совсем выбросил и т. д. Потом Тарасов говорил о Радзинском, что завтра с ним встречается в четыре часа, что тот теперь не говорит о МХАТе, а какой театр — неизвестно, будет ли играть Доронина — неизвестно, уйдет ли она из МХАТа — неизвестно, что Радзинский говорит: «Давайте я буду работать с редактором, и скажите точно, что не устраивает». «А я ему сказал, что, хоть мы уже и говорили, еще можем сказать — вот встреча и будет поэтому»[34].

24 января

Неделю проболела, последние дни перед болезнью ничего не записывала, в общем-то, и нечего было, кроме нескольких фраз о Чехословакии на обсуждении репертуарных планов во МХАТе. На вопрос Назарова о постановке «Ромео и Джульетты» (должен был ставить Крейча) кто-то сказал, что Крейчу пустили бы, так как он хоть и подписал «2000 слов», но в разгар событий был за рубежом, на что Голдобин заметил: «Только он, наверное, сам не поедет». А когда Тарасов собирал нас, создавая «оперативную группу» в пять человек по Болгарскому фестивалю, то на мои возражения, что лучше меньше, да лучше, ведь проводили Польский и Чешский фестивали два человека, и все было нормально, Артемов сказал: «Так то было до событий, а это после, и надо болгар ублажать». Тарасов подтвердил: «Да, да».

Вчера была на премьере у Эфроса «Счастливые дни несчастливого человека». Пьеса мне активно не нравилась, казалась надуманной. И вот берет ее режиссер, «чувствующий современность кожей» (по выражению об Эфросе Бориса Владимировича), и я в первом акте чуть не разревелась, и было мне больно, и интересно, и лично очень заинтересованно. Ведь это и про меня. Это просто знак времени. Вот такой изломанный, капризный, рассудочный, эгоистичный герой, а почему, почему? В основном сам виноват, но только ли? Вот он, герой нашего времени. И да здравствует глупость, которая считает: раз герой разоблачен, то все в порядке. Правда, второй акт скучноват, затянут, и здесь я больше следила за частностями, что Яковлева необычна для себя — выдержан своеобразный рисунок роли, спокойный и отличный от прежних.

У Ширвиндта же очень ложатся на роль его собственные данные. Подлец, предатель, холодный эгоист, а за этим просвечивает что-то другое, это у автора только маска на герое. А это оформление — высокий станок уступами и на них радужные пятна — зеленые, желтые, фиолетовые, как на неровных ступенях жизни, а за ними черное ничто. И игра в волейбол в первом акте, и мяч и его перекидка в финале — вряд ли здесь можно как-то вразумительно на словах все объяснить, но для создания атмосферы, настроения, каких-то призывов к аллегориям — это так много. И еще интересно: внешне все безэмоционально, все спокойно, все ровно, а ты вдруг начинаешь к середине первого акта так волноваться, в груди у тебя теснятся и закипают слезы, это все тебе так важно, так дорого. Как это напряжение держится у актеров внутри под оболочкой спокойствия, как бы под высоким давлением, как без внешних приемов передалось тебе? Когда я рассказала Емельянову свой впечатления, то он сказал: «Раз на Вас так подействовало, это очень хорошо, значит, не все бесполезно, а то я уж думал, что все бесполезно. Видимо, зритель — вот основной творец спектакля, и Вы — такой зритель». Не знаю, конечно, важно, кто, с чем в душе и зачем приходит в театр. Но театр должен давать ему материал для «творчества», и Эфрос его мне дал, он будит фантазию, рождает ассоциации. Напрашиваются образы всеобщей тоски, напуганности, всеобщего недоверия, призрачности деятельности и вообще жизни. Когда человек в разладе с самим собой, в непонимании, задумавшись, он уже не сможет двигаться, как сороконожка. Это время, наше страшное время.

Сегодня сообщение в газете, что при встрече космонавтов кто-то стрелял в них при проезде торжественного кортежа. Как рассказала Синянская, стрелял 20-летний офицер, ленинградец,

приехавший в Москву к родственникам, кто-то из которых работает в милиции, у кого он и взял милицейскую форму. Конечно, он стрелял не в космонавтов, ранил мотоциклиста и шофера, шофер уже умер. Хотел сам застрелиться, но следующий мотоциклист его сбил, и его взяли. Люда с мужем (я у них вчера была после спектакля) боятся, что это тонкая провокация, как в 37-м году, чтобы вызвать недовольство в народе, что в его любимцев-космонавтов стреляют, и вот, мол, надо опять сажать врагов, а то, мол, развелись.

А в Чехословакии студент Ян Палах сжег себя на Вацлавской площади и оставил записку, что их будет 18, а он счастлив, что ему выпала честь быть первым, что они требуют отмены цензуры и закрытия газеты, которую мы там издаем. По радио выступил Свобода и сказал, что они очень ценят патриотизм Палаха, но не надо идти по его пути — это бессмысленно.

2 февраля

Пришла из ВТО. Сейчас выскочила из большой неприятности. Я уже записывала, что мне поручили организовать концерт для ЦК. Так вот, когда я говорила со Степановой об отрывке из «Чрезвычайного посла», она сказала, что с Кторовым она поговорит сама, но мне и в голову не пришло, что второго партнера — Сафонова она не предупредит, что это должна была сделать я. И Раевский, который предварял отрывок, тоже не озаботился. Дело сложилось так, что времени 6 часов, надо начинать, а Сафонова нет, и когда Раевский позвонил ему домой, он сказал, что в первый раз слышит. Но это ведь удача, что он оказался дома, а если бы нет? В общем, послали за ним машину, а он живет на Горьковской набережной. Отрывок из «Чрезвычайного посла» должны были играть сразу после вступительного слова Царева, но так как Сафонова еще не было, начали концерт с «Конармии» Театра Вахтангова, поскольку Завадского, который должен был идти вторым, тоже еще не было. Приехавший Завадский устроил грандиозный скандал, что он не может ждать и не будет выступать после «Чрезвычайного посла», и поставил ультиматум: или он выступает сразу после «Конармии», или он уйдет и не разрешит актерам играть отрывок из «Шторма». Тарасов и Царев бросились его уговаривать, он вроде согласился пропустить МХАТ, а потом опять мне заявил, что сейчас уйдет. Я опять за Тарасовым, он: «Ну, пусть он выступает». Я так перенервничала, что села в кабинете Эскина и заплакала от этого неуважения друг друга, этих чувств

человеческой злости, почти ненависти, ревности, зависти. А потом Раевский стал куражиться и пародировать, как выступает Завадский, как он играет очками, разевает рот, а его не слышно. Он передразнивал Завадского перед Царевым, а тот улыбался. Вообще-то Царев вел себя на редкость приятно, выдержанно, спокойно, всех успокаивал, шутил. Вот как все непросто — тот прогрессивный, а капризничал как ребенок, а этот ретроград, а в обиходе приятен. Ну, в конце концов все кончилось благополучно. Длилось мероприятие 2,5 часа, так что нормально. Благодарили Тарасова и Царева.

Любопытный разговор был у меня на этом вечере с Солодовниковым, говорили о тех, кто в зале. Он сказал, что с подобными людьми довоенного времени он встречался, тогда они были и умные, и инициативные. **Я:** «Теперь не то?» **Он:** «Нет, если они с тобой откровенны и не боятся, а ты — с ними, то видишь, что они умны и все понимают, но это не находит выхода в жизнь, их жизнь в замкнутом кругу». **Я:** «Так и везде, и в литературе, и в драматургии, и к чему-то это должно в конце концов привести, должно быть этому разрешение». Он согласился. Потом, не помню уж как это вышло, но он сказал, что у него есть одно положительное качество — он не боится, когда его ругают, уж сколько раз был пуган, и не такими, как в зале, а такими, как Маленков и Берия. **Я:** «Вы бы посоветовали и Тарасову не бояться». **Он:** «Пытался, но бесполезно. Сказал, что есть разница, мне 65, а ему 56, и у него семья. Я ему говорю, что так как он работал в ЦК, то ему обеспечена пенсия в любом случае, даже если и в 57, но он не внемлет этим доводам». Заговорили о Владыкине, что он ничтожен и скоро уйдет на пенсию. Он сказал Солодовникову, что как только ему стукнет 60 — он уйдет. **Я:** «А если захочет работать, то ему предложат журнал „Театр“». **Солодовников:** «Нам от этого будет не легче». **Я:** «Да, да, и кто на его место, тоже, может, не легче». **Он:** «Да нет, я вот уж сколько смен видел, все-таки есть какие-то изменения к лучшему». Потом я высказала свой взгляд на замминистра Попова, что он ведет себя, как подручный палач при мадам. В общем, сошлись и здесь, не то что в классике.

В понедельник 27 января из Польши приехал Ежи Соколовский, во вторник пришел к нам в Управление, а Тарасова нет. Они у Владыкина вместе с Голдобиным писали выступление Фурцевой на семинаре, для участников которого сегодня был концерт. Так вот, мы с Синянской Соколовского и приехавшего с ним Навроцкого — завлита Катовицкого театра, где проходят ежегодные фестивали советских пьес, развлекали. Я честно им сказала, что в театрах у нас смотреть особенно нечего, а в этот

день было так плохо, что пришлось отправить их на «Чрезвычайного посла», за что Соколовский мне потом «выдал». В среду 29 января они были на «Верхом на дельфине» в Театре Гоголя, где встретились с Голубовским. А в четверг 30 января был прием в Польском посольстве, куда пригласили всех главных режиссеров и директоров московских театров и отдельных режиссеров, таких как Фоменко. На приеме мы решили, что 31 января Навроцкий пойдет на «Однажды в двадцатом» к Львову — Анохину, а Соколовский — на «Счастливые дни» к Эфросу. Я спросила Соколовского, почему его не сняли за «Дзяды», он ответил, что за них расплачивался замминистра Балицкий, но на работе он остался.

Потом Фоменко пожалел, что я не была 25 января в театре МГУ на Ленинских горах на спектакле «Татьянин день», что теперь показ будет только 15 февраля, и, возможно, в последний раз, так как спектакль не выпускают. 15 февраля будет смотреть все начальство МГУ. Ему хочется мне это показать, так как работа серьезная. Мы договорились, что я приду без 15–20 минут восемь, и он меня встретит.

На этом приеме был Посол, и наш Владыкин в своей «речи» показал себя полным шизофреником, орал, размахивал руками и никак не мог произнести ничего вразумительного. Было очень стыдно.

31 января я пошла на «Счастливые дни» с Соколовским. Ему очень понравилось, по его словам, это современный европейский театр. Мы нашли Эфроса, и Соколовский выразил ему свою благодарность, что спектакль лучше пьесы и в Польше ее так никто не поставит, поэтому поляки пригласят Эфроса поставить эту пьесу, Анатолию Васильевичу было приятно. А у меня Эфрос спросил, как сегодня шел спектакль, лучше или хуже? Я ответила, что в сцене Крестовникова с сыном любимой женщины было слишком много эмоций. Он ответил: «Теперь так играют, а то зрителю будет скучно, спектакль очень длинный». Потом я провожала Соколовского на вокзал, и он рассказывал, как они там живут, что у них серьезная проблема с евреями, так как они сейчас первые требуют свободы, а во время «культа» были первыми ее душителями. Потом он рассказал, что Тымотеуш Карпович ушел из редакции «Поэзии», так как не мог быть официальным лицом (он был заместителем главного редактора) и санкционировать материалы, осуждающие протестующих писателей, и прочее, что стало печататься после запрета «Дзядов», ушел без сенсации, без шума, но поступил так, как велит совесть. Соколовский предложил мне написать письмо, а он опустит его в Польше[35]. Соколовский уехал на несколько дней в Ленинград.

3 февраля

В основном занималась делами Соколовского, доставала пьесы, которые Тарасов в разговоре с ним почему-то вдруг, разрешил ему взять, — это «Два товарища» Войновича и «Однажды в двадцатом» Коржавина. «Однажды в двадцатом» в распространение так и не пустили, «Два товарища» в ВААПе — нет. Позвонила в ЦТСА — тоже нет. А когда я разговаривала с Хачатуровой и упомянула, что ищу эту пьесу, она с удивлением спросила: «А вы что, иностранцам этот спектакль показываете и даже пьесу даете? А мы знаем, что эта пьеса раз решена только для одного театра, и больше никому». При этом она добавила, что все, кто видел, считают, что спектакль в театре Маяковского лучше. Я ничего не стала уточнять, но призналась, что мне больше нравится в ЦТСА, потому что там спектакль ближе к авторскому замыслу. Потом позвонила Войновичу, и он сказал, что у него один-единственный последний экземпляр. Я: «Отдайте, пока начальство разрешило, а то потом неизвестно, что будет». Договорились, что сама зайду. И вот, без двадцати семь я у Войновича. Я думала, просто зайду, возьму пьесу и все. Но он предложил раздеться, так как хочет кое о чем спросить. Ну хорошо. И вот он спрашивает о своих перспективах на периферии. Я передала ему разговор с Хачатуровой. Потом рассказала обо всей нашей жизни. В частности, Войнович сказал, что Малашенко, который присутствовал при беседе Войновича с Тарасовым, когда тот его «воспитывал», уговаривая отказаться от «подписки», звонил ему, выдавая себя за доброжелателя, и утверждая, что он много сделал, чтобы пошел спектакль «Два товарища». Я объяснила, что Малашенко верить нельзя, что он во много раз хуже Тарасова. Говоря о спектакле театра Маяковского, Владимир Николаевич нелестно отозвался о Гончарове, что его не интересуют текст и логика, а только режиссерская выдумка. А о своем «отречении» он сказал, что сразу сожалел, что письмо попало за границу, но ничего нового не писал и не говорил, а от него хотели получить покаяние. Верченко из горкома убеждал написать его, как Пильняк. Из-за этой неразберихи все-таки кое-что платят и ему, в частности, 50 % от сданного и не напечатанного материала в «Новом мире».

Я изложила свой взгляд на Тарасова, Голдобина, Родионова. Как ни странно, ему это было интересно. Впрочем, это понятно, каждый вращается в своем кругу, и так как мы не сталкиваемся, то нам интересно, что у них, а им — что у нас, хоть они нас и презирают.

Поговорили о Солженицыне. Войнович спросил, знаю ли я,

что Солженицыну в Париже присуждена премия, я ответила, что знаю, об этом мне сообщил Борис Владимирович, когда я у него была, что это премия для лучшего зарубежного произведения (чтобы своих не обидеть).

Пришла его жена, поставила чай. Я вроде и отказывалась, вроде и нет. Пили чай, говорили «за жизнь». Я рассказывала о Польше. Единогласно решили, что сейчас не в ней дело. Владимир Николаевич заметил: как все быстро меняется, ведь приход Гомулки был таким прогрессивным — и вот что имеем. Потом вспомнили, что это все наших рук дело, мы отобрали земли и заменили их немецкими, посеяв вечную и неразрешимую ненависть, поэтому отношение к немцам у поляков очень сложное. Владимир Николаевич в дальнейшем разговоре сказал, что слышал, что корреспондент «Известий» в Чехословакии отказался работать, так как его корреспонденции извращают.

Когда я уходила, то в коридоре увидела верстак с рубанком и спросила: «Это что, для успокоения нервов?» Он ответил: «Да». Я поделилась, что сама тоже многое делаю, и он сказал, что берет меня в свою бригаду, где у него Солженицын уже законтрактовался паркетчиком.

Расставаясь, Владимир Николаевич приглашал приходить, а я ему обещала позвонить, выяснив его перспективы на периферии.

4 февраля

Утром поехала к жене Коржавина в библиотеку Островского за пьесой «Однажды в двадцатом», а в 17 часов мы с Ядвигой (переводчицей) пошли к Соколовскому в гостиницу отнести пьесы. В Ленинграде им понравилась «Правду! Ничего, кроме правды» и «Пассажирка», инсценировку которой он назвал очень хорошей, гораздо лучше авторской. А по возвращении в Москву они видели на Таганке «Павших и живых» и «Тартюфа». Очень понравились «Павшие и живые». «Вот какой театр надо привозить в Польшу», — сказал Соколовский. Но Фурцева Мотыке — Министру культуры Польши — категорически в этом отказала еще много раньше[36]. Потом Соколовский взял списки советских пьес, составленные по разным источникам, и я их прокомментировала, что стоящее, что нет. А потом они с Ядвигой поехали на Таганку, а я — домой.

5 февраля

Зашла к Тарасову, как бы только передать привет от Соколовского, и между прочим сказала, что Соколовскому очень понравилась постановка Эфросом «Счастливых дней несчастливого человека». На что мне Тарасов ответил: «Его мнение нас не интересует». Я: «Ну как же так, ведь он Ваш соратник». Молчит.

Потом я позвонила в Управление театров Министерства культуры РСФСР Живцовой и спросила про пьесу Войновича. Она сказала, что, кажется, начальство интересовалось, как им быть с периферией, и им сказали, что так как он письменного покаяния не приносил, то придержать, и пусть считается, что разрешение дано для одного театра в Москве. Ну а что в Горьком ТЮЗ пьесу репетирует (об этом мне говорил Владимир Николаевич), то, может, на это и посмотреть сквозь пальцы, они начали работу не спрашиваясь, может, так и пройдет.

Я позвонила Войновичу, все это рассказала, он благодарил и опять приглашал приходить. Я говорю, что боюсь оторвать его от дела, а он: «Ну что Вы». Через некоторое время я подумала, может, ему пригодится номер моего телефона, позвонила опять и сказала об этом, а он отвечает: «Я тоже положил трубку и подумал, как мне Вас разыскать, если понадобится». Продиктовала, расстались друзьями. Внешне он меня почти удивил, совсем русский, интересный, с седеющей гривой волос и очень внимательными, пронзительными глазами, выдержанный, спокойный.

А на работе машина со скрипом крутится. Вот будет первое совещание по притеатральным музеям.

6 февраля

Весь конец этой недели «создавала» списки рекомендуемых спектаклей и художников для выставки «ЭКСПО-70» в Японии. Слышала сплетню, что когда Голдобин станет главным редактором Репертуарной коллегии (говорят теперь об этом очень определенно), то на его место придет или Кабанов (Тарасов не возражает), или Скачков из ВТО. Ну а что может быть лучшего-то. Еще у Войновича мы говорили, что ужас в том, что сейчас все сволочи пользуются моментом и захватывают что и где можно, а потом не избавишься. Да, говорят, что о создании Главреперткома подписано постановление или приказ, не знаю. Вот начнется у нас дрожемент.

10 февраля

Позвонила Борису Владимировичу. Он вместе с Галиной Георгиевной и Марией Сергеевной (подругой Галины Георгиевны) 8 февраля ходил на «Счастливые дни несчастливого человека». К телефону подошла Галина Георгиевна и сказала, что ей понравилось, и Борису Владимировичу, и Марии Сергеевне, но именно спектакль, не пьеса, а Борису Владимировичу настолько понравилось, что он позвонил Эфросу. Подошел Борис Владимирович и сказал, что да, но не пьеса, пьеса с ложной многозначительностью, на которую могут попасться только молодые люди, но театр вообще существует для молодых. А сама работа Эфроса уверенная, хорошая. Из актеров ему понравилась Яковлева, которая создает образ, а остальные все играют неважно, просто выполняют задание режиссера. А Эфросу он позвонил и сказал, что тот в лучшей форме.

12 февраля

Читала статью Кардина о Л. Сейфуллиной в 11-м номере журнала «Новый мир», очень интересно, говорят, его «разбили» в «Литературной газете».

Часов в пять позвонила какая-то женщина и от имени Фоменко пригласила на спектакль в МГУ.

А у нас идет свистопляска с Болгарским фестивалем. Сначала вызывали к Тарасову и меня, чтобы помогала, а теперь, слава Богу, вроде решили «обойтись своими силами».

15 февраля

Вечером была в МГУ на спектакле Фоменко «Татьянин день». Работа действительно большая и серьезная, тем более если, как говорят, «свернули» за четыре месяца. Но вообще впечатление сложное.

После просмотра состоялось обсуждение.

Леонид Соболев (писатель): «Я выступаю как дилетант. В спектакле не теряется ни минуты внимания, очень хорошо сделан текст. Единственно — Министерство пищевой промышленности предъявит вам иск, так как, просмотрев спектакль, все бросят пить, да и в Доме литераторов не примут. Хочется поблагодарить за великолепную постановку, и Вас в особенности, Петр Наумович. Только „Татьянин день“ не через „ять“ пишется».

Силюнас *(критик)*: «Спектакль вполне пропорциональный. Как добился режиссер такой слаженности, такого ритма? Как

достигнуто единство, стыковка в этом разнобое материала? Спектакль настолько сделан, что может быть учебником по педагогике. Это спектакль, который имеет очень важное значение. Меня лишь смутило появление в спектакле Герцена и Огарева. А финальный образ верный, он ведет и в кабак, и к лаврам».

Горок: «Мне не хочется топить спектакль в елее. Силюнас несколько сместил акцент, безалкогольная тема не главное. Здесь важна мысль о судьбе России, о совести, о нравственности. Первое же появление чистых людей России, этот чистый женский голос. Меня волнует акцентирование двух тем — судьба России и те наслоения, через которые она прошла, от которых освобождается, но еще не до конца освободилась сейчас».

Урнов *(автор композиции)*: «Когда рождался замысел спектакля, то мне казалось, что этого сделать нельзя. Даже тема алкоголизма — это уже важно, но через нее показана судьба людей. Меня и раньше, и сейчас смущает вторая часть — фарсовое обращение к Петру, если мы говорим о судьбе России. Затянута, по-моему, последняя сцена».

Критикесса в квадратных очках: «Я вижу спектакль не первый раз, и вот, неуспокоенность коллектива. От мозаичности к фресковости надо теперь идти».

Глаголев: «Мне спектакль очень понравился. Логичность всех трех частей. Трагедия через легкость передается».

Розовский *(режиссер)*: «Спектакль истинно студенческого театра, как жанр. Та духовность, которая бросает вызов официальной духовности. Этот спектакль глубоко патриотический, русский, — не в смысле национальном, а в смысле чувства Родины. Самоубийство — перенести этот спектакль на большую сцену: камерный по характеру, эпический по звучанию».

Фоменко: «Мы ждали более суровых слов. В этом доме науки трудно прививается театральный дух. Это радость, труд. Не прощают нам радости. Наш первый спектакль о Светлове восприняли как удар по советскому строю, что Светлов использован нами для опорочивания нашей комсомольской молодости. Для нас недопустимо оскорбить историю. У нас идеальное социальное воспитание, но мы еще плохо владеем искусством».

18 марта

Стала записывать все реже, вот почти месяц не писала.

Профсоюзное собрание «О мерах по улучшению работы

Управления театров».

Докладчик **Кудрявцев.** Говорит, что вопрос необъятный, но он хочет остановиться на планах и их выполнении. Состоялось 11 заседаний коллегий Министерства культуры с нашими вопросами. Говорит обо всех вопросах, и в частности о журнале «Театр», что кадровые изменения в журнале записаны за Управлением театров, но прошел уже год, а мы почти ничего не делаем[37]. О подготовке к 100-летию Ленина и т. д. и т. п.

Медведева: «У нас много неполадок в Управлении, но в них во многом виновато руководство. Руководству надо распределить свои силы, а то все занимаются одним и тем же».

Назаров: «Я хочу остановиться вот на чем. Мы заранее не накапливаем материал, чтобы не пустой была папка, когда мы к какому-то вопросу обращаемся. И наша дисциплина не на высоте, и вопросы взаимоотношений не на уровне простой артели в прошлом».

Голдобин: «Многие вещи говорились правильно. Вот, вопрос накопления информации. Мы не умеем распределить и расставить силы. Надо установить контроль не только за выполнением приказов и постановлений, но и за выполнением планов».

Цирнюк: «Фактически четыре года нет главного редактора Репертуарной коллегии и технического секретаря».

Кудрявцев: «Руководству Министерства внесены предложения о кадровых перестановках по нашему Управлению».

20 марта

Зашел Кудрявцев и стал говорить, что дал бы взятку тому, кто вернул бы его на место инспектора по Средней Азии, какое это было прекрасное время. Теперь он понял, что критиковать легко, а делать трудно. Он пошел в начальники, надеясь и веря, что сможет что-то сделать, и он нащупал, как и что надо, но видит, что пробить это невозможно.

6 апреля

С 31 марта по 4 апреля были здесь 4 польских режиссера, они должны у нас ставить спектакли ко второму Польскому фестивалю, который состоится в декабре. Это Конрад Свинарский, Ежи Яроцкий, Марек Окопинский и Ежи Красовский. Они предложили нам на выбор следующие пьесы. Свинарский —

«Фантази» Словацкого, или «Мореход» Шанявского, или «Картотека» Ружевича. Яроцкий — «Моя доченька» Ружевича, только это. Красовский — «Смерть Дантона» Пшибышевской или «Месть» Фредро. Окопинский — «Ноябрьская пьеса», или, как ее перевел Айхенвальд, «День поминовения».

Свинарского я сосватала в Театр на Бронной, он должен ставить «Мореход». Пьесу Голдобин прочел и не возражает, Родионов тоже, подписал письмо о включении пьесы в репертуар театра, хотя просит, чтобы автор «передал» пьесу, чтобы моряк, которому ставится памятник, был «хорошим». «Моя доченька» уже отпала. Голдобин прочитал и сказал что-то вроде того, что Синянская, мол, сошла с ума, просто зря давала ему читать, ни в каком варианте это идти не может. Так что Ежи Яроцкий тоже отпал, что очень жаль. А Окопинского я возила в Ленинград, где начальник Управления культуры Витоль его просто обхамил, стал говорить, что он его не знает, что хотя и верит рекомендациям польской стороны и Министерства культуры, но что он для них все же «кот в мешке», что в идейном отношении они часто поправляют Москву, поэтому пьесу надо будет посмотреть. Окопинский страшно расстроился и, вернувшись, сказал в посольстве, что если бы у него был другой характер, то он должен был бы встать и прекратить разговор с Витолем, и еще ему хотелось достать свой партийный билет и заявить, что «лекция» об идейности ему ни к чему. Вот так его встретили в городе-побратиме, Ленинград — побратим Гданьска, откуда Окопинский. А я вернулась чуть не в истерике, хорошо, Синянская меня отогрела, отпоила чаем, и мы вместе пошли в посольство на прием, где при встрече Окопинский сказал, что рад меня видеть, а на самом деле мы друг с другом чувствовали себя неловко. Потом я проводила Окопинского и Красовского в аэропорт.

17 апреля

Заседание ЮНЕСКО — общество «Италия—СССР». Тема: «Социологи о будущем».

Сегодня обсуждается вопрос культуры.

Зворыкин. Из всех глобальных проблем считает необходимым выделить две: первая — проблема личности, вторая — проблема культуры.

> «Процессы, протекающие в мире, определяются не статистическими цифрами, а людьми, представляющими личность. Человеческая личность не может проявиться

без общения с окружающей средой, которая постоянно изменяется. В нашей стране проводится много конференций по проблемам человеческой личности. Изучать эту проблему нужно объединенными усилиями ученых различных областей — физиологов, психологов, философов.

Второй вопрос связан с первым — личность развивается в культуре — это тот фон, на базе которого можно рассматривать и частные проблемы. До сих пор существуют разные подходы к культуре. Что же ожидает культуру в свете научно — технического прогресса, когда мы добьемся всего материального благополучия? Что же потом? Чем же жить тогда? Что-то должно быть такое, что будет неиссякаемым источником жизни. Это и будет творчество. Мы попытались рассчитать, как будет развиваться культура. Какое начало будет превалировать в будущем — научное или художественное? Вывод: для науки интеллект растет, а для художественного начала интеллект уменьшается; вернее, тоже растет, но медленнее. Прогноз на 2000 год. Производственно — техническая структура уменьшится с 20 % до 15 %, художественная культура с 16 % до 8 %, а физическая культура увеличится с 63 % до 75 %. И это большая проблема».

Шляпников из Уфы — говорит о проблеме свободного времени. «От чего зависит рациональное использование свободного времени — от запросов, духовных потребностей личности, материальных условий. В этой связи вряд ли можно согласиться со словами профессора Мелино (Италия), чтобы каждый занимался тем, что ему доставляет удовольствие. А если в Италии для многих это посещение религиозных организаций или азартные игры? Я изучаю духовный мир рабочих, среди них есть люди с начальным образованием и неразвитыми духовными потребностями — следовательно, надо развивать эти духовные потребности».

Барбье *(Италия)*: «Гонка за материальными благами требует технического персонала, обновления производящих установок, для этого работает наука, сюда привлекают все ценные умы, интеллектуальные силы, и это идет в ущерб культуре, то есть истории, философии, юридическим наукам и т. д. Как противостоять этой диктатуре техники? Вот школу и свободное время надо приспособить для культуры, создать такого человека, для которого самым большим удовольствием была бы культура —

чтение, музыка».

Мелино *(Италия)*: «Каковы наши идеалы? Это счастье человека. Вся итальянская делегация устремлена в сторону социализма. Если в обществе есть хоть один несчастный человек — значит, общество несчастно».

Борги *(Италия)*: «Что такое творчество? Многие употребляли это слово, но никто не определил. Это та личность, которая способна найти в себе самой мотивы для деятельности, это использование, развитие художественных наклонностей».

Петросян *(Армения)*: «Профессор Зворыкин говорил о культуре вообще, а есть ли такая общая культура вне классов? Мы знаем, что есть две культуры — социалистическая и буржуазная. Буржуазная культура имеет и кубизм, и „битлсы“, даже порнографию (итальянцы смеются). Вот как нам бороться за нашу культуру?»

Председатель: «У нас в Италии обращение к работам Маркса — одна из проблем дискуссии. Экономические и политические силы имеют возможность ограничить личность. Момент свободы и момент необходимости. Итальянцы свободны делать свой выбор в том, как ставят этот выбор правящие кланы. Но мы не считаем, что только в результате революции могут быть изменены сверхструктуры. Получить все версии о происходящем в мире — в Китае, СССР, Чехословакии и самим составить собственное представление, это развитие демократии, воспитания и культуры».

Конечно, здесь записано не всё и не все, а очень небольшая часть того, что говорилось.

18 апреля

Слушаю впечатления Кудрявцева от «Чайки» во МХАТе, которая ему абсолютно не понравилась. Что Ливанов — режиссер грубый, примитивный, неизвестно зачем и о чем поставил спектакль, с какой-то претензией, все время расходится с художником, перед которым, видимо, теоретически поставил задачи, а сам до них не допрыгнул. Актеры играют кто в лес кто по дрова, кроме Мирошниченко, Степанова явно под влиянием Фадеевой из Ленкома, только хуже. И ему все время вспоминался спектакль Эфроса «Чайка», который был точен по мысли, выстроен, пусть ему что-то не удалось до конца. И главная мысль Кудрявцева в том, что традиции нельзя просто охранять, как дом на подпорках, а суть в том, чтобы эти традиции были фундаментом, а их надо развивать, и в этом их сохранение. И в

этом смысле единственный режиссер, по его мнению, это и есть Эфрос, он и развивает традиции. К тому же это, может быть, единственный режиссер, который так владеет своим профессиональным мастерством. Кудрявцев говорил еще много интересного в подтверждение своих мыслей, он ведь сам окончил режиссерский факультет ГИТИСа.

23 апреля

Вчера в Министерстве культуры РСФСР состоялось заседание по национальной драматургии — «выставляли оценки». При обсуждении спектакля Эфроса «Платон Кречет» критик Балашова выступила против, сказав, что хоть Корнейчук и ратует «за», но она не может принять этого извращения действительности, что в те времена Аркадий не мог так относиться к Бублику, как это показано в спектакле, и т. д., ее поддержала Игнатова, а при голосовании «против» были и замминистра Зайцев, и Шкодин, и Вульфсон — всего 9 человек, а «за» 7 человек, в основном наших.

5 мая

Сегодня — обсуждение спектакля Фоменко «Как вам это понравится». Смотрели 29 апреля. Если честно, то скучновато, и актерских интересных работ мало. Хороши художники. Мне кажется, что основная причина в том, что спектакль полностью «посажен» на музыку Николаева, которая задает ему этот тягучий ритм. Но сегодня утром Голдобин наставлял уходивших на обсуждение в московское Управление: только все с позиций цензуры, чтобы слушать и не перечить, если «чего» сами не увидели. И вот спектакль не приняли, говорили об искажении Шекспира, в основном московское Управление, ну и Министерство РСФСР не отставало, хотя наши были «за».

25 мая

Завтра снова просмотр спектакля Фоменко, но московское Управление хочет его не выпускать. Вчера Шумов (он вышел на работу) на сдаче «Подростка» в театре Станиславского слышал, как они сговаривались — Сапетов, Закшевер, Мирингоф. Сапетов уверял, что ничего там, конечно, не переделано — так, чуть-чуть, и надо решать коротко: «да-да», «нет-нет», скорее второе. Что на

обсуждении шекспировед нес чепуху, говоря: «Шекспир не раздавал своих привязанностей, а лишь исследовал вопрос, а уж эпохи сами склонялись к Гамлету или Отелло», и хорошо, что у нас есть Мирингоф, который его разделал в пух и прах, при этом Мирингоф встал и поклонился. С особой ненавистью Сапетов говорил о том, что герцога, которого изгнали, играет «противный еврейчик», а образ важен для решения пьесы. (И это при двух евреях!) А суть в том, что наша Репертуарная коллегия отклонила инсценировку, сделанную Сапетовым, которая уже идет без разрешения в Театре кукол, и перевод пьесы Купера, осуществленный женой Закшевера. Так вот, Закшевер открытым текстом сказал Синянской: если не выпустите инсценировку, тогда мы не выпустим спектакль Фоменко.

Многое я повидала, но до такого открытого цинизма дело не доходило.

Спектакль Фоменко все же пошел.

2 июня

Из Польши с Вроцлавского фестиваля современной польской драматургии вернулась Синянская. По ее словам, фестиваль был ужасный, с бесконфликтной драматургией, о чем замминистра Балицкий мило шутил, рассказав, что в разосланных на фестиваль приглашениях было написано, что приглашает Министерство культуры и шутки вместо штуки, т. е. искусства. Вот, мол, мы позволяем себе иногда шутки вроде Вроцлавского фестиваля. Во Вроцлаве Люда видела Тымотеуша, который рассказал, что после того, как на Съезде писателей в своем выступлении он сказал, что свобода писателя в Польше — это свобода железных опилок в магнитном поле, его пьесу сняли с репертуара, а издательства вернули все ранее принятые рукописи.

21 августа

Черный день. В газете «Правда» выступление Гусака и Свободы на активе в Праге 19 августа. У Свободы — кратко и мягко. У Гусака — подробно, «оправдательно» для происшедшего и угрожающе для «не тех»[38]. Шумов сказал: «Но ведь скапливались войска со свастикой на границе ФРГ». Я взорвалась. Назаров мне: «А почему Вы навязываете свое мнение?» Сегодня Шумов принес мне цветы и все старался «разрядить» настроение.

Пришел Голубовский (главный режиссер Театра Гоголя),

сказал, что слышал в ВТО, что городские власти сняли с репертуара московских театров много пьес, в частности Розова, Театру Моссовета уже как будто дано указание (в Театре Моссовета идет «Затейник» и «В дороге»). Звонок Белокопытова (замдиректора МХАТа), он тоже слышал о снятии с репертуара спектаклей, и в частности «Соловьиной ночи» в Театре Маяковского, вроде кассам приказано не продавать билеты. Назаров позвонил в Московскую дирекцию театрально-зрелищных касс, и ему сообщили, что сняты те спектакли, которые идут в сентябре, — «Счастливые дни несчастливого человека», «Братская ГЭС», «Трехгрошовая опера», «Послушайте!», «Павшие и живые», «Затейник», «В дороге», «Мольер», «Соловьиная ночь». Сам Театр на Бронной заменил «Как вам это понравится». Назаров возмущался, говоря, что это действия людей, приносящих лишь вред.

Пошла к Михайловой отнести пьесы, оставленные Синянской, об убийстве Кеннеди и пьесу об Африке. Она спросила, как у нас дела. Я ей все рассказала и про снятие спектаклей. Она тоже была удручена и говорила, что понимает, хотя… но «Счастливые дни несчастливого человека» — там уж ничего политического. Потом опять о наших внутренних делах, жаль, что у нас не Скачков. (А у нас после того, как Голдобин стал главным редактором Репертуарной коллегии, на его место, то есть замом Тарасова, назначили Коршунова.)

Вернулась. Пришел Шумов от Голдобина и сказал, что к снятым спектаклям надо добавить «Традиционный сбор» и «Всегда в продаже» в «Современнике». Ну, «Всегда в продаже» — это было ясно, когда спектакль в мае или апреле смотрел Верченко и ему не понравилось. А вот Розов всюду снят — это его за что-то наказали.

Пришел Витте (художник, оформлявший наши фестивальные дипломы), а я вся убитая. Он хотел отвлечься, а я его еще больше расстроила. Пришел Кудрявцев, стал спрашивать Витте о его птицах (Витте держит певчих птиц), и, когда тот сказал, что у него поют соловьи, Кудрявцев удивился, что соловьи поют в неволе, на что Витте ответил: «Мы-то поем». Кудрявцев замолчал.

18 сентября

Сижу на семинаре, Малашенко делает сообщение о Международном июньском совещании и, глядя на меня, наверное, думает, что я записываю его выступление (он всегда злится, когда видит, что я пишу). А я решила просто воспользоваться временем

и переписать свои заметки.

Вообще, мне сейчас хорошо, живу, вся погруженная в Польшу: фестиваль польских пьес, польские актеры и режиссеры. Уже приехали: Красовский — в Ермоловский и Окопинский — во МХАТ, у них в театрах все в порядке, все друг другом вроде довольны.

Прошлая запись была 21 августа о том, что сняли многие спектакли. Потом за них пошла борьба. И вот 16 сентября играли «Послушайте!».

Радует победа «Нового мира». Против него была развернута очередная кампания, особенно в «Огоньке» в связи со статьей Дементьева, которого обозвали почти троцкистом[39]. Но, слава Богу, многие люди думают не так, как Шумов, который все призывает «не дразнить гусей», то есть молчать. Так вот, поднялся до «гражданского» поступка К. Федин, говорят, он написал в ЦК, что если эта травля журнала не прекратится, то он сложит с себя полномочия Первого секретаря Союза писателей. Протестовали Р. Гамзатов, К. Симонов. В результате в 7-м номере «Нового мира» разрешили напечатать «От редакции», где они красиво и с достоинством разделались с «Огоньком». А потом в «Литературной газете» «полемика» была прекращена, там опубликовали специальную статью насчет того, что спорить, мол, необходимо, но не так, и хватит, а то читатели подумают, что кто-то с кем-то бранится.

Разговаривала с В. Максимовым, он рассказал о «драке наверху», о группировках — украинской и белорусской. Что Мазуров порядочнее других и не «дружит» даже со своим кругом. Что украинская группировка — это страшно, по всей стране расставляет своих. Потом он поделился, что ему звонил Фоменко, он без работы, из МГУ его выгнали и сказали, что вернут, если он согласится снять два спектакля и покаяться, а он ответил, что ему каяться не в чем, и на Бронной не хотят, чтобы он ставил «Капитальный ремонт».

А 7 сентября я была у Бориса Владимировича на даче, мы с ним гуляли (Галина Георгиевна с нами не пошла, она себя неважно чувствовала). Говорили о Кузнецове[40], что он продолжает писать, давать интервью. В частности, Кузнецов говорит, что свобода была лишь в период между Февральской и Октябрьской революциями. Борис Владимирович сказал, что Кузнецов не прав, ему кажется, что тут надо говорить о перерождении, а не о самой революции, революция есть революция. Как говорил Наполеон, революцию задумывают идеалисты, осуществляют палачи, а пользуются ею… Тут я его спросила: «А как же Ленин — и то, и другое?» Он: «Первое». Я: «А

как же второе?» Он: «Это сложно». Кстати, когда-то он мне говорил, что одна, а может и основная, ошибка Ленина — это то, что после свершения революции он не распустил партию, которая стала страшной бюрократической силой.

В этот раз (раньше я не слышала от него) он как-то грустно сказал, что вот он в стороне, а ведь тоже тяжело, еще есть силы, темперамент, а он никому не нужен и не используется. Очень радовался победе «Нового мира», прочитал вслух «От редакции». В этот вечер мы говорили с Галиной Георгиевной о книге Манчестера «Убийство Кеннеди», которую она прочитала (а я еще не очень много). Галина Георгиевна сказала примерно то же, что и моя мама (она тоже читала), что это так страшно, что она не хотела бы там жить. Борис Владимирович стал довольно сердитым и сказал, что это наша стойловая психология.

Опять говорили о Чехословакии. Борис Владимирович рассказал, что на 4 сентября в Чехословакии был назначен Пленум ЦК, на котором хотели объявить Дубчека во всем виноватым, и его, и Смрковского исключить из партии, но 4 сентября вернулся из Польши Свобода, и мнения и в этом ЦК раскололись, и вроде и Гусак присоединился к Свободе, что этого делать сейчас нельзя. Пленум отложили на неопределенный срок, а Гусак вылетел к нам. Борис Владимирович сказал, что Брежнев — палач, хочет доконать свою жертву, хочет, чтобы Дубчека выслали к нам, ну а тут…

16 сентября утром Шумов встретил меня словами, что порадует и огорчит одновременно, — в «Правде» было объявлено, что играют «Послушайте!» и «Счастливые дни несчастливого человека», и там же, что Гароди осуждают французские коммунисты, он там что-то вразрез высказался. А потом к Голдобину пришли из Польского посольства Коваль и Ирэна Габор (секретарь посольства и советник по культуре). Говорили о сроках фестиваля, о симпозиуме, в котором Голдобин переломал состав наших участников, введя Мдивани, Равенских, Лаврентьева, Е. Симонова и т. д. докладчиками. А сегодня было совещание у того же Голдобина с Ростоцким и Синянской, и они «вернули щи назад» (по известному анекдоту) — не будут делать доклады Мдивани, Равенских, Е. Симонов и т. д. Конечно, завтра может быть все опять наоборот — это отражает суть нашей жизни, поэтому я все это и записываю.

Слышу, как Голдобин в заключительном слове говорит (я ведь сижу на семинаре), что вот чешская молодежь, нетвердая в своих взглядах, очень вредит органам госбезопасности Чехословакии, которые устанавливают, что это движение руководилось из-за рубежа. Придет время, когда я ему эти слова

припомню.

24 сентября

Открытое партсобрание — «Подготовка московских театров к юбилейному сезону» (100-летию Ленина). Доклад Шумова.

Шумов: «Положительные явления в московских театрах — такие спектакли как „Мое сердце с тобой“, „Мой брат играет на кларнете“, „Соловьиная ночь“, „Платон Кречет“, он сейчас спорен, но во многих документах фигурировал.

Классике повезло больше, в прошедшем сезоне выпущены „На дне“, „Преступление и наказание“, „Бешеные деньги“, „Чайка“, „Нахлебник“, „Мать“, „Таланты и поклонники“, „Женитьба Фигаро“ и т. д.

Сами театры сняли с репертуара художественно аморфные спектакли, такие как „Проделки Скапена“, „Трехгрошовая опера“.

В Малом театре в плане „Человек и глобус“ и „Эмигранты“. Мне кажется неправомерным включение в репертуарный план московских театров „Блохи“ в инсценировке Замятина — не только учитывая его биографию, но и по трактовке главного героя. Московское Управление культуры подчас делает решительные действия не на главных направлениях — Замятин, Купер, — часто с нами не советуясь и не ставя в известность».

Малашенко: «Вновь и вновь возникает вопрос о контакте между Репертуарной коллегией и отделом по контролю. Мы совместно уже обсудили все планируемые композиции.

Надо обратить внимание на то, что в Театре Станиславского одни западные пьесы».

Синянская: «Я как раз хочу сказать о западных пьесах в московских театрах. В этом сезоне будет поставлено 16 пьес, из них 9 премьер по польским пьесам. Достаточно ли мы принципиальны, всегда ли мы имеем силы отстоять свои позиции?»

Цирнюк: «Положение тревожное, хотя все авторы вроде активно работают и ленинских пьес много. Все пьесы о Ленине должны проходить через соответствующие консультации, и здесь много сложностей.

Очень грустно, что на этом не очень утешительном фоне хуже всех дела во МХАТе. Почему надо говорить о сроках выпуска „Чуть-чуть о женщине“ Радзинского? Да потому, что если бы эта пьеса сейчас выпускалась, то и то не так уж радостно, а в марте — апреле этого просто делать нельзя. Факт существования этой пьесы во МХАТе допустим, если ставятся и другие спектакли. Вот

Салынский свою пьесу „Мужские беседы“ в театре Маяковского на труппе уже прочитал, и они готовы ее ставить, а МХАТ не чешется. Почему коллективы, к которым тянутся, которые могут „увести“ пьесу, актера, к которым Управление относится как к привилегированным, потеряли вкус к работе? В резолюции собрания надо отметить эту тревогу».

Трубин: «Хотелось бы обратить внимание на вопрос о режиссерских кадрах. С режиссерами плохо, например, в Театре Станиславского, в Ленкоме, даже в Театре Моссовета. Сложное положение в Театре Ермоловой. О принципиальности наших позиций. Я хочу поддержать в этом вопросе Людмилу Петровну Синянскую».

Голдобин: «Желание ставить композиции — это желание наиболее торжественно, наиболее пафосно отметить ленинский юбилей, поэтому я не могу занять позицию — не рекомендовать театрам ставить композиции, но нам надо вместе с московским Управлением подумать о том, как бы сбавить пыл к этим композициям. С преобразованием московского Управления в Главное управление мы сразу почувствовали трудности и во взаимоотношениях, и во влиянии на московские театры. К нам стало много поступать жалоб от театров, что жить невмоготу. Я очень сочувствую тем товарищам, которые говорят о самочинных действиях Управления. Одна из забот — это установление отношений с московским Управлением. Работой с московским Управлением надо заняться серьезно. Мы должны быть озабочены, чтобы репертуарная политика велась грамотно, а мы часто сталкиваемся с вопиющими фактами».

Медведева: «Я хочу сказать о национальных пьесах. Театры РСФСР приходят за пьесами из национальных республик, а московские театры — нет. Вот хоть Театр Сатиры, ставит Купера, а мог бы поставить хорошую национальную пьесу».

Владыкин: «Состоялся большой разговор, внесен ряд предложений. Наверное, надо встретиться с руководством московского Управления культуры, надо неотложно, в ближайшие дни провести совещание у меня. МХАТ и Малый театр — это же наши театры. Сейчас намечается замена нескольких спектаклей — надо разобраться с 11-ю спектаклями. Вот сняли „Трехгрошовую оперу“, это естественно. „Послушайте!“ — много было споров. „Братская ГЭС“ — правильно, что сняли. Что означает сцена с „Ванькой-Встанькой“ — сколько русский народ ни мучай, а он все равно встанет? С пьесой Розова „На беговой дорожке“ складывалось все трудно, втягивались широкие круги, Фурцева сказала: „Хорошо, разрешим театру Товстоногова“. Товстоногов преодолеет идейные рифы, он знает как преодолеть,

а Ефремову пьесу давать нельзя[41]. Не согласны? Давайте поспорим».

15 октября

А у Владыкина опять «медвежья болезнь». Весь понедельник он бегал по кабинету и кричал: «Если „Она“ узнает, то всех выгонит». Речь о том, что в 9-м номере журнала «Театр» появилась статья С. Никулина о двух спектаклях «Счастливые дни несчастливого человека» — у Товстоногова и Эфроса, и в ней предпочтение явно отдается Эфросу. Так вот, все в истерике.

А сегодня Трубин справлял труса, так как ему вроде позвонил Сапетов и сказал, что Шапошниковой известно о либеральном выступлении Трубина на обсуждении спектакля Эфроса «Уступи место завтрашнему дню»[42] и что она недовольна. Так он прибежал рассказать Шумову, что это шантаж, что он не был либерален и что у него есть свидетели из Министерства культуры РСФСР и Артемов.

18 октября

Хочу записать свои встречи с Конрадом Свинарским, удивительно талантливым человеком. 30 сентября Ирэна (культатташе Польского посольства) сообщила, что Свинарский прилетает 1 октября в 13 часов 15 минут. Весь день я ругалась с дирекцией Театра на Бронной, пока они не поменяли гостиницу с уже заказанной «Варшавской» на «Пекин», откуда он может ходить в театр пешком. Вечером 1 октября пошла к 6 часам в театр. Конрад был в буфете, а я — в кабинете Дунаева, он вошел и прямо бросился ко мне, воскликнув: «Кого я вижу!» Потом был какой-то общий разговор. Я ушла, он остался с переводчиком пьесы Березницким, тот ему рассказывал о переводе, а Конрад — о своем видении пьесы «Мореход». Они работали до 11 часов вечера. Утром Березницкий мне позвонил и сказал, что Конрад почти все одобрил, и лишь некоторые замечания его надо учесть, в частности изменить терминологию дирижера, так как Конрад видит его старым. 2 октября они встречались с прикрепленной переводчицей и распределяли роли. Еще до приезда Свинарского мы договорились с Березницким сделать так, чтобы в спектакле у Конрада не было Ширвиндта, а были Волков и Броневой. Театр согласился, хотя Броневого так и не дали. И роли распределили так: Генрих — Волков, Шмидт — Соколовский, Мэд —

Перепелкина, Скульптор — Шворин, Адмирал — Платов и т. д. Конрад мне позвонил и сказал, что ему очень понравился Березницкий. 3 октября Березницкий читал актерам пьесу, а потом Свинарский отвечал на вопросы, задаваемые актерами, а я ездила в Дмитров на фарфоровый завод отбирать и заказывать подарки для поляков, на что Царев как председатель ВТО выделил деньги, так как денежные премии мы им выдавать не могли, не имели права. Вечером я была с Конрадом на спектакле «Физики и лирики». Ему очень понравилась Антоненко. После спектакля мы поднялись к Зайцеву и там застали Эфроса и Яковлеву, я шутя сказала, что Свинарский влюбился в Антоненко, а Конрад стал говорить, что Антоненко играет так чисто, прямо, искренне, что такой актрисы у них нет, у них все с цинизмом. По дороге в гостиницу Конрад спросил, приватные ли те качества, которые он видел у Волкова в спектакле, и показал руками его походку, болтающиеся руки и манеру говорить. Я ответила: «В общем, да». Он: «Генрих должен быть прямым, настойчивым». Я, обеспокоенная, спрашиваю, что труднее, научить мыслить, сомневаться, бороться с самим собой или вот этой «прямоте», он отвечает: конечно, «прямоте» легче. Сейчас вроде с Волковым все в порядке. В первый же день Конрад попросил меня помочь ему посмотреть гастролировавшую в Москве Ереванскую оперу, так как у него поручение от директора Варшавской оперы, чтобы он посмотрел и потом высказал свое мнение, и во-вторых, он хочет досмотреть «Смерть Иоанна Грозного» в ЦТСА, так как в первый его приезд я увезла его со второго акта. Он сказал, что хочет досмотреть 4 октября, но я объяснила, что 4 октября ему надо пойти на «Золотую карету», так как это премьера главного режиссера театра Дунаева. Он засмеялся: «Это политика?» Я: «Да, а на „Грозного“ пойдете в следующий раз». На «Золотой карете» он сидел и все время «подкручивал» действие. Действительно, ритм был затянут до ужаса, я умирала от тоски. Он не понимал, зачем поставили этот спектакль, говорил, что актеры играют просто себя, а не создают образы, из актеров ему понравился только Броневой, и после спектакля он спросил у Зайцева, почему Броневого нет в его спектакле, что придет к нему об этом говорить. В работе у него вроде все ладится. Он работает своеобразно: по два дня работы за столом на акт, и будь добр, учи текст. «А то, — как он показал, — актер говорит: я… пойду… домой… Это оттого, что он текста не знает. Я сказал: пусть текст будет здесь (показывает на живот), а потом здесь (показывает на сердце), и здесь (показывает на голову)». Для наших актеров все не очень обычно, но интересно. Дунаеву про его спектакль сказал, что он даже плакал (правда, не сказал отчего), а Дунаев про него

— что он знает свое дело и манера обращения у него очень простая, без зазнайства, что все очень конкретно и коротко, а то некоторые режиссеры любят говорить часами, а толку чуть. Я: «Вот хоть Комиссаржевский». Он: «У нас и свой есть, Веснин». Директор Ереванской оперы пригласил Конрада, но, кажется, на самую неинтересную современную оперу, так как он вынес впечатление, что композитор, видимо, талантливый, но опер писать не умеет, что только два голоса хорошие, что нет никакой режиссуры, поставлено без всякой фантазии, и вообще, настолько не понравилось, что на классику уже не пошел. 7 октября мы были с ним на «Счастливых днях несчастливого человека». Спектакль Конраду понравился, но не очень, так мне показалось, хотя он этого не сказал. Я ему объяснила, что провалы, видимо, оттого, что спектакль редко идет. Как потом выяснилось в разговоре с Березницким, Конрад это объяснение принял на вооружение и кому-то сказал, что чувствуется, что спектакль идет редко. Но после спектакля он пожал руку Эфросу абсолютно искренне. Потом, когда мы шли к гостинице, он сказал про Ширвиндта, что это скучный актер, а про Яковлеву он высказался оригинально, просто пропел партитуру ее роли. А когда я стала говорить, что она создает образ, то выразился, что она играет «кустами». Еще он сказал (не помню, в связи с чем), что семь лет назад, когда он был в Москве, то все были угрюмы, а теперь смеются, а я ему в ответ рассказала притчу о сборе ханом дани до тех пор, пока сборщики дани не сообщили ему, что там, где раньше плакали, утверждая, что у них ничего нет, теперь смеются. Ему понравилось.

1970 год

4 января

Накануне Нового года умер Павел Андреевич Тарасов, личность неоднозначная. Умер трагически в служебном помещении МХАТа, придя туда на обсуждение спектакля по пьесе Радзинского «Чуть-чуть о женщине», вызвавшего во МХАТе такой разнобой мнений среди «великих», что мирить их приехала Фурцева. К моменту ее приезда врач МХАТа делал Тарасову искусственное дыхание, но он не смог прийти немедленно, так как был занят какой-то процедурой со Смирновым, «скорая» тоже задержалась. Приехавшая Фурцева позвонила в «скорую», представившись, выразила недовольство задержкой и, видимо, решив, что сделала все, что должна, проследовала на обсуждение, по свидетельству очевидцев, почти задев полой пальто лежавшего на полу Тарасова. Когда же было сообщено, что Тарасов скончался, обсуждение прекратилось лишь на несколько минут, и А. К. Тарасова продолжила прерванную речь как ни в чем не бывало. Сегодня панихида по Тарасову проходила в Союзе художников, так как сейчас школьные каникулы и во всех театрах идут утренние спектакли. Я на панихиде не была, так как оставалась в «лавочке» на дежурстве.

6 января

А эта запись как дополнение к записи о Конраде Свинарском от 18 октября 1969 года, уже после проведения Второго фестиваля польской драматургии. Спектакль Свинарского получился интересным, но для нашего зрителя по своей проблематике не очень близким. По его просьбе я каждый день, придя на работу, звонила ему в гостиницу, чтобы он не опоздал на репетицию. Спрашивал он меня, где у нас «ночная жизнь», и, не обнаружив таковой, в выходные дни театра летал в Финляндию, а мне звонили из гостиницы «бдительные служащие» и сообщали, что «Свинарский сегодня не ночевал». Был он с художником Вишняком, оформлявшим спектакль, в гостях у меня дома, где подарил мне финского домового. Мы предоставили ему самому выбрать для себя подарок из тех, что для них приготовили, и он выбрал фарфоровые шахматы. Ходили мы с ним однажды вечером в ресторан ВТО. Рассказывал он мне о

своей жене, любительнице кошек, которых у него в доме чуть ли не десяток, и даже о любовницах. Я записываю эти подробности, чтобы показать, что, будучи режиссером с мировым именем, он простой, открытый, естественный, непосредственный и порой даже наивный человек[43].

8 января

Совещание на тему «Планы театральных журналов в области критики буржуазной идеологии».

Вступительное слово Коршунова (зам. начальника Управления театров Министерства культуры СССР). Рассказывает, что записано в решении коллегии Министерства по этому вопросу.

Дубасов (журнал «Театр»): «Хорошо, что собрались не для отчета, а посоветоваться. Журнал „Театр“ пишет прежде всего о советской драматургии и театре, но и о зарубежном искусстве. Зарубежное искусство отличает большая сложность, быстрые изменения как в художественных, так и в антихудожественных явлениях. О плане журнала по обсуждаемой теме. Первое — отражать жизнь социалистических стран, второе — отражать жизнь буржуазных стран. Попытки извратить деятельность советских художников — Ростоцкий обещал об этом статью. Должна быть напечатана статья Щепалиной „Драматург Арабаль — крайняя степень модернизма“, а также статья Рябовой „Серьезные изменения в драматургии Англии“. „Театр“ решил активно включиться в эту борьбу, хотя занимались ею и раньше. Прогрессивные художники зарубежных стран — наши помощники, хотя они сейчас и заблуждаются, но, даже критикуя их, мы держимся с ними дружески».

Зубков *(журнал «Театральная жизнь»)*: «Между двумя театральными журналами существует разница в том, кому они адресованы. Наш журнал массовый. Хотя у нас специального зарубежного раздела нет, но критика, наступление на наших зарубежных противников в журнале присутствует. Наша задача — не только борьба с зарубежными недругами, но и разоблачение любых попыток проникновения буржуазной идеологии — эта задача поставлена апрельским Пленумом ЦК КПСС, чтобы у нас статьи носили наступательный, разоблачительный характер, а не информационный, описательный. Мне хочется коснуться организационных вопросов. Мы совсем не пользуемся зарубежными командировками. Чтобы о враге писать, его надо, знать, его надо видеть». *(И еще минут 10 говорил на эту тему.)*

Клюев: «Успех нашей работы связан с нашей оперативностью. Или мы будем заниматься контрпропагандой, заниматься как наши противники, или всякий раз будем садиться в лужу. Конечно, информация нужна, я поддерживаю Зубкова. Надо, чтобы журналисты имели прямой доступ к зарубежным изданиям, если не у себя, то в МИДе. Союз писателей мало помогает, хотя там контакты налаженные. Редколлегиям журналов надо специально по этим вопросам собираться хотя бы раз в два месяца для обмена информацией. Эстетика Арто, театр Гротовского, всякое слишком категорическое заявление нам часто выходят боком. Явление надо брать, учитывая, какое место в жизни театра оно занимает, не будет ли это „из пушки по воробьям“».

Ковалев *(журнал «За рубежом»)*: «Занимаюсь театрами Англии и США. Мне кажется, что в планах журналов много интересного. Тему документальной драмы в журнале „Театральная жизнь“ нельзя ограничить только документами, она смыкается с исторической драмой. Театр абсурда — это уже пройденный этап. В Англии „лезет“ мелодрама, в США возврат к пьесам 20–30-х годов. Не нужно уходить от постановки вопроса об идеологической диверсии, идет борьба и за нашу, и за свою интеллигенцию».

Ростоцкий: «О вхождении в ассоциацию критиков в Париже (там от Польши Роман Шидловский). Книг по театроведению получаем мало, плохо, поздно, даже библиотеки. На длительный срок за границу не посылаем, а у нас иностранцы бывают часто. Плохо у нас с библиографией. Степень информированности на последнем месте».

Глухарева: «Тревожное положение с изучением зарубежного театра капиталистических стран. Появился целый ряд статей, где замазывается модернизм. Примером тому сборник статей „Современный зарубежный театр“ Института истории искусств, статья Анастасьева „О профилях современного американского театра“ в „Вопросах литературы“. Где же принцип? И в журнале „Театр“ не все с критических позиций, вот хоть статья о театре ужаса Дорошевича».

Якубовский: «Абсурд, да, явление антибуржуазное, и неприятие его надо объяснить. Два пути — публицистика и исследование, и оба на полпути. Я уважаю оба журнала, в журнале „Театральная жизнь“ публицистика, в журнале „Театр“ заявлены проблемы, а не их раскрытие часто. Надо, чтобы писали специалисты».

В каком пункте все ораторы сошлись — это поехать за границу.

15 января

Партийное собрание. «План основных мероприятий Управления театров на 1970 год».

Голдобин: «Все та же задача — создание репертуара для театров. Задача, которую мы ставили в 1969 году, — создание репертуара к 100-летию Ленина, силою обстоятельств переносится на 1970 год, на начало этого года, так как многие драматические писатели не справились с поставленной целью. В области ленинианы пока нет такого крупного произведения, которое можно бы назвать. Мы надеемся на Лаврентьева, но пока пьесы нет. Мы надеялись на пьесу Шатрова „Недорисованный портрет“ — она снята с обсуждения, и те театры, которые связывали с ней свои надежды, увы, ее не получат. Театры опять возвращаются к испытанной советской классике. Ряд причин объясняет это положение. Первое: трудно планировать творческую удачу. Второе: мало времени было у драматургов. Жизнь театров на юбилее Ленина не кончается, хорошие пьесы всегда нужны. Идейно — воспитательное значение пьес. У нас сегодня на эту тему был интересный разговор с Министром. Она говорила, что не обязательно работать над каждой пьесой. Если пьеса в идейном отношении не удалась, не надо делать многочисленных вариантов — обыкновенно, если удалась, это видно сразу. Это очень верное замечание».

Кудрявцев: «План отражает основные вопросы — 100-летие Ленина, 25-летие окончания Великой Отечественной войны, но опять вся масса мероприятий скапливается на начало года — в феврале 5 совещаний. Мы часто подменяем работу республик, московского Управления, отдельных театров, а принципиальные вопросы не решаем».

Владыкин: «План охватывает важнейшие вопросы работы Управления театров. Центральный вопрос — репертуар театров. Надо менять стиль нашей работы. Рассматривая и формируя репертуар театров, выезжающих за рубеж, Управление театров включало пьесы, пропагандирующие социалистическое общество: Малый театр — „Твой дядя Миша“, образ старого большевика, театр Вахтангова — „Виринея“, о становлении революции в деревне».

21 января

Смотрели «Ромео и Джульетту». Эфрос во всем своем мрачном блеске. Мне очень понравилось, хотя что-то даже для

меня было не очень приемлемо — трудно согласиться с Ромео — убийцей. Все — на дыбы, и наши тоже. А из наших видело-то всего 4 человека — Назаров, Трубин, Жуков и я. Жуков интересно выразил свое понимание спектакля, но лучше бы не разбирал. Корни спектакля увидел в мирискуссничестве, сдержанность спектакля определил поговоркой «Молчит, но кричит», что суть спектакля — это развенчание человека, но развенчание ради поиска идеала, и вот здесь — эти крылья у костюмов и этот жест у князя — Ширвиндта. Жуков говорил, что нет никакой любви, а вместе эти два человека потому, что они отличные от всех, но и они втягиваются обстоятельствами во всеобщее убийство, что здесь любовь на втором плане, а на первом — борьба Монтекки и Капулетти. Впрочем, по мнению Жукова, вообще не любовь правит миром. Ну, Трубин верен себе: Шекспир искажен, любви нет, образы деформированы, Ромео — злой мальчик, убийство, а не поединок, мрак, одно зло, спектакль выпускать нельзя. Назаров недалеко от Трубина ушел — мрак, одни подлецы, сначала он думал, что опрощение героев — это, мол, мысль о том, что идеал любви доступен и простым людям, ну а потом видит, что никакой любви. Он тоже считает невозможным выпускать спектакль в этом виде. Жуков говорит: «Ну и что, во всем мире сейчас театр шока, театр ужаса». Назаров подхватывает: «Вот-вот, и я об этом думал», на обсуждении он это говорить не собирается, но эта мысль его волнует. Тут и Трубин подхватил, что Шапошникова на активе два дня назад говорила, что надо бороться и не допускать влияния буржуазной идеологии, и вот пожалуйста, это влияние налицо. Жуков: «Это не идеология». Трубин: «Нет, идеология».

Ну, про московское Управление и говорить нечего, там просто ужас. Сапетов вроде договорился даже до того, что надо с Эфроса снять звание режиссера. Министерство культуры РСФСР тоже лютует.

Обсуждение было назначено на пятницу, но не состоялось, не было Дунаева, а в понедельник заболели Миринго ф и Прибегин. Да, что-то будет?![44]

* * *

На этом мой «Дневник» заканчивается, но мне хотелось бы ответить на вопрос, который ставит в своей книге «Предлагаемые обстоятельства» А. Смелянский, рассказывая о переходе Эфроса на Таганку. На стр. 167 он пишет: «Мы не знаем до сих пор автора дьявольской затеи: одним ударом уничтожить двух крупнейших

художников России».

Я знаю автора, вернее авторов. Первоначально «затея» не была «дьявольской», она такой обернулась. Есть поговорка: дорога в ад вымощена благими намерениями — это тот случай. Автор — Динора Гаяновна Байтерякова была в это время заместителем начальника Управления театров Министерства культуры СССР. Она очень хорошо относилась к Эфросу, можно даже сказать, что у нее с ним были дружеские отношения, и, когда Эфросу на Бронной стало совсем невмоготу, ей и пришла в голову мысль о переходе его в осиротевшую Таганку. Своей мыслью она прежде всего поделилась с покровительствовавшей Эфросу Аллой Александровной Михайловой, работавшей в отделе культуры ЦК КПСС, которая эту мысль одобрила, а также с женой Эфроса, известным театральным критиком Наталией Анатольевной Крымовой, все они были дружны еще со времен ГИТИСа. И только после этого Д. Байтерякова высказала свою мысль Георгию Александровичу Иванову, бывшему в то время заместителем Министра культуры СССР. Тот тоже одобрил. И вот здесь, хорошо зная Г. Иванова, я допускаю, что мысль превратилась в «дьявольскую затею», но все же это только предположение, доказательств у меня нет.

Любимов же, находившийся в это время за рубежом, уже в расчет не принимался, он был «отрезанный ломоть», ведь, как справедливо сам А. Смелянский пишет на стр. 150 своей книги, «…все мы жили в стране по имени Никогда».

Почему же ныне здравствующие «авторы» сами не раскрывают этой «загадки»? Думаю, потому, что это будет выглядеть как самооправдание и родит только недоверие.

Почему я об этом пишу? Потому что, как пишет в своей книге «Профессия: режиссер» А. Эфрос, «…ибо нет все же ничего лучше, чем *простая нормальная правда*». Выделено Эфросом.

Людмила Васильевна Зотова

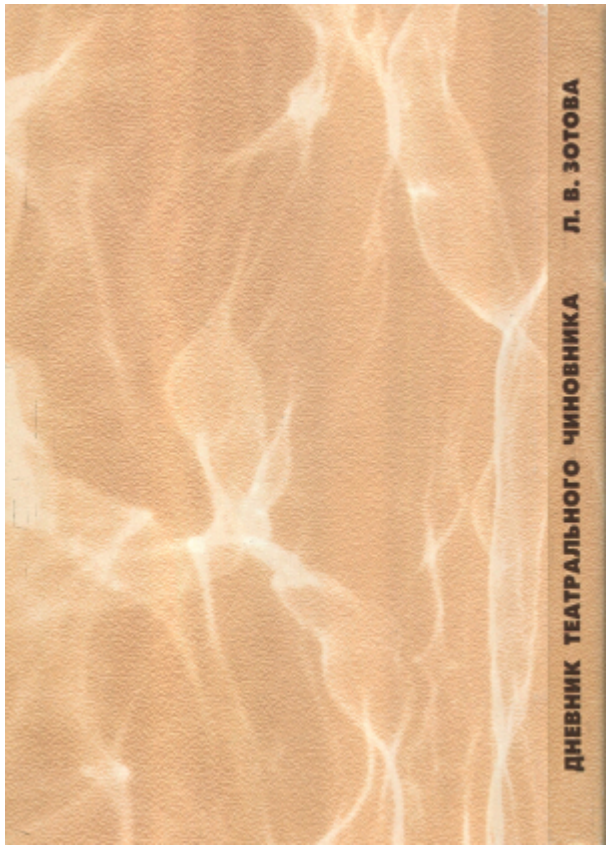
ДНЕВНИК ТЕАТРАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА
1966–1970

Москва, 2003 г.

Дизайн обложки – художник *А.А. Комаров*

Технический редактор *Л.В. Кутакова*

Подписано в печать 07.04.2003
Формат 84×108 1/32
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарн. Musl
Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 500 экз. Заказ 923
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т., 403
Тел. 554-21-86



notes

Примечания

1

Много лет спустя я узнала от Львова — Анохина, что он никогда дневник не вел, а сказал публично, что ведет дневник, чтобы «припугнуть» чиновников, чтобы они думали, что все их действия, слова, поступки фиксируются. Я же мало что записывала в своем дневнике о том, что в эти годы происходило со Львовым — Анохиным, считая, что он делает это сам, и, в частности, эпопею его ухода из театра Станиславского.

2

Спектакль «Смерть Тарелкина» по пьесе Сухова — Кобылина, поставленный молодым тогда режиссером Фоменко, долго не выпускали, как якобы направленный против советской действительности. Особенно возражало Министерство культуры РСФСР, на обсуждении в московском Управлении зам. Министра Бердников высказался категорически против. Спектакль был все же выпущен во многом благодаря позиции бывшего тогда замом начальника Управления театров Министерства культуры СССР В. Голдобина.

3

Кремлевский театр был расположен в Кремле, недалеко от Спасских ворот (вход через Спасские ворота). Это была гастрольная площадка для показа достижений музыкального и драматического искусства Советского Союза. Сюда свои лучшие спектакли привозили театры из всех союзных республик, а также показывались в основном премьеры московских и ленинградских театров. Выступали здесь и отдельные зарубежные театры — в частности, на сцене Кремлевского театра Лоренс Оливье играл своего Отелло. Для этих целей театру выделялись деньги. Театр был закрыт в марте 1968 года, а его помещение было отдано Верховному Совету СССР.

4

В эти годы Министерство культуры СССР размещалось в двух зданиях — на Неглинной, 15, где находились Управление театров, другие творческие управления, и на Куйбышева, 10, где находились Министр, его замы и все остальные подразделения Министерства.

5

Текст спектакля «Братская ГЭС», поставленного Поламишевым по поэме Евтушенко, подвергался до выпуска многочисленным «уточнениям» по «идейным» соображениям.

6

Анастасьев подписал обращение в защиту Синявского и Даниэля, осужденных за публикацию на Западе своих литературных произведений под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак.

7

«Синяя ворона» Р. Погодина — первый спектакль Ленкома после снятия Эфроса с должности главного режиссера и перехода его в Театр на Малой Бронной весной 1967 года.

8

При переходе А. Эфроса в Театр на Малой Бронной ему разрешили взять с собой 12 ведущих актеров Ленкома.

9

Не могу поручиться, что представители абсолютно всех слоев населения Советского Союза в летний и осенний периоды посылались на помощь в «битве за урожай» на село, а также на овощные базы, но для чиновников госучреждений, работников научных учреждений и особенно студентов и школьников это была постоянная общественная повинность, иногда даже начало занятий в институтах по этой причине переносилось на более поздний срок.

10

В. Максимов был вынужден в 1974 году эмигрировать в Париж, где создал известный журнал «Континент», которым руководил 15 лет.

11

В те годы понятия «левые» и «правые» силы были противоположны сегодняшним понятиям.

12

В книгах Смелянского «Предлагаемые обстоятельства» и «Уходящая натура» эпизод о взятии Фурцевой ответственности на себя за выпуск спектакля «Большевики» отражен неверно.

13

Для осуществления генеральной реконструкции помещения МХАТа труппа должна была переехать работать в помещение, выстроенное на Тверском бульваре, 24, где сейчас работает МХАТ им. Горького п/р Дорониной.

14

18 января 1968 года в газете «Советская культура» было напечатано две статьи о «Трех сестрах» Эфроса: Ю. Дмитриева, не оставившего от спектакля камня на камне, и, для «объективности», М. Строевой в защиту спектакля, в которой она в первой же фразе, по существу, объяснила, почему его будущие поклонники не сразу оценили спектакль по достоинству: «Как трудно бывает расставаться с привычной театральной традицией. Словно тебя обкрадывают, отбирают частицу от твоего прошлого».

15

Спектакль так и не был выпущен.

16

В записной книжке Тарасова (случайно ко мне попавшей) перечислено, какие были произведены изменения в спектакле: 1) полностью восстановлен по Островскому монолог Жадова; 2) Пельтцер (Кукушкина) не выходит на авансцену и не обращается в зал; 3) исключаются повторы текста Жадова, Юсова, Вышневского; 4) восстанавливается финал пьесы о суде общественном.

17

Сохранился интересный документ: письмо Посла СССР в ЧССР Червоненко на имя Министра культуры СССР Фурцевой и Председателя Комитета по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР Романовского от 28 сентября 1966 года, в котором посол пишет: «Посольству известны имеющиеся сложности в этом вопросе, однако полагаем, что следует использовать имеющуюся благоприятную обстановку и направить театр на Таганке как экспериментальный театр, хотя бы лишь с одним спектаклем „10 дней, которые потрясли мир“». Управление театров своим письмом за подписью Тарасова дало свое согласие, но на уровне замминистра Попова, а потом ЦК принятие решения тянулось больше года, гастроли были намечены лишь на 1968 год и из-за событий в Чехословакии не состоялись.

Возможно, именно поэтому Б. В. Алперс в 1967 году — в последний год своей работы в ГИТИСе — прочитал 10 лекций о театре предреволюционного десятилетия и записал их на магнитофон. Это не столько лекции, сколько беседы со студентами свидетеля происходивших процессов и рассказы очевидца, знакомого со многими персонажами. Они дополняют уже сказанное Алперсом в его опубликованных работах, а в некоторых случаях дают новый оригинальный взгляд, например на творчество Вахтангова. Лекции сняты мною с пленок и ждут своего опубликования, а сами пленки переписаны Театральным музеем им. Бахрушина для длительного хранения.

19

Привожу краткие записи выступлений на симпозиуме из записных книжек Тарасова.

О. Крейча: «1. Нам важно, чтобы произошел разговор откровенный, чтобы были выявлены все недостатки. 2. Мы не должны забывать, что наиболее сильный диалог — это наша работа, то есть надо говорить о том, что делаешь. 3. Нам кажется, что мы должны разговаривать как специалисты и выяснять все неясные вопросы. 4. За фамилиями участников симпозиума стоит богатый опыт, и они должны отвечать на тему „Драматург, актер, режиссер“. Правда, наша внутренняя дискуссия на эту тему неделю назад не увенчалась успехом. 5. Искусство — особый вид общественной активности, искусство может быть и самим собой, выражать свою собственную сущность. Этот диалог — очная ставка между нашим и советским театром. В нашем театре живет инициатива Станиславского, живы приемы Мейерхольда и Таирова. Я думаю, что наши нынешние разговоры должны касаться сегодняшней практики. Плодотворные взаимоотношения между нами должны учитывать не только общие факторы, но и индивидуальности. Дело в самих художниках, сама культура должна формироваться в себе без внетеатральных вмешательств. Фактическая творческая деятельность больше всяких симпозиумов, ее нельзя организовать, художественное действо нельзя подавить. Художническая деятельность весьма субтильна, она не может быть не самостоятельна».

Сухаржипа — о драматическом театре Чехии и Моравии. «В прошлом году удивила цифра постановок советских и русских классических пьес: „Ревизор“, „Враги“, „На дне“, три пьесы Булгакова. Повышается интерес к классике, и снижается интерес к советским пьесам. Мы хотим давать те произведения, которые вызывают интерес, — „Блоха“ Замятина, Булгаков, Эрдман. Они не ставились в СССР. Не всегда постановка этих пьес увенчивается успехом, например „Мандат“. Можно сказать, что пьесы, волнующие Москву, мало интересуют нашего зрителя. Вот „Традиционный сбор“ Розова, идущий в ряде театров у вас, а у нас не переведена. Розов не переходит ту грань, где кончается официальная оценка и начинается искусство. Сатирическое острие нашего зрительного зала требует другой драматургии, поэтому мы взяли пьесу Арканова. У нас идут и „эротические“ пьесы (как кажется советским товарищам) — это любовные пьесы, не бульварные, среди них и „104 страницы про любовь“. В советских пьесах мало того, что привлекло бы наши театры, в них

мало художественно-убедительного качества». Дальше говорит о переводах, о «Трех сестрах» О. Крейчи, в которых показан распад семьи, о том, что Чехов — отец драмы абсурда.

Топорков — высказывает свои впечатления от спектаклей, просмотренных за время пребывания, и, в частности, о «Трех сестрах» О. Крейчи.

Ефремов — спорит с Сухаржипой о Розове и его концепции об отметках, что Розов не привлечет зрителя своими отметками. Говорит: «Мне грустно ходить в СССР в театры, мы утрачиваем искусство актера. Надо развивать систему Станиславского».

Урбанова — о спектаклях Горького. «Он всегда вызывал широкий интерес и будет вызывать интерес. „Враги“, „На дне“, „Последние“ — пьесы говорят о конфликте общества и человека. Горький вечен и будет нужен всегда».

Головашенко — не соглашается с некоторыми моментами трактовки «Трех сестер» О. Крейчи. Говорит о реализме и его безграничности, что реализм имеет границы, но их не видно.

Царев — говорит об актере, о том, что он находится в центре любого режиссера.

Мартинек: «Надо говорить о ранних годах развития театра как о золотом веке. Не издаются книги о Таирове, Мейерхольде, Евреинове, Комиссаржевском, Радлове, Сахновском и др. Многое же из того, что было издано, переиначено, причесано, приглажено. Этот культурный нигилизм ослабляет советскую режиссуру. Мы изобретаем порох. Мне кажется, вся сфера театральной режиссуры не добилась того, что содержится в материалах Мейерхольда, которые держатся за семью замками».

20

Выступления на собрании из записных книжек Тарасова.

Зайцев: «Возникла необходимость посоветоваться о творческом положении нашего театра».

Родионов: «Группа актеров посетила Министра культуры СССР, горком КПСС, райком; письма коллективные в связи с назначением художественного руководства. Надо это обсудить. Последним главным режиссером был Монюков. Прошло полтора года, как театр работает без главного режиссера. Это время театр работал неплохо: выпущены „Физики и лирики“, „Гроссмейстерский балл“, „Визит дамы“ и другие. Но ощущалась и ощущается потребность в едином руководстве. Там, где главный режиссер направляет деятельность театра, там театры преуспевают. Партбюро театра обсуждало положение (в связи с критикой в прессе) и приняло решение о коллективном руководстве. Действительно, такое руководство существует в Театре Маяковского, МХАТе, но оно очень сложно, трудно достичь единого понимания. Мы посоветовались и решили, что такая форма рекомендована быть не может. За отсутствие квалифицированного руководства в театре критикуют нас. Театр — государственное учреждение, непорядки в нем касаются партийных и общественных организаций. Мы должны реагировать на критику. Возникла необходимость назначить художественное руководство.

В театре авторитетная, сильная режиссура — Эфрос, Поламишев, Судакова, — отсюда сложность требований к главному режиссеру. Нам кажется, что мы такого человека нашли, вы его знаете: Юрий Борисович Щербаков — мужчина пятидесяти лет (смех, голоса — рост и т. д.), у него достаточно и физических и нравственных сил, чтобы руководить театром. Коммунист, народный артист БССР, поставил 50 спектаклей. Имеет три предложения: вернуться в Белорусский государственный театр, главным режиссером в Калинин и наше предложение о Драматическом театре на Малой Бронной. Принял предложение не сразу, подумал, дал согласие, но поставил два условия: 1 — не реорганизовывать коллектив; 2 — обязательно встретиться с Эфросом».

Волков: «Цель собрания — доложить о мужчине пятидесяти лет или посоветоваться?»

Родионов: «Назначение главного режиссера голосованием не решается».

Сухаревская: «У нас было решение о художественной

коллегии, чего же еще от нас хотят?» (Реплика Родионова: «Коллегия не принимается».) «Не вносилось ли предложение о назначении главного режиссера из коллектива театра?»

Песелев (секретарь партбюро): «То, о чем мы говорили в райкоме партии, должно стать предметом гласности. Мы все просили сохранить для нас форму коллегии на год. Мы считаем, что у нас ничего панического не происходит. Монюков несерьезно был назначен. Режиссерская чехарда настораживает коллектив. Очень важно, кто возглавит театр».

Сухаревская: «Все сказано. Нельзя нас насиловать. Я считаю, что режиссерская коллегия является главной. Надо устроить диспут по „Трем сестрам“. Дискуссия были невозможной. Может быть, что-то у Эфроса не получилось, но критика была предвзятой».

Соколовский: «Театр и пресса. „Советская культура“ объявила даже дискуссию, но это была не дискуссия, а стрельба по одному человеку, Эфросу не дали выступить, ни слова не говорят об актерах. О главном режиссере. Монюков работал год и ничего не сделал. Театр без главного режиссера стал работать лучше, кончились склоки и интриги. И сейчас худсовет, парторганизация, местком пришли к мысли о коллегии. Надо нас поддержать».

Богданова: «Все началось с „Трех сестер“. Надо открыть дискуссию о состоянии театральной критики, так как количество статей перешло в оргвыводы. В явлениях искусства разбираться очень сложно. Мы прислушиваемся к критике и поправляем спектакль. Это большое достижение, художественное явление. „Современник“ был долго под коллективным руководством. Была бы сделана ошибка, если бы к нам не прислушались».

Веснин: «Мы рады, что товарищи увидели, как мы едины. У режиссеров разный подход к решению творческих проблем. Я не совсем согласен с Эфросом, его методологией. У меня методология другая, но я признаю талантливость Эфроса и с удовольствием сижу у него на репетициях».

Волков: «Присоединяюсь к товарищам. Дела у нас неплохи. Да и кандидатура Щербакова не самая хорошая. Я-то считал, что Эфрос может быть худруком».

Судакова: «С нами считаются, мы не быдло, и это необыкновенно отрадно. Очень хочется, чтобы это не было иллюзией. Неверно, что режиссерам в театре не придется потесниться. Придется. Почему мы должны тесниться в пользу Щербакова? Почему должны тесниться люди более талантливые, а менее талантливые должны занимать большее место? Эфрос талантливее».

Владыкин: «Я принадлежу к числу тех, кто наблюдал за работой театра». Григорий Иванович сказал об удачах театра, о некоторых неудачах, что были трудные разговоры о «Братской ГЭС», о «Трех сестрах», о некоторых ошибках в этом спектакле. О «Колобашкине», о разговорах с Эфросом в Министерстве по поводу постановки.

Эфрос: «Надо кончить трагическое недоразумение между нами и руководством. Приходится доказывать, что (Щербаков) — это уважаемый режиссер и педагог. О „Колобашкине“ — давайте скажем, что это „наша вина“. Мы продолжим работу над „Тремя сестрами“ и „Колобашкиным“. Нечестно, когда печатают статью за чужой подписью. Нужен какой-то другой стиль. Вы должны нас защищать. Нечестно — вот что плохо».

Родионов: «Три высокоталатливых режиссера. Не все у них положительно. Вместе с тем с каких-то слухов говорят о неталантливости Щербакова. Нельзя выдумывать критику, нельзя обвинять в травле. Больше требовательности к себе».

21

Первая режиссерская конференция состоялась в 1939 году.

22

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

23

НТС — Народный трудовой союз (эмигрантская организация).

24

Валентин Блинов был талантливым драматургом, его пьеса «Белые облака» шла в Малом театре.

25

Назначение А. Дунаева оказалось удачным. Он предоставил Эфросу полную свободу и самым активным образом защищал его спектакли при обсуждении в административных органах. Он и сам «обэфросился» (по выражению Шумова), что отразилось на его собственных спектаклях.

26

Совещание в Чиерне над Тиссой на границе с Чехословакией, проводившееся по инициативе советского руководства, было попыткой остановить начавшиеся в Чехословакии процессы демократизации. Попытка оказалась неудачной, поэтому 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска стран Варшавского Договора во главе с Советским Союзом.

27

Скоро Мрожек вернулся на польскую сцену. Уже в 1973 году он называется первым современным драматургом Польши.

28

Роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» был переведен, но не напечатан, набор его был рассыпан из-за протеста жившей в СССР Долорес Ибаррури — секретаря Испанской компартии, считавшей, что Хемингуэй неверно отразил гражданскую войну в Испании. В машинописном варианте роман ходил по рукам, Грибанов сделал по нему инсценировку, решение по которой и должен был принять Владыкин.

меня сохранился полный доклад Абалкина, а стенограммы выступлений других участников Худсовета потеряны.

30

Хейфец от дальнейшей работы над пьесой отказался — то ли заболел, то ли не захотел участвовать в скандале, возникшем во МХАТе по поводу ее постановки.

31

Ежедневно во всех московских театрах, от ГАБТа до театра кукол, было предусмотрено по 2 лучших места, билеты на которые изымались из продажи и направлялись в Министерство культуры СССР, Министерство культуры РСФСР, московское Управление культуры, Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП) и Главлит. При помощи упомянутой «афиши» они и распределялись. Первым на «афише» расписывалось руководство, потом сотрудники Управления театров, Управления музыкальных учреждений. Руководство, да и сотрудники часто отдавали эти билеты родственникам, врачам и т. д. Задумывалась эта «афиша» как способ контроля за репертуаром, а превратилась в кормушку.

32

В 1962 году «Современнику» пьесу ставить запретили.

33

Фурцева посмотрела спектакль «Живой», после чего вопрос о его выпуске вообще был снят с повестки дня.

34

Пьеса Радзинского «Чуть-чуть о женщине» все же была поставлена с Дорониной во МХАТе Львовым — Анохиным, который к этому времени расстался с театром Станиславского, премьера состоялась в 1970 году.

35

В Советском Союзе производилась перлюстрация корреспонденции, пересылаемой по почте, как за рубеж, так и из-за рубежа.

Ходил анекдот, что, когда Фурцева при встрече с Мотыкой выразила свое недоумение по поводу некоторых пьес, идущих на сценах польских театров, вопросом: «Разве мы не в одном лагере?», Мотыка якобы ей ответил: «В одном, но наш барак повеселее».

37

В конце концов главным редактором журнала «Театр» был назначен драматург Лаврентьев. Приказ о снятии Рыбакова и назначении Лаврентьева был издан 15 декабря 1969 года.

38

21 августа 1969 года исполнился год с момента ввода в Чехословакию войск стран Варшавского Договора, а с апреля 1969 года вместо Александра Дубчека первым секретарем ЦК КПЧ стал Густав Гусак.

39

В своей статье «О традициях и народности», напечатанной в 4-м номере «Нового мира», Дементьев подверг критике антизападные статьи В. Чалмаева: «Великие искания» и «Неизбежность», напечатанные в журнале «Молодая гвардия» № 3 и № 9 за 1968 год, чем вызвал шквал обвинений в антипатриотизме. Статья послужила поводом для развязывания кампании против самой редакционной политики «Нового мира», самого прогрессивного журнала того времени.

40

Анатолий Кузнецов — автор знаменитого романа «Бабий яр» — остался на Западе в 1969 году, работал на Би-би-си, умер в 1979 году.

41

Пьеса Розова «На беговой дорожке» так и не была выпущена, и ее никто не поставил.

42

Пьеса Дельмара «Уступи место завтрашнему дню» была поставлена Эфросом в театре Моссовета с Раневской и Пляттом под названием «Дальше тишина».

43

Конрад Свинарский — режиссер, художник, крупнейший артист, ставивший спектакли на сценах почти всех европейских стран, а также в США и Мексике, первый постановщик пьесы П. Вайса «Марат и Маркиз де Сад» в Берлине в 1965 году, погиб в авиационной катастрофе 19 августа 1975 года.

Была борьба, нервотрепка, «уточнения», но спектакль пошел и имел огромный успех и разноречивые оценки и отношение.